ЗАПИСКИ ИЗ ДОМА НА ПЕСКЕ

Карстен Хенн
перевод Ирины Офицеровой

роман

МИФ

Записки из дома на песке

Карстен Хенн

Аннотация
Карстен Хенн. Записки из дома на песке
Информация от издательства
Пролог
1. Голос в автобусе
2. Библиотека записок
3. Бабье лето
4. Сбывшаяся жизнь
5. Хороший Мальчик
6. Краски возвращаются
7. Совсем не на что надеяться
8. Закат № 5
9. Надрыв
10. Глава о любви
11. Слова у моря
12. На север
13. Тарт Татен
14. Скрипучая лестница
15. Пляж, утопающий в огнях
16. Бесплатное золото
17. Груши, фасоль и бекон
18. Марлен

19. Густаф
20. В темноте
21. Все хорошо
22. Теория хаоса
23. Гость
24. В животе у кита
25. Дом
26. Старые фильмы
27. Шторм
28. Как обстоят дела с правдой
29. Мягкий песок
30. Незабываемое
31. Прожить полноценную книгу
32. Пощечина
33. Только для Пауля
34. В «Крабе»
35. Двери открываются
Эпилог
Послесловие
МИФ Проза
Над книгой работали

Аннотация

Йонасу девятнадцать, он бросил учебу и теперь пытается найти себя, помогая другим записывать истории их жизни. Его первая клиентка — эксцентричная Стелла Дор, бывшая кинодива, которая хочет, чтобы ее биография была безупречной, полной лишь верных решений и счастливых моментов. Но погружение в прошлое — не только Стеллы, но и его собственное — дает Йонасу понять: по-настоящему незабываемой жизнь делает не отсутствие ошибок, а смелость быть честным.

Новая книга от автора бестселлера «Служба доставки книг» — мудрая и поэтичная история о силе памяти, бесценном даре дружбы и искусстве ценить каждый рассвет.

Карстен Хенн
Записки из дома на песке

Информация от издательства

Original title:
SONNENAUFGANG NR. 5
Carsten Henn

На русском языке публикуется впервые

Хенн, Карстен
Записки из дома на песке / Карстен Хенн; пер. с нем. И. Офицеровой. — Москва: МИФ, 2026. — (Романы МИФ. Прекрасные мгновения жизни).
ISBN 978-5-00281-163-2

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака. Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2025 Piper Verlag GmbH, München
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «МИФ», 2026

Всем, кому воспоминания иногда причиняют боль

«В философии верно считается, что жизнь нужно понимать, оглядываясь назад. Но при этом все забывают о другом правиле: жить нужно, глядя вперед».

Сёрен Кьеркегор

Пролог

Большинство воспоминаний — это сувениры, которые мы бережно храним и полируем, но у каждого найдутся и такие, которые мы предпочитаем спрятать в темный чулан.

Стелла Дор превратила все свои воспоминания в записки.

Потягивая утренний коктейль — сегодня это был «Французский 75», который она усовершенствовала лавандовым сиропом, — Стелла вдруг вспомнила кое о чем, что заставило ее бросить все дела.

Она вспомнила жаркое августовское воскресенье.

Долгую прогулку с родителями.

Луг, от края до края полный цветущей лаванды.

Стелла тогда нарвала букет — такой большой,

что с трудом держала его в руках. Она то и дело опускала нос к бесчисленным фиолетовым цветам и глубоко вдыхала их восхитительный аромат. Вернувшись в свою комнату, она быстро наполнила вазу водой из-под крана и поставила в нее благоухающие веточки. Но уже на следующее утро некоторые из них поникли.

С того момента Стелла начала засушивать цветы между страницами книг. Так ей удавалось сохранить частичку их красоты, однако от аромата не оставалось и следа.

Поле, покрытое цветами лаванды, просто невозможно увековечить. Такое счастье можно только пережить.

Та прогулка стала одним из самых прекрасных моментов ее юности. Все еще предаваясь воспоминаниям, Стелла искала, где бы записать свои мысли. Она разложила ручки по всему дому, на случай если ее неожиданно посетит какой-нибудь образ из прошлого. Ей попалась шариковая ручка с логотипом компании по ремонту крыш. Быстро схватив кофейный фильтр, она размашистым изящным почерком написала на нем несколько слов. В том, что при этом у нее болели пальцы, Стелла отказывалась признаваться даже самой себе. Ее пальцы никогда не болели, они не

должны были болеть и никогда болеть не будут.

Лето. Луг. Лаванда. Поникшие головки цветов.

Воспоминаниям не нужно много слов. Достаточно лишь подобрать правильные. Куда же лучше всего поместить эту записку? Стелла решила засунуть кофейный фильтр между двумя пачками манной крупы, но так, чтобы его краешек торчал наружу. Как и все остальные заметки, особенно те, что лежали в книгах Стеллы.

Хотя ни один дизайнер никогда в этом не признается, самый красивый предмет интерьера — это книга. А еще лучше — много книг. Но жесткое и холодное определение «предмет интерьера» совсем не передает их истинной ценности. Французы говорят ameublement — значение такое же, но звучит гораздо элегантнее. «Как и все по-французски», — подумала Стелла и вспомнила Париж. Многие из ее заметок были о Париже.

Дом, в котором разворачивается эта история, был заполнен книгами. Они закрывали стены такими плотными рядами, что казалось, будто именно книги и держат крышу.

Только одно место пустовало на протяжении многих лет. Как бы ни были переполнены полки, в тот промежуток не допускался ни один новый том.

Перед вами история о книге, которой в конце концов предстояло заполнить эту пустоту.

А также об истории, которую она рассказывает.

1. Голос в автобусе

Даже крепкая лодка качается, когда в нее садишься.

Так сказал ему на прощание отец.

Йонас пробормотал эту фразу, когда вышел из автобуса и ступил на мощенный красным камнем тротуар, присыпанный песком, как пирог — сахарной пудрой. До этого он повторял ее, садясь в междугородный экспресс в родном городе, потом еще раз, когда занимал место в междугородном автобусе, и, наконец, при входе в почти пустой микроавтобус, который, покачиваясь, и привез его сюда через обширную равнину. В крошечный приморский поселок, название которого почти никто не знал. А из тех немногих, кто знал, большинство все равно произносило его неправильно. Правильное звучание Йонас впервые услышал, когда при открытии дверей

остановку объявили на диалекте.

Здешний воздух, наполненный запахом йода и криками чаек, хлынул навстречу Йонасу, словно огромная волна. Вдыхать его было как пить соленую воду.

Йонас нервно одернул одежду. Она почему-то никогда не сидела на нем как следует, сколько бы он ни возился, поправляя ее на своей худощавой фигуре ростом метр восемьдесят восемь. Сейчас, в девятнадцать лет, ему казалось, что это бросается в глаза каждому встречному, как мигающая неоновая вывеска.

Впрочем, в данный момент рядом не было никого, кроме пожилой женщины в шляпке и в элегантном темно-зеленом костюме, которая выглядела так, будто собиралась на свадьбу. Она сидела под табличкой на левом из трех пластиковых сидений крытой остановки и улыбалась.

Йонас окинул взглядом побережье, которому предстояло стать его домом на ближайшие две недели. Это, должно быть, центральная площадь, вокруг которой разместились украшенная флагами ратуша, слегка покосившаяся церковь, башню которой венчал золотой флюгер в виде кораблика, пекарня, где также продавали пляжные игрушки, и греческий ресторан под названием

«Дионис» (хотя «Посейдон» подошло бы гораздо лучше). В море уходил белый деревянный пирс: у его начала стояла закусочная, а в конце красовалась восьмиугольная белая беседка — единственная местная достопримечательность.

Поселок показался Йонасу моделью из конструктора, и он бы не удивился, если бы в следующую секунду мимо промчался игрушечный паровозик.

На тот момент Йонас еще не знал, что женщина, чьи семьдесят два года жизни ему предстояло превратить в книгу, жила всего в километре к западу отсюда. Он также не знал, что на набережной, в ларьке «Бабусина поварня», за прилавком стояла девушка примерно его возраста по имени Несса, с которой он скоро подружится. И уж тем более он на тот момент не знал, что закаты можно пронумеровать. Однако порой за две недели меняется очень многое. Если это правильные две недели.

Чтобы спокойно поискать маршрут в «Гугл-картах», Йонас сел рядом со старушкой. Она блаженно улыбалась, глядя куда-то вдаль. Точнее, в никуда.

У нее точно все в порядке? Йонас очень не любил заводить разговор с незнакомцами, по-

скольку всегда существовала вероятность, что они ляпнут что-нибудь странное.

Но с этой женщиной, похоже, действительно что-то не так. Может, в хорошем смысле, а может, и в плохом.

Йонас набрался смелости.

— У вас все хорошо?

Женщина посмотрела на него, словно очнувшись от сна наяву.

— Просто замечательно.

— Вы кого-то ждете?

Старушка учтиво протянула ему руку:

— Добрый день, я Бентье, и я жду своего мужа.

— Йонас, — ответил он, слегка растерявшись. — Ваш муж приедет на следующем автобусе?

Ее улыбка стала еще ярче.

— Роберт приезжает на каждом автобусе. Каждый день.

Йонас расстегнул передний карман рюкзака и достал целлофановый пакетик с грецкими орехами. Недавно он где-то прочитал, что, если их есть, становишься счастливее. Орехов в пакете осталось не так много, но запутавшаяся женщина рядом с ним, похоже, нуждалась в них гораздо больше.

— Угощайтесь, они вкусные.

Когда Бентье увидела открытый пакетик с орехами, ее глаза засияли.

— Как мило с вашей стороны. Неужели я выгляжу такой голодной?

— Нет, но вы… Ну…

Бентье накрыла его ладонь своей.

— Вы задаетесь вопросом, почему я сижу на остановке в своем лучшем воскресном наряде, но не сажусь в автобус? И возможно, даже думаете, что со мной что-то не так, верно?

— Я бы никогда…

Она сжала руку Йонаса.

— Наверное, со мной и правда что-то не так. Наверняка со мной что-то не так. Я потеряла мужа, с которым прожила в браке сорок три года. Хотя… «Потеряла» — неподходящее слово, вам так не кажется? То, что потеряно, можно найти. А его больше нет, он… — Женщина тяжело вздохнула. — Умер. Почему же это так трудно произнести?

— Мне очень жаль. — Понимая, что орехи в такой ситуации ничуть не помогут, Йонас все равно снова протянул старушке пакетик.

Бентье с улыбкой покачала головой.

Йонас промолчал. Иногда тишина нужна, чтобы можно было наполнить ее словами. Чем

тяжелее слова, тем больше тишины им требуется.

— Я расскажу вам, почему говорила, что мой муж приезжает с каждым автобусом. На самом деле все очень просто: потому что тогда я слышу его голос. Стоит закрыть глаза, и на мгновение мне кажется, будто он до сих пор жив и вот-вот сядет рядом со мной.

Йонас посмотрел туда, где только что стоял автобус.

— Звуковая дорожка с объявлениями?

— Да, их записал мой Роберт. Он озвучил все остановки на этой линии, но остальные записи уже заменили. Только здесь, в поселке, по-прежнему звучит его голос. Каждый день тут останавливаются два автобуса, и, когда приезжает мой Роберт, я уже жду его. В любую погоду. Я рядом с ним. А он — рядом со мной.

Йонас убрал нетронутый пакет с грецкими орехами и ласково погладил старушку по руке.

— По-моему, это замечательно.

Бентье вытерла маленькую слезинку в уголке глаза.

— А мне очень приятно, что вы ко мне присели. Что же привело вас в наши места вне сезона?

— Я еду к женщине по имени Стелла Дор, она…

— Я знаю, кто такая Стелла. Здесь ее все знают. В конце концов, она наша Бардо. Благодаря такой знаменитой актрисе, как она, мы все сразу стали походить на светское общество. Хотя, к сожалению, ее нечасто можно увидеть. — Бентье с непринужденной элегантностью поправила шляпку.

— Какая она?

— Мне она очень нравится. Сильная женщина, уверенная в себе, никогда не дает себя в обиду.

— Похоже, тут кроется какое-то «но»?

— А вы чрезвычайно внимательны! — улыбнулась Бентье. Ее палец указал на самое большое здание на площади. — Это наша ратуша. В честь семидесятилетия Стеллы там устроили прием. С кучей наряженных почетных гостей, хором шанти[1] из соседнего городка, даже стрелковый клуб приехал, чтобы отдать честь залпами. Ей собирались присвоить звание почетной гражданки и вписать ее имя в «Золотую книгу».

— Но?

— А вы как думаете?

— Она не пришла?

---

[1] Примечания: 1

Шанти — поджанр английской музыки, традиционные рабочие песни, которые пели моряки британского флота, начиная примерно с XV–XIX веков. *Здесь и далее примечания переводчика.*

— О нет! Стелла торжественно появилась, приняла награду и произнесла благодарственную речь. Она состояла из шести слов: «Долго же вы с этим тянули». — Бентье хихикнула. — У нас это стало крылатой фразой.

— Значит, она сложный человек? Высокомерная? Эгоцентричная?

— Она дива до мозга костей. Лису ведь не критикуют за то, что она крадет кур. Правда, Стелла — совершенно особый представитель лисьего рода. Но вам это и так наверняка известно.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, то, что четверть века назад она внезапно перестала сниматься в кино. Притом что тогда как раз подписала контракт на участие в масштабных съемках с кинокомпанией «Бавария». Причину Стелла так и не назвала, хотя в прессе в те дни только это и обсуждали. — Бентье снова посмотрела на часы. — К сожалению, до возвращения Роберта еще долго. Но он всегда очень пунктуален.

Йонас встал, закинул на плечо рюкзак и смахнул с лица волосы, которые растрепал морской бриз.

— Что ж, тогда я пойду.

— Идите вон туда, к детской площадке, и у

красно-белой лазательной башни поверните направо. А потом просто следуйте по тропинке между дюнами — так вскоре и попадете к Стелле. Ее дом вы сразу узнаете, уверяю вас.

— Спасибо. И передавайте привет своему мужу!

— Обязательно. А вы не дайте Стелле себя запугать.

Йонас покачал головой.

— Конечно, ни в коем случае.

Но на самом деле он уже испугался. Лодка, в которую он сел, угрожающе раскачивалась.

Слева от Йонаса море огромными волнами с шумом набегало на берег, а справа мягко колыхалась на ветру трава в дюнах. Выдался один из тех серых осенних дней, когда горизонта совсем не было видно, а океан и небо сливались воедино. Проплывавший на запад танкер пересек эту невидимую линию, и создалось впечатление, будто многотонный монстр парит в воздухе.

За исключением нескольких прохожих, часть из которых гуляла с озорными собаками, пляж пустовал, и ни одного дома поблизости не наблюдалось.

На тропинку среди дюн намело столько песка, что различить под ним бетон было просто

невозможно. Долгая дорога давала о себе знать, и рюкзак с каждым шагом казался Йонасу все тяжелее. А поскольку пейзаж почти не менялся, возникало ощущение, будто он топчется на месте.

Йонас остановился.

Потом сел на холодный песок и вытащил из кармана брюк визитку. Плотная бумага смялась по краям, однако красующийся посередине светло-голубой тисненый слоган с засечками не пострадал.

Каждая жизнь достойна того, чтобы о ней рассказали. Доверьте свою нам. Мы превратим ее в книгу.

Йонас Энгельбаум и его команда

Никакой команды, разумеется, не было. Разве что его отец, который иногда заносил что-нибудь на почту, так как она находилась по пути в его маленький ресторан. Но со словом «команда» фраза не только звучала лучше, но и воспринималась по-другому. Как будто он не одинок в этой попытке заработать на жизнь писательством. Йонас погладил визитную карточку с такой осторожностью, будто держал в руках хрупкий оберег.

На самом деле на карточке было написано го-

раздо больше — невидимо, между строк. Жизнь, о которой стоило рассказать, — это жизнь, которую стоило прожить.

Йонас читал о многих жизнях, в том числе и во время учебы в области германистики, которой он так радовался. Новая глава, еще не заполненный лист в книге его жизни. И самый важный шаг на пути к писательству. Но в итоге он научился только разбирать тексты, как двигатели. Увлекательный и поучительный опыт, однако ему хотелось узнать больше о той искре, которая рождает истории, и, главное, о том, как зажечь ее в себе. Пока его друзья получали дипломы экономистов, осваивали специальность мехатроника (что бы это ни означало) или целый год работали по государственной волонтерской программе в обществе защиты детей, он очутился неизвестно где, на занесенном песком пути к эксцентричной диве.

Стелла Дор первой откликнулась на объявление в газете, для которого Йонас специально заказал себе портретную фотографию, где он дружелюбно улыбался в камеру (что всегда давалось ему с трудом, даже если сказать «сыр» или «принцесса»). При этом Стелла жила вовсе не в городе. Хотя когда-то все-таки жила и там, поэтому и

сохранила подписку. Йонас не рассчитывал, что ради заказа придется ехать так далеко, но отец заставил его дать дурацкое обещание: первого клиента нужно принять в любом случае! Если Йонас не справится, ему придется помогать отцу в ресторане южно-французской кухни, потому что там катастрофически не хватало персонала. Конечно, там собирался стажироваться его двоюродный брат, но только через год, после сдачи экзаменов.

Йонас воткнул визитку в песок, так что она стала похожа на маленький парус, и кончиком пальца нарисовал вокруг нее корпус корабля.

«Йонас 1».

Или лучше «Йонас 9 ¾» — в детстве он обожал книги о Гарри Поттере. Это воспоминание заставило его улыбнуться. Казалось, что с возрастом многое от того мальчика, которым он когда-то был, безвозвратно исчезло, но мечта о писательстве пережила и годы, и гормональные бури.

Голос с пляжа вырвал его из раздумий.

— Мона, не подходи так близко к воде!

— Но, мама! — отозвался высокий детский голосок. — Так же нечестно!

— Не подходи, кому сказала!

— Почему?

— Я не взяла тебе сменную одежду.

Йонас очень хорошо понимал Мону… но и ее маму тоже.

Ветер холодными пальцами залезал ему за воротник и хватал за уши. Ладно, нечего рассиживаться тут и ждать, пока его занесет песком, пора идти дальше.

Когда Йонас снова встал и стряхнул песчинки с одежды, то почувствовал, как в кармане куртки завибрировал мобильник. Он догадывался, кто это, но все равно взглянул на экран.

Отец.

Уже в седьмой раз за сегодня.

Как и все предыдущие разы, Йонас не ответил на звонок.

У отца наверняка какое-то важное дело.

Какое-то очень трудное дело.

Уже пройдя несколько шагов, Йонас вернулся, чтобы вытащить визитку из песка.

Этот маленький парус еще должен привести его к опасным берегам.

2. Библиотека записок

В этом маленьком поселке было три пляжных павильона на деревянных сваях, каждый из которых получил название в честь морских деликатесов: «Золотая сельдь», «Устрица» и «Краб».

«Краба» построили последним, когда большинство отдыхающих уже облюбовали для себя один из двух других павильонов. Кроме того, он находился дальше остальных от центра поселка. А из-за отрога дюн здесь раньше всего опускались тени на закате.

Он с самого начала не приносил прибыли, поэтому в какой-то момент местная администрация решила его продать. Надеялись, что кто-нибудь организует в нем частную школу серфинга, дайвинг-центр, может быть, модный пляжный клуб, но покупатель никак не находился. Пока внезапно не появилась Стелла Дор с идеей со-

здать художественную колонию. Администрация ожидала открытия театра под открытым небом, художественных выставок и музыкальных фестивалей.

Стелла Дор приобрела «Краба» за символическую цену в один евро.

Тогда-то и выяснилось, что она понимала под художественной колонией.

Колонию, состоящую ровно из одного человека. Никаких театральных представлений, никаких художественных выставок, никаких фестивалей. Только повод для постоянных статей в местной прессе.

Стелла Дор возвела вокруг своего участка деревянный забор и установила желтые предупреждающие таблички. «Осторожно! Злая собака! Заходите на свой страх и риск!»

Именно одна из этих табличек первым делом бросилась в глаза Йонасу, когда он приблизился к «Крабу»: на рисунке оскалившая зубы собака нападала на мужчину.

Весьма гостеприимно.

На заборе не обнаружилось ни колокольчика, ни звонка, только калитка.

— Здравствуйте? Фрау Дор?

Ответа не последовало. Вместо этого раздался

громкий собачий лай.

— У нас назначена встреча. — Йонас еще никогда не чувствовал себя таким деловым человеком. — Пожалуйста, не спускайте на меня собаку!

Йонас любил собак. Но не любил, когда собаки не любили его.

Лай стал агрессивнее.

Ну и что теперь? Покричать погромче? Открыть калитку? Он решил сделать и то и другое.

— Я вхожу, ладно?

Калитку Йонас оставил открытой на случай, если придется быстро уносить ноги.

Скрипучая деревянная лестница вела ко входу, над которым по-прежнему висела неоновая вывеска с надписью «Краб», правда, неработающая. Собака бесновалась прямо за дверью, рыча все сильнее.

Йонас постучал. Постучал громче. Ударил по двери ладонью.

Гавканье не стихло, нет, оно прекратилось в одно мгновение. Буквально оборвалось на середине. Послышались шаги по деревянным доскам. Покашливание. Глубокий вдох. Еще один. Затем дверь широко распахнулась.

Ему ослепительно улыбнулась Стелла Дор.

Эта женщина определенно умела производить впечатление. Она была одета в идеально сидящий костюм от «Шанель» с болеро. В жемчужно-седых волосах красовался черный лаковый ободок с перьями.

В таком наряде можно спокойно отправляться на вручение «Оскара».

— Герр Энгельбаум, как я рада вас видеть! Так приятно наконец-то познакомиться с вами лично! Заходите, пожалуйста.

Йонас поискал взглядом собаку, но не нашел. Только спустя какое-то время его мозг нашел объяснение отсутствию четвероногого: обман. Лай был аудиозаписью.

Он протянул руку Стелле Дор.

— Это мне очень приятно с вами встретиться. Для меня действительно огромная честь помогать вам в написании автобиографии.

Да, прозвучало как лесть, но это правда.

Стелла элегантно отмахнулась.

— Молодой человек, вы просто очаровательны. Но не нужно меня умасливать, так недолго и поскользнуться. Времена, когда для кого-то было честью помогать мне в чем-либо, остались в прошлом, с тех пор минуло не одно десятилетие. А теперь проходите, а то вместе с вами в гости

придет слишком много песка.

По двум просторным смежным комнатам было видно, что изначально они задумывались как гостиные. В задней все еще стояла большая барная стойка, переоборудованная под кухонный остров. Рядом с ней находилась дверь с табличкой в виде фигурок мужчины и женщины, судя по положению рук, испытывающих неотложную нужду.

Значит, вот где жила Стелла Дор, известная по таким фильмам, как «Первый вальс», «Душитель из замка Дартмур» и, прежде всего, «Незабываемая весна». Однако Йонас тщетно искал киноафиши или награды.

Насколько светлым павильон выглядел снаружи, настолько темным он оказался внутри. И все из-за книг. Вдоль всех стен тянулись стеллажи, даже несущие колонны были полностью окружены книгами, между страницами которых виднелись листочки разных цветов.

Стелла Дор заметила взгляд Йонаса.

— Моя библиотека записок, — сказала она с улыбкой. — Это очень пригодится для нашего проекта!

Йонас поставил рюкзак на стул у обеденного стола и осторожно вытащил оттуда книгу, завернутую в упаковочную бумагу и аккуратно

перевязанную шнурком.

— Я принес вам кое-что. Книготорговец, который руководил моей практикой, всегда говорил, что для каждого человека найдется подходящая книга. Может быть, как раз эта книга подойдет вам? Мы еще совсем не знаем друг друга, так что это лишь догадка, но… — Йонас с робкой улыбкой вручил ей книгу.

— Большое спасибо! Как трогательно с вашей стороны. — Сначала казалось, что Стелла Дор небрежно положит подарок на комод, однако она тоже улыбнулась и развернула его. — «Старик и море», Хэмингуэй. Как мило.

— У вас такая уже есть?

— Нет. А должна быть?

— Что ж, рад слышать. Я сам не читал, но говорят, это шедевр. А поскольку вы живете у моря и уже ст…

— Ваши мотивы мне совершенно ясны. Еще раз спасибо.

С громким хлопком она швырнула книгу на комод.

Старику и его морю здесь, пожалуй, придется нелегко.

Стелла Дор подошла к барной стойке. Вернее, она не просто шла, а вышагивала по доскам па-

вильона, словно по красной ковровой дорожке.

— Специально для вас я испекла торт «Черный лес».

— О, это безумно внимательно с вашей стороны.

Понизив голос, чтобы Йонас ее не услышал, Стелла проворчала:

— Почему в наши дни все обязательно должно быть «безумно», «нереально» или «жутко»? Куда делось старое доброе «очень»?

Как только она с тортом подошла к большому деревянному обеденному столу, который столяр изготовил из четырех бывших корабельных досок (с кораблей пиратов или викингов, как надеялась Стелла), у нее на лице вновь включилась улыбка. Впервые за несколько десятков лет стол был накрыт по-праздничному: с фарфоровой посудой, серебряными приборами, а также накрахмаленной и выглаженной белой скатертью.

— Садитесь, прошу вас.

Вишневый торт она поставила таким величественным жестом, как будто это ни много ни мало яйцо Фаберже.

Слегка смутившись, Йонас отодвинул стул и сел. Благодаря жизненной мудрости старого книготорговца он знал, как много можно понять о

людях по их коллекциям книг. По сути, они являлись самым откровенным признанием своих владельцев, о котором те даже не подозревали.

— Как вы расставили свои книги? — как бы между делом спросил Йонас. — По алфавиту?

— Это было бы чересчур буржуазно!

— Но и не по цвету корешков…

— Нет. Конечно же, по счастью и несчастью. От самой счастливой жизни до самой несчастной. Правда, есть несколько автобиографий, авторы которых сами не уверены, как стоит оценивать их жизнь. Они стоят между окнами.

— Это что, все автобиографии?

— Только настоящая жизнь стоит прочтения.

Наверное, для «Старика и моря» это можно считать смертельным ударом.

Стелла Дор разрезала торт.

— Первый кусок, естественно, для гостя.

Йонас узнал этот «Черный лес». Он всегда ел такой у дедушки с бабушкой. Это был покупной замороженный торт.

— Выглядит… просто великолепно.

— Правда? Я всегда отлично пекла. Но для себя одной уже редко утруждаюсь. Ах, да что я говорю, никогда. В автобиографии ведь всегда нужно быть откровенной и честной, правда?

Тогда можем сразу начать с главы «Кулинария и выпечка», — засмеялась она.

Йонасу показалось, будто он сидит в театральном зале и любуется главной героиней легкой комедии. Захотелось поаплодировать, но он удержался.

Стелла Дор с безупречной грацией подала ему большой кусок торта, а себе положила гораздо меньший. Заметив удивленный взгляд Йонаса, она объяснила:

— Я по-прежнему слежу за фигурой, хотя мне уже не нужно поддерживать форму ради кинокарьеры. Но от старых привычек избавиться трудно.

Знакомый вкус торта подарил Йонасу ощущение дома — правда, он еще не совсем оттаял, чего Стелла Дор, похоже, не заметила.

— Очень вкусно!

— Большое спасибо! Ах, я совсем забыла подать кофе. Вы ведь его уже пьете? С большим количеством молока и сахара?

— А чая у вас не найдется?

Улыбка Стеллы Дор на мгновение как будто померкла, однако она моментально взяла себя в руки.

«Какой молодой, — думала Стелла. — Какой

же он невероятно молодой. Движения еще неуклюжие, как у щенка, а слова еще такие напыщенные». Ей приходилось сдерживаться, чтобы не пригладить ему волосы или уж лучше сразу как следует подстричь. Они так неаккуратно отросли, что даже закрывали уши.

Стелла забыла, насколько молодым может быть человек.

Незрелое существо из мира, который стал ей чужим.

Что этот Йонас мог знать о жизни? Возможно, жизнь уже преподала ему пару уроков, как она испытывает каждого в детстве, подставила ему подножку, но наверняка еще не сбивала с ног так, чтобы в нем сломалось что-то, что никогда уже полностью не заживет.

Стелле стоило немалых усилий сохранять улыбку.

Она так давно не улыбалась, что это почти причиняло боль. К сожалению, за последние десятилетия жизнь давала ей мало поводов для улыбки. Но она их и не искала.

Когда Стелла недавно репетировала это движение перед зеркалом, мышцы сначала немного перенапрягались, но потом вспомнили, как приятно улыбаться жизни, несмотря ни на что.

К этой встрече Стелла готовилась долго.

В конце концов, речь шла о ее жизни.

Впервые за целую вечность она снова побывала у парикмахера, правда, не в этом поселке, потому что там сразу поднялся бы шум, а в ближайшем городе. Там же сдала в химчистку свой костюм. Единственный, который еще выглядел настолько идеально, насколько подобает звезде.

Разве что в ее сценарии на этот день Йонас Энгельбаум пил кофе и был не таким уж пугающе молодым.

Что ж, чай так чай. Она поставила воду и заварила мятный чай, потому что другого у нее не было, да и этот уже просроченный. Но разве чай вообще может испортиться?

С достаточным количеством сахара наверняка получится вкусно. Это как с маслом при готовке.

— Прошу, юноша. — Она поставила перед ним чашку, элегантно устроилась на стуле и скрестила ноги. При этом тесно сидящий костюм сдавил тело сразу в нескольких местах. — Итак, как мы будем писать мою автобиографию?

— Конечно же, в хронологическом порядке. Начнем завтра, с рождения и детства.

Стелла махнула рукой.

— О нет, это же ужасно скучно! Совсем мне не

подходит. Начнем с моего величайшего триумфа! С того момента, которого никто не ожидал. Даже я сама.

3. Бабье лето

Сестер Бритту и Имке Розе в поселке знали все. Они взяли на себя управление пансионом под названием «Прилив и отлив», принадлежавшим их родителям до того, как те переехали на Ибицу, поскольку там солнце светило чаще. Обеим было за тридцать, но вели они себя так, будто им на сорок лет больше.

Вместо того чтобы по вечерам ходить на дискотеку, сестры вязали крючком, вместо барбекю предпочитали лабскаус[2], вместо того чтобы листать соцсети, разгадывали кроссворды или наблюдали за чайками на пляже. Каждую неделю по понедельникам они покупали в супермаркете

---

[2] Примечания: 2

Лабскаус — традиционное сытное блюдо немецкой и скандинавской кухни, исторически считающееся едой моряков. Представляет собой пюреобразную массу из солонины (или тушенки), картофеля, свеклы, лука и маринованных огурцов. Обычно подается с глазуньей, сельдью и солеными огурцами.

одни и те же продукты и каждый вечер засыпали перед телевизором чуть позже девяти — вне зависимости от того, что там показывали. Иногда прямо посреди перестрелки. А потом просыпались в два, в четыре или в шесть.

Одевались обе тоже соответственно своему ментальному возрасту: ноги закрывали до щиколоток, выбирали вещи мятно-зеленого, сиреневого или абрикосового цветов, а еще очень любили все оттенки бежевого.

Но больше всего они любили болтать. Со всеми, кто попадался им на пути. Газету они не выписывали — они сами были газетой.

Высокая и худощавая Имке с ранней юности носила удобную короткую стрижку, из-за которой ее светлые волосы вызывали ассоциации с густым пшеничным полем. Бритта же, напротив, отличалась небольшим ростом и полными формами, непослушными каштановыми локонами и такими румяными щечками, что в детстве могла бы сниматься в рекламе витаминов для улучшения аппетита. Они не выглядели как сестры, но стоило им только открыть рот, как родство сразу становилось очевидным.

Когда позвонила Стелла Дор и попросила их встретить своего гостя Йонаса Энгельбаума, они

пришли в полный восторг. Таинственная Стелла Дор, которую обе безгранично обожали, действительно обратилась к ним! И они наконец-то смогут лично познакомиться с дивой!

Но когда сестры подъехали на своем старом матово-серебристом «Мерседесе» к закрытой парковке, когда-то построенной специально для «Краба», Йонас Энгельбаум уже ждал их на месте и дружелюбно махал рукой.

Без Стеллы Дор в развевающемся платье, с сигаретой в мундштуке в одной руке и бокалом игристого шампанского в другой.

Бритта покрутила ручку, чтобы опустить стекло.

— Мы бы забрали вас и из дома.

Имке наклонилась к Йонасу с водительского сиденья.

— Для своих гостей мы все сделаем.

— Фрау Дор наверняка была бы рада познакомиться с соседками. Ну, с соседками в широком смысле. — Бритта и Имке вошли в раж. — Но в эмоциональном плане очень близкими, надо сказать.

— А вы могли заблудиться по дороге к парковке.

— Уверены, что ничего не забыли у фрау Дор?

— Может, мы зайдем к ней и еще разок проверим?

— Мы с удовольствием вам поможем!

— Вообще без проблем!

У Йонаса закружилась голова.

— Э-э, все в порядке, ничего не забыл. Но спасибо, вы просто суперлюбезны.

— Да, — подтвердила Бритта. — Пожалуй, так и есть.

— Мы бы и с фрау Дор вели себя так же любезно.

Молодой человек указал на свой рюкзак.

— Вещи положить в багажник?

— Пожалуйста-пожалуйста, он открыт, — откликнулась Бритта. — Он всегда открыт, потому что Имке его еще не починила.

— С каких это пор я отвечаю за ремонт машины?

— Ты отвечаешь за все ремонтные работы в доме, и машина не исключение.

Йонас захлопнул багажник.

— Готово! — Он сел на заднее сиденье. — Еще раз большое спасибо.

Имке повернулась к нему.

— Вы же планируете еще навещать фрау Дор, пока будете у нас?

— Предположительно, каждый день.

— О, это же прекрасно! — Женщина безуспешно попыталась скрыть переполняющую ее радость. — А мы, само собой, с удовольствием снова вас заберем.

— Вы правда очень добры, но я собирался завтра взять напрокат велосипед. Не хочу слишком вас обременять.

Тишина.

— Но ведь иногда идет дождь! — взволнованно воскликнула Бритта.

— Именно, — добавила Имке, — вообще-то даже очень часто. В таких случаях мы будем вас подвозить.

— Я даже не знаю, что сказать.

— Ничего. Мы просто такие люди.

— Бескорыстность — наш главный принцип! А теперь расскажите нам, как все прошло у фрау Дор.

— Она вела себя так же приветливо, как и вы. Наверное, дело в том, что у вас тут хороший воздух. — Йонас считал, что на этом беседу можно закончить, однако Имке и Бритта были другого мнения.

— А в остальном? Что именно она рассказывала?

— О своей жизни? О своих фильмах? О нашем поселке?

— Об этом мы не говорили. Только ели торт.

— Мхм, — фыркнула Бритта.

После этого в «Мерседесе» воцарилась тишина.

Имке крепко сжимала руль, стабильно ехала на скорости тридцать километров в час и сбрасывала газ даже на зеленых светофорах. А еще постоянно бросала настороженные взгляды в зеркало заднего вида.

По дороге к пансиону они проехали мимо автобусной остановки, сейчас уже пустой, освещенной лишь бледным светом уличных фонарей.

Йонас не мог отвести от нее взгляд и почувствовал грусть от того, что там не сидела Бентье. И что Роберт не заезжал.

Только сейчас Йонас осознал, как он устал. День выдался долгий, а вот ночь такой не будет. Завтра в восемь утра начнется его первый рабочий день в качестве гострайтера[3].

Мобильный тихо пискнул. На дисплее появилась цифра 11. Пропущенные звонки от отца. Каждый из них пронзал Йонаса болью.

---

[3] Примечания: 3

Гострайтер — писатель, создающий текст за другого человека и передающий ему авторские права.

Пансион семьи Розе находился на набережной. Голубой кукольный домик с лимонно-желтыми ставнями. Внутри он буквально лопался от множества картин на морскую тематику и различных декоративных элементов: якорей, маяков, кораблей, ракушек, морских коньков и китов. С таким количеством безделушек это место вполне могло бы работать и как сувенирная лавка.

На толстом ковре в узком коридоре, ведущем к гостевым комнатам второго этажа, было столько волн, что у Йонаса чуть не началась морская болезнь.

Едва он успел снять обувь и растянуться на кровати в своей комнате, как раздался стук в дверь. Молодой человек тут же сел.

— Войдите.

В розовом дверном проеме появились Бритта и Имке.

— Нам нужно вам кое-что сообщить. — Бритта драматично округлила глаза.

— Ради вашей же безопасности.

— Потому что мы немного беспокоимся.

— Но, конечно же, не хотим раздувать из мухи слона. Сами понимаете…

— Все же лучше перестраховаться.

Йонас сдвинулся на край кровати, вопроси-

тельно глядя на женщин.

— Речь о фрау Дор.

— То есть на самом деле не о самой фрау Дор, а о ее… доме.

— А что с ним? — Йонас переводил взгляд с одной сестры на другую.

— М-да… не знаю, как бы помягче вам это преподнести…

Имке тоже не знала, поэтому преподнесла как есть:

— Он рушится.

— Он рушится?! — Йонас вскочил и скрестил руки на груди — защитная реакция, которая при обрушении дома, как правило, мало помогала.

— Ну, сегодня или завтра он пополам не сложится, — успокоила его Бритта.

— Ну, может, и…

— Да, может. Но, скорее всего, нет.

— Муниципалитет проверил деревянные сваи и установил, что они сгнили. Поэтому фрау Дор придется съехать. Здание снесут.

Йонасу показалось, что пол под ним слегка покачивается.

— И когда это произойдет?

— В объявлении было написано, что через три недели.

— Через две. Точно.

— Но вам нечего бояться! Вначале может обрушиться всего один столб. И высока вероятность, что в тот момент вы будете находиться в другом конце павильона.

— Интересно, почему меня это совсем не успокаивает?

— В общем, если услышите подозрительный скрип, лучше поскорее покиньте «Краба».

— То есть бегом, — уточнила Бритта. — Бегите со всех ног.

— Просто бросайте все и бегите!

— Мы не могли вам этого не сказать, иначе потом бы себя упрекали.

— Благополучие постояльцев для нас очень важно.

— А сейчас лучше отдыхайте и привыкайте к обстановке.

Выходя, Бритта еще раз обернулась.

— Кстати, у нас вам не о чем беспокоиться. — Она постучала по дверному косяку. — Все надежно.

Хихикнув, женщина закрыла дверь.

Йонасу срочно нужно было подышать свежим воздухом. Почувствовать твердую почву под ногами. Но когда он вышел из пансиона и огляделся,

его пронзило болезненное чувство одиночества. Он ожидал, что ему здесь понравится, потому что город казался ему слишком тесным, слишком переполненным. Однако, очутившись перед просторами побережья, Йонас ощутил, как ему не хватает защиты бесчисленных домов и успокаивающей близости множества людей.

Тем не менее прохладный соленый ветер пошел ему на пользу и успокоил саднящие мысли. Правда, кроме этого, он напомнил Йонасу, что в желудке у него так же пусто, как и на набережной крошечного поселка. А если здесь еще что-то и открыто, то наверняка только закусочная.

Пирс вдавался далеко в сияющее лунным серебром море, и на мгновение Йонасу показалось, будто по нему можно шагать бесконечно: пересечь море, обогнуть весь мир…

Мерцание разноцветных лампочек виднелось с большого расстояния, и, подойдя ближе, Йонас понял, что они обрамляют надпись «Бабусина поварня» на белой вывеске. С многообещающим дополнением «Все домашнее!».

Стоящая за застекленным прилавком девушка внимательно смотрела на него. На бейдже значилось имя: «Несса», что немного смутило Йонаса, так как у нее были азиатские черты лица. Ему

хотелось узнать, откуда ее предки, но о таком не принято спрашивать. По крайней мере, не в первую встречу.

— Из Таиланда, — заявила она. — Ты же это хотел узнать, да? Все всегда хотят.

— Ну, я…

Несса не переставала пристально на него смотреть.

— Что-то не так?

— Ты мне кого-то напоминаешь, но я не могу вспомнить кого…

— Кого-то хорошего?

— Не знаю. В любом случае кого-то, кто оставил неизгладимое впечатление. Может, кинозвезду? Тебя часто с кем-то путают?

— Нет, раньше не путали. И мой счет точно не перепутают со счетом кинозвезды.

Несса улыбнулась.

— Так, рестарт. Чем могу помочь?

— Можешь что-нибудь порекомендовать?

— Нет, все из пакета.

— А разве там не написано, что у вас еда домашнего приготовления?

— Чистый маркетинг. В конце концов, все же когда-то готовится в каком-то доме, так что, по сути, все домашнего приготовления.

— Хм, это не облегчает выбор. — Йонас изучил меню. Фрикадельки с горчицей. Куриный шницель с глазуньей из двух яиц. Рыбные палочки. Лабскаус. Запеканка из макарон с тунцом.

— Скажу так: пакет колбасок в соусе карри я вскрыла только что. Так что их можно считать свежеприготовленными.

— Одну колбаску в соусе карри, пожалуйста.

— Отличный выбор. — Несса подняла большой палец вверх. — Напитки можешь взять сам, вон там, справа. Они все по одной цене.

Она надула щеки.

— Не обижайся, но не похоже, что ты в восторге от своей работы.

— Что меня выдало? — Несса положила колбаску на раскаленную решетку для гриля. — Это просто подработка, пока не начнутся занятия в университете.

— На кого собираешься учиться?

— На археолога. Меня это просто завораживает. С самого детства. Находишь пару камней, и — бам! — уже знаешь, как люди раньше охотились на буйволов или чем занимались под медвежьими шкурами в своих постелях. О'кей, для последнего нужны рисунки. — Она засмеялась. — В Помпеях даже сохранились рекламные

изображения уличной еды! Прошлое всегда ближе, чем мы думаем.

Она перевернула колбаску.

— А ты сама когда-нибудь…

— Копала? Еще как! Рядом собираются строить завод по производству аккумуляторов, поэтому местные власти заранее провели исследование территории. И бинго! Более двухсот домов с примерно шестнадцатью тысячами находок. Я проходила там практику и нашла две булавки для одежды в одной могиле. Неописуемый восторг! — Большие карие глаза Нессы заблестели. — Я непременно хочу там присутствовать, когда они все это раскопают.

Она сняла колбаску с гриля, порезала ее на кусочки, полила соусом из половника и посыпала все карри.

— Вот, твой сбалансированный прием пищи. Приятного аппетита.

— Похоже на объект археологических раскопок. Посмотрим, найду ли я тут что-нибудь ценное.

— Калории — вот что там найдется в избытке. О черт, дождь.

— Где? — Йонас посмотрел в небо, что при дожде вообще не лучшая идея. Но на него не упало ни одной капли.

Несса выключила гриль и начала быстро собирать продукты.

— Но ведь нет никакого дождя. — Йонас снова посмотрел на небо.

— Есть.

— Ни капли.

— Ливень.

Раздался шум, и вдруг с неба хлынул поток воды, словно кто-то выжал облака до последней капли. Йонас бросился под навес.

— Тебе помочь?

— Быстро сложи два барных столика и подай мне мусорное ведро. Поторопись!

Йонас не понимал, как небу в принципе это удалось, но дождь полил еще сильнее.

Когда они все убрали, он вымок до нитки.

— Внутрь, скорее! — позвала Несса, перекрикивая стук крупных капель.

Под крышей она протянула ему полотенце и выцветшую красную футболку на смену. На ней красовалась надпись «Ты не ты без сельди».

— Здесь такое часто бывает. Налить тебе пива за счет заведения? В благодарность за помощь?

— Я бы сейчас предпочел чай.

Несса подняла брови.

— Настоящим я присваиваю тебе почетное

звание северного немца![4]

Оба рассмеялись, и мир стал чуточку теплее.

Потом они болтали: о любимой еде, о школьных временах (у кого ужаснее учителя и глупее девиз выпускного?) и о самых отвратительных реалити-шоу.

У Йонаса сложилось впечатление, что он знает Нессу уже давно. Ему нравилось, что она мастерски рассказывала плохие шутки — а ее веселило, что он очень плохо рассказывал хорошие.

Только спустя какое-то время после того, как дождь прекратился, Йонас попрощался и направился к пансиону сестер Розе. Шагая по пустынной набережной, он решил сделать небольшой крюк по поселку. Вот только не рассчитал, что снова начнется ливень. Недолго думая, Йонас укрылся на автобусной остановке.

Он не решился сесть на место Бентье, да и на соседнее тоже. Казалось, что там сидит Роберт, крепко сжимая руку своей жены.

Когда Йонас, мокрый до нитки, опустился на крайнее красное сиденье из жесткого пластика,

---

[4] Примечания: 4

Северная Германия, особенно регион Восточная Фризия, славится своей уникальной и очень крепкой чайной культурой, которая существенно отличается от остальной Германии. Считается, что жители этого региона — одни из самых больших любителей чая в мире.

завибрировал его мобильный.

Он взглянул на дисплей, хотя и так знал, кто снова пытается до него дозвониться.

Глубоко вздохнув, он набрал СМС:

Все хорошо.

Но если все хорошо, почему же ему сейчас так хотелось плакать?

4. Сбывшаяся жизнь

Ровно в восемь началась работа над книгой «В свете софитов. Жизнь Стеллы Дор».

Хотя, строго говоря, она не началась.

По крайней мере, не в виде первых набранных на клавиатуре предложений.

— Идите за мной! — сказала Стелла вместо приветствия и направилась к морю.

Она остановилась только у кромки воды.

И больше не произнесла ни слова. Ее красный шелковый шарф немного сполз и развевался на ветру, как флаг.

«Флаг одного очень независимого государства», — подумал Йонас.

— Вы там что-то ищете?

— Тс-с!

Наблюдение за гребнями морских волн убаюкивало Йонаса. Всякий раз, стоило ему подумать,

что он что-то видит, это оказывалась всего лишь очередная волна.

— Вот! — вдруг воскликнула Стелла и вытянула указательный палец. — Видите этот кусок дерева?

Йонасу понадобилось некоторое время, чтобы разглядеть темный обломок, который прибивало к берегу.

— Выглядит как обычная деревяшка.

— Так и есть. Мы все такие. Под маской. Все из одного и того же возобновляемого материала.

— Ла-а-адно. — Йонас не стал упоминать, что в космосе древесина встречается реже, чем алмазы.

— Смотри внимательнее, юноша!

Это было еще скучнее, чем вечерняя программа по телевизору. Коряга то поднималась, то опускалась на волнах, медленно приближаясь к ним.

— Видели?! — Стелла посмотрела на него с нескрываемой гордостью.

— Кусок дерева? Я постоянно его вижу. Дерево как дерево.

— Вы смотрите невнимательно! Вот в чем ваша проблема, молодежь. Вечно спешите, спешите, нет времени по-настоящему что-то заметить.

Йонас снова перевел взгляд на воду. Деревяш-

ка. Старая деревяшка. Расколотая. В движении. Движется в сторону…

— Теперь ее от нас уносит.

— Вот видите! Ее от нас уносит. Совершенно верно. Именно такие моменты я хочу включить в свою биографию!

— Ага.

— Мы друг друга поняли?

— Когда от нас уносит других людей? Вы это имеете в виду?

Стелла вздохнула:

— Нам с вами предстоит нелегкий путь.

— Фрау Дор, если бы вы просто…

— В автобиографию прежде всего должны войти моменты, в которых жизнь внезапно меняет направление. Иногда на юг, иногда на север. Этот кусок дерева сам не решал, куда ему плыть. Это решали вода и ветер. Так бывает и с нами, людьми. Но иногда нам удается сделать это своими силами. Поплыть против течения. Подобные моменты показывают, кто мы на самом деле. А теперь пойдемте внутрь, пора выпить мой утренний коктейль!

Хотя было прохладное осеннее утро, Йонасу пришлось вынести стол и два стула на деревянную террасу, окруженную стеклянными

панелями во всю высоту для защиты от ветра и песчинок. Правда, они все равно пробирались к ним через всевозможные щели. Во многих местах на стекле виднелись черные наклейки с силуэтами птиц, но частично отлепившиеся: отсутствовали то крылья, то клювы, то целые головы.

Несмотря на холод, Йонас радовался, что они не остались в доме. Если все рухнет, он предпочел бы, чтобы над головой не было крыши, которая на него упадет.

Шум моря теперь доносился до них только издалека, на первый план вышел стук кубиков льда в коктейльном бокале Стеллы Дор, наполненном жидкостью, которая внизу имела впечатляющий красный цвет, а на поверхности — ярко-желтый. Сверху лежали долька апельсина и коктейльная вишня.

Перед Йонасом стояла бывшая банка из-под горчицы с простой водой.

— Первая записка! — торжественно объявила актриса и вытащила из книжки перед собой кассовый чек.

Она уже давно не помнила, что написано на большинстве записок. Их расположение в лучшем случае подсказывало, о чем примерно шла

речь. Однако квитанция из прачечной рядом с пачкой кофейных фильтров могла с таким же успехом напоминать как о затянувшейся простуде в самую суровую зиму ее детства (ее заставляли дышать горячим паром над миской, накрыв голову полотенцем), так и об отпуске в Церматте, где они с подругами каждый вечер совершенно невинно начинали après-ski[5] с ромашкового чая, а с каждым следующим напитком увеличивали градус алкоголя, пока не доходили до чистой водки. Или же, что наиболее вероятно, бумажка напоминала не об этом, а о чем-то другом, о чем Стелла начисто забыла.

Но были среди них и записки, сиявшие как маяки, в случае с которыми Стелла точно знала, какой момент ее насыщенной событиями жизни они описывали. Как чек, который она только что вытащила из книги «Твигги в черно-белых тонах: автобиография»[6].

— Вы, конечно, не знаете Твигги, но в шестидесятых ее знали все. Супермодель, как Хайди

---

[5] Примечания: 5

Après-ski — культура отдыха на горнолыжных курортах, включающая все развлечения после катания: бары, вечеринки, рестораны, спа и прогулки.

[6] Примечания: 6

Оригинальное название книги: «Twiggy in Black and White: An Autobiography», 1997. На русском языке не издавалась.

Клум — хотя что уж там, куда значительнее и с гораздо большим Je ne sais quoi![7] — Она прочла слова на обратной стороне чека и лукаво улыбнулась. — Ах, этот момент будто снова ожил у меня перед глазами!

— А со мной вы не поделитесь тем, что там написано?

— «Бигги. Вечернее платье. Маленькое черное. Сухой мартини (такой вкусный!). Бордель». Ой, как мило вы сейчас покраснели.

Йонас склонил голову к ноутбуку, чтобы Стелла не так хорошо видела его лицо.

— Все готово, начинайте.

Стелла Дор с наслаждением сделала глоток коктейля «Текила Санрайз», а потом приняла позу.

— Я была семнадцатилетней девушкой и работала в женском бутике, хотя тогда мы произносили это слово на немецкий манер: «бу-ти-ке». Клиенты с удовольствием обращались ко мне за советом, ведь я во всем выглядела потрясающе. Можно так выразиться или это звучит тщеславно? Даже если это правда? Я покажу вам одну

---

[7] Примечания: 7

Je ne sais quoi — (фр., досл.: «я не знаю что») выражение, наиболее распространенное в сфере искусства; используется для описания неуловимой, неописуемой «изюминки», особого очарования или некой загадочной особенности, которую трудно определить словами.

особенную фотографию того года!

Стелла Дор встала. Хотя нет, это слово не подходило… Стелла Дор изящно поднялась. У нее получалось это изящно даже с хлипким стулом из искусственного ротанга. Ее движения всегда были полны элегантности. Вернулась Стелла с золотым фотоальбомом в руках. Между страницами торчали разноцветные записки, содержание которых Йонасу не удалось разобрать со своего места.

— Здесь собраны совершенно чудесные фотографии меня, в том числе и несколько пикантных. О да, еще каких! В молодости я была довольно фривольной особой и наслаждалась этим. Но сейчас не об этом. В то время, когда я работала в бутике, я была еще невинной девочкой. Ну, более или менее невинной — но с совсем не невинными мыслями. — Она полистала альбом. — Вот что я искала!

Стелла с торжествующим видом подняла фотографию, словно выигрышный лотерейный билет.

— Отец сделал этот снимок в мой первый рабочий день в бутике, перед тем как я вышла за дверь. Такой талии позавидовала бы любая оса! Плюс эти длинные, стройные ноги. И грудь

— прелестно женственная и упругая, но не слишком большая. Не надо опять краснеть, боже мой! Молодой человек, красивая грудь — это же совершенно естественно. Давайте, повторяйте за мной: грудь, бюст, сиськи.

Йонас не проронил ни слова. Даже не оторвал взгляд от ноутбука.

— Грудь, бюст, сиськи! Давайте, ну же! Пока не скажете, мы не продолжим работу.

— Грудь, бюст… — Йонас осекся.

— Сиськи! Иногда можно и повульгарничать. Не слишком часто, но в нужный момент женщины ценят вульгарность, поверьте мне. Вперед: сиськи.

— Сиськи, — тихо произнес Йонас, оглядываясь по сторонам, боясь, как бы кто случайно не вышел на этот участок пляжа и не услышал его.

— Громче!

— Сиськи?

— Вы меня раздражаете. Как вы называете их у своей девушки? Или вы что, из числа молчунов?

Йонас встал.

— Фрау Дор, я здесь для того, чтобы писать о вашей жизни. А не чтобы выкладывать вам подробности своей.

— Сядьте!

— И уж тем более не для того, чтобы, как попугай, повторять за вами слова. — Он захлопнул ноутбук и сунул его в кожаную сумку.

— Сядьте обратно! Немедленно! — Стелла Дор театрально выдохнула и добавила уже немного спокойнее: — Пожалуйста.

Йонас тоже перевел дыхание. Менее театрально, но не менее глубоко. Ему нужна эта работа. Но эта женщина…

— Иногда мной овладевает желание поделиться своим жизненным опытом. Но если предпочитаете отказаться, вам же хуже. В конце концов, это ваша жизнь. Каждый волен совершать те ошибки, которые считает правильными.

— С этим я и так справляюсь.

— Но не лучшим образом! — Она скривила уголки рта, словно затянулась сигариллой. — Можем мы, наконец, продолжить?

Йонас подчеркнуто медленно поставил ноутбук обратно на стол и раскрыл его.

— На чем я остановилась?..

— Магазин одежды.

— Нет, бутик! Он назывался «Бутик Бигги», в честь Бригитты, его владелицы. Она всем хвасталась, что благодаря одному родственнику у нее отличные связи в Милане, и поэтому то, что

мы предлагаем, совершенно точно по последней итальянской моде. Правда, я скорее думаю, что связи у нее имелись только с Дюссельдорфом, но это, естественно, звучало бы не так шикарно. Начальница из нее вышла ужасная, настоящий командир. Неудивительно, что вскоре у нее появилось прозвище. Угадаете какое?

— Уф… «Рабовладелица», может быть?

— Нет, какая абсурдная идея. И слишком длинно. «Фигитта», конечно же. «Чокнутая Фигитта».

— О, да, конечно.

— Ладно. Вы из другого поколения, — вздохнула Стелла Дор. — Послушайте, я больше не могу!

— О чем вы?

— Быть милой. Я думала, что смогу, но не могу. Вчерашний день меня крайне вымотал. Постоянно улыбаться, постоянно быть вежливой и внимательной. И притом с таким незрелым и — без обид, вашей вины ведь в этом нет — глупым человеком. И вы наверняка сами это понимаете.

— Прошу прощения, что вы сказали?

— Значит, все-таки не понимаете, но это и неважно. Вы уже видели, что я умею быть очень любезной, так что возьмите эту любезную Стеллу Дор за образец для моей автобиографии. А ту Стеллу Дор, которую вы будете лицезреть с

этого момента, мы упоминать не будем. Потому что эта Стелла Дор находится не на сцене, а за кулисами: она смыла грим, сняла туфли и закурила сигарету — с большим количеством смолы и никотина. Без фильтра. Только эта Стелла сможет в течение двух недель рассказывать вам о той, другой. Договорились? Хотя зачем я спрашиваю, ведь мы уже давно договорились. В конце концов, я плачу за это баснословные суммы. Просто кивните, этого будет достаточно.

Йонас нерешительно кивнул. Он чувствовал себя марионеткой, за ниточки которой дергала пьяная женщина.

Откуда у Стеллы Дор взялись сигареты, он не знал, но скорость, с которой она зажгла одну и сунула ее в угол рта, впечатляла. Она глубоко затянулась и с громким стоном выпустила практически бесконечную струю дыма.

— Господи, как же хорошо! Наконец-то я снова могу свободно дышать! — Актриса сделала еще один глубокий вдох и при этом слегка потянулась. — Итак, продолжим. Однажды в магазин зашел мужчина, чтобы купить подарок для своей жены — а у меня по чистой случайности оказалась такая же фигура, как у нее, поэтому я примеряла и демонстрировала ему одно платье

за другим. От маленького черного до вечернего. В какой-то момент мне захотелось немного развлечься. Нужно покрутиться в коктейльном платье? Значит, изобразим элегантную даму, потягивающую коктейль. Я пантомимой показала, что наслаждаюсь напитком. Нет, постойте… Лучше напишем так: «Пантомимой я сымитировала наслаждение сухим мартини». Звучит эффектнее. В платье с декольте я превращалась в соблазнительную роковую женщину, а в платье с высоким вырезом — в скромную монахиню. Я вживалась во все эти роли. Мужчина пришел в восторг, в полный восторг, и просил меня демонстрировать все новые и новые платья. Пока моя не имеющая чувства юмора начальница не положила всему этому конец. Мол, здесь вам не театр, пусть клиент, наконец, определится и что-нибудь купит. Он так и сделал — купил абсолютно все! Фигитта, наверное, не поверила собственным глазам, настоящее чудо. А потом он представился. Это был, как вы, наверное, уже догадалась, Дитрих Квасте, знаменитый режиссер. Некрасивый мужчина, честно вам скажу, коренастый, с залысинами, маленькими, как у крота, глазками за толстыми стеклами очков, но зато с харизмой и чувством стиля. Две крайне эротичные черты у мужчины,

запомните мои слова! Запишите их себе красной ручкой в дневник! Дитрих с поклоном вручил мне свою визитку и — никогда не забуду этой фразы! — сказал: «Вы просто созданы для большого экрана, мадемуазель. Увольняйтесь из этого борделя, я сделаю из вас звезду в течение года!»

Йонас едва успевал печатать.

— И как вы отреагировали?

Стелла Дор рассмеялась:

— А вы как думаете?

— Ответили что-то вроде «Большое спасибо, я подумаю»?

— Боже упаси! Над чем там думать? Я уволилась в ту же секунду. Как человек, которому везет с рождения — ведь я появилась на свет в воскресенье[8], — я точно знаю, когда удача на моей стороне. — Стелла Дор провела рукой по волосам, как будто стояла перед зеркалом. — Через несколько недель я увидела его жену.

— Она надела одно из платьев, которые ей купил муж?

Стелла Дор заговорщицки наклонилась вперед.

---

[8] Примечания: 8

Согласно средневековым немецким поверьям, дети, родившиеся в воскресенье, обладают особым даром, счастливой судьбой или даже способностью видеть сверхъестественное.

— Нет, она бы не влезла ни в одно из них. Ее супруг разыграл настоящую шараду. Дитрих увидел меня с улицы и сразу распознал во мне потенциал звезды.

— Но зачем же тогда он купил все платья?

— Чтобы подарить их самой красивой женщине, которую знал!

Йонас поднял глаза в немом вопросе.

— Ну же, подумайте хоть немного, иначе у нас с вами ничего не выйдет.

Разумеется, Йонас понял, кому Дитрих Квасте подарил платья. Но ведь Стелла Дор разыгрывала перед ним шоу, которое следовало поддержать.

— Вам?

— Мне! Это обязательно нужно подчеркнуть в моей автобиографии. Какой момент! Но он рассказал мне про платья только после того, как я увидела его жену. Таков был Дитрих: он любил игру, это было частью его гениальности! И никогда раньше этот гений так не старался сделать женщину звездой.

Йонас старательно печатал.

— Вы стали его любовницей или из вас двоих получилась пара?

— Ах, «любовница» или «пара» — это ужасно буржуазные понятия. У нас… нашлось нечто об-

щее. Давайте назовем это так?

— Вы можете называть что хотите и как хотите. Это ваша книга.

Йонас посмотрел на экран и попытался вернуться к изначальной теме. По крайней мере, она перестала обсуждать грудь. Уже что-то.

— То есть Дитрих Квасте сразу сделал вас звездой?

— Не торопитесь с выводами! Звездой ведь не становятся за один день. Но через пару дней он мне позвонил. Тогда я еще жила с родителями, иначе было просто невозможно. То есть в нормальной семье, а мы именно такой семьей и являлись. Мой отец работал электриком, мать занималась домом и участвовала в жизни католического прихода. Она сходила с ума по священнику, но тот не интересовался женщинами. Понимаете?

Йонас быстро кивнул, прежде чем Стелла успела продолжить. Бесполезно.

— То есть совсем. Представьте, и такое бывает. Не знаю, как у вас работает голова, поэтому и объясняю. — Она покрутила указательным пальцем перед лбом Йонаса.

— Моя голова работает отлично, спасибо за беспокойство.

— Я не беспокоилась, а значит, не так уж и безупречно работает. Похоже, меня ждет куча хлопот с редактированием. — Она устало покачала головой.

— Дитрих Квасте вам позвонил…

— Точно! Трубку взял отец. Дитрих хотел, чтобы я пришла на пробы на роль в фильме «Мертвец из Темзы». Папа, конечно, отказался. Якобы я еще слишком молода, да и в целом киноиндустрия — это распутный притон. Я так расстроилась, что не просто рыдала, а орала на всю квартиру. Вы не поверите, но я так умею, причем часами без остановки.

Йонас с трудом удержался от улыбки. «Просто печатай, — сказал он себе, — и лучше не поднимай глаз».

— После нескольких звонков отец в конце концов разрешил Дитриху прийти и поговорить с ними. Тот принес на встречу большой букет роз и дорогие швейцарские конфеты с ликером для моей мамы, а также выдержанный коньяк и толстые сигары для отца. Тогда же он торжественно пообещал им, что будет за мной присматривать. — Стелла Дор не смогла сдержать смех, но быстро взяла себя в руки. — Родители сопровождали меня на пробах. Речь шла всего лишь о

небольшой роли — о соблазнительной горничной Мари-Клэр, с которой флиртует женатый герцог. Весь мой текст состоял из трех предложений — правда, с французским акцентом! — Стелла Дор подмигнула Йонасу. — Ужасно банальных, скажу я вам!

Йонас почувствовал, что снова настала его очередь задать вопрос.

— Так вы получили ту роль?

— Само собой! Хотя на пробы пришло пятьдесят девушек. Пятьдесят! Я получала каждую роль, на которую когда-либо пробовалась.

— А как тогда вообще относились к женщинам в киноиндустрии? Про это ходят ужасные слухи.

Стелла Дор поднялась.

— Наша беседа меня очень утомила. Это копание в воспоминаниях… Кажется, мой мозг превратился в пыльный склад, где царит ужасный беспорядок. Давайте сделаем перерыв. Возвращайтесь после обеда. Скажем, в час дня. И будьте пунктуальны!

С этими словами она оставила его одного на террасе.

5. Хороший Мальчик

Из-за занавески Стелла наблюдала, как Йонас уходит с террасы, все время за что-нибудь держась.

Ее сердце бешено колотилось, и она положила руку на грудь, чтобы оно успокоилось. Однако сердца живут своей жизнью, их не так-то просто укротить. Стелла начала напевать — это всегда помогало ей справиться с волнением перед камерой. Ее сердце с давних пор любило песню «Взошла луна»[9], как настоящий маленький ребенок.

Ей даже не пришлось смотреть на свои золотые наручные часы, чтобы узнать, который час, но по привычке она все равно бросила взгляд на

---

[9] Примечания: 9

Оригинальное название: Der Mond ist aufgegangen. Известная немецкая колыбельная, написанная Маттиасом Клаудиусом. Автор музыки — Иоганн Абрахам Петер Шульц.

запястье.

Пора.

Конечно, пора.

Выйдя за дверь, Стелла услышала громкий шум моря — оно словно хотело поглотить весь пляж приливом, хоть и знало, что все равно отступит, так и оставшись голодным.

Сегодня до моря было восемьдесят семь шагов. Многие жаловались, что идти по песку тяжело, потому что при каждом шаге проваливаешься и на мгновение теряешь равновесие. Стелле же казалось, будто пляж бережно придерживает ее ноги, чтобы ветер не смог схватить ее и унести.

О своей ежедневной прогулке к морю в любую погоду она не расскажет в автобиографии. Об этом не должен знать никто.

Эти прогулки принадлежали только ей.

Стелла остановилась прямо перед кромкой воды, за которой последние пенящиеся языки волн впитывались в песок, оставляя его гладким и блестящим. Потом она, как всегда, сняла туфли, за ними чулки, засунула их внутрь и, аккуратно разложив все рядом на песке, сделала два шага вперед, ожидая влажной, прохладной боли в пальцах ног, которая быстро разливалась по остальной части стопы.

Именно в этот момент она делала глубокий вдох. Втягивала в легкие воздух, пока в них не оставалось места больше ни для одной молекулы, пока дрожь и кислород не смешивались, пока все это наконец не уходило из нее и на мгновение не создавалось впечатление, будто с ее груди сп*а*ла вся тяжесть.

Когда море снова отступило, Стелла посмотрела на свои морщинистые ступни, на которых виднелись белые полосы от пены водорослей. Когда-то они были цвета слоновой кости и выглядели настолько безупречно, что один известный коллега в эссенском кинотеатре «Лихтбург» спонтанно сочинил им оду.

Она быстро подняла взгляд обратно на море — по нему и не скажешь, что ему уже миллионы лет.

Говорят, что с каждым днем становишься всего на один день старше. Но это неправда. Стелла оставалась молодой много лет. Но однажды она посмотрела в зеркало, и оттуда на нее уставилась старуха. Конечно, Стелла понимала, что стареет — тело-то знает, как об этом напомнить. Но она все еще видела в отражении молодую женщину. А потом та вдруг просто исчезла.

Старость как волк, живущий где-то далеко в

лесу. Ты осознаешь, что он там, но не видишь его. И вот в какой-то момент он мелькает вдали, но ты думаешь: «Этот товарищ еще слишком далеко». Если повезет, он долго не будет показываться, но однажды выйдет на дорогу, ведущую к тебе, и рано или поздно очутится в твоем доме и больше оттуда не уйдет. Иногда он будет засыпать, иногда щипать тебя. А иногда рычать. Можно бояться его или пытаться погладить. Но он навсегда останется диким зверем, который однажды перегрызет тебе горло.

На обратном пути к «Крабу» Стелла увидела старого знакомого в дутой куртке, бермудах и желтых резиновых сапогах, который бил тяжелым молотком по одному из столбов забора, окружавшего ее участок. С широким размахом он снова и снова ударял им по дереву, причем паузы становились все длиннее, а хриплое дыхание — все громче.

Наконец мужчина опустил молоток и прислонил его к столбу, чтобы протереть лоб клетчатым платком.

Пауль Хансен часто забывал, какое сейчас время года. Когда он, неправильно одетый, выходил из дома и замечал свою ошибку, ему становилось лень переодеваться, и он в лучшем случае на-

кидывал еще одну куртку или снимал лишний свитер. Уже более двух десятилетий он заботился о стоящем на сваях доме Стеллы Дор: то вкручивал новые винты, то устанавливал более прочную опору, то перекрашивал оконные рамы. И все это бесплатно.

Он не носил шапку, но, когда Стелла подошла, Пауль изобразил, будто снимает ее.

— Неужели опять какая-нибудь гайка ослабла? — спросила она с самодовольной улыбкой, которая когда-то помогала ей играть роли роковых женщин.

— Просто на всякий случай. Из-за осенних штормов. Не хочу, чтобы с вами что-нибудь случилось! — Пауль не случайно выглядел как морж, он на протяжении всей жизни делал все, чтобы обрести соответствующую полноту и густую бороду — а с лысиной ему помогла судьба. По его мнению, ни одно животное не излучало столько спокойствия и умиротворения, как морж, а именно к этому он и стремился, только на суше.

— Ты же знаешь, что скоро его все равно снесут, да?

— «Краба»? Нет!

— Да, Пауль. Я говорила тебе об этом вчера, позавчера и… ах, вообще-то каждый день с тех

пор, как они приняли это решение.

— Моя память… — Он виновато пожал плечами. — Но теперь я вспомнил. Однако до тех пор, пока ваш прекрасный дом не исчезнет, никто не сможет вас ни в чем упрекнуть! Все будет в полном порядке. Уж я об этом позабочусь!

— Мне совершенно все равно, кто и в чем меня упрекает. Люди и так много обо мне болтают, развенчивать все эти слухи — чересчур хлопотное занятие, а я слишком ценю свое время.

Пауль кивнул и постарался выразить спокойствие теплой улыбкой.

Внезапно неподалеку зашевелился песчаный холмик. Он как будто стал больше, отрастил лапы, а потом встряхнулся. Образовавшаяся на его месте фигура неторопливо двинулась к мужчине.

— Хороший Мальчик, ты идешь ко мне?

Упитанный золотистый ретривер прибавил скорости, что, впрочем, в его случае особого значения не имело. Пес неспешно приблизился и со стоном улегся у ног Пауля.

Стелла наклонилась к ретриверу и погладила седеющее пятно на его лбу.

— Хороший Мальчик!

Тот сел и попытался лизнуть ее в лицо. В его представлении, все добрые существа в мире за-

служивали того, чтобы их как следует облизали.

— Вы потанцуете со мной сегодня?

— Ох, Пауль, ты не перестаешь спрашивать.

— Я не перестаю об этом мечтать. У меня осталось не так много желаний, но это одно из них.

Пауль мечтал об этом с тех пор, как увидел Стеллу танцующей вальс в фильме «А вересковая пустошь все зеленее». Он тогда был совсем молодым и влюбился в прекрасную женщину с загадочными глазами. Эта любовь стала для него верным спутником: он просыпался с ней каждое утро и забирал ее с собой в мир сновидений по вечерам. Она позволяла ему до сих пор видеть перед собой все ту же молодую женщину. Да, постаревшую, но по-прежнему молодую и очаровательную.

Пауль многое забывал, причем с каждым днем все больше. Его воспоминания были подобны затяжкам на чулках, которые постепенно превращались в большие дырки. Однако любовь к фрау Дор они так и не смогли разорвать, ведь она была не просто ослабшей нитью, а самой тканью.

— Ответ все равно будет «нет» — всегда.

— Значит, мне перестать спрашивать?

Стелла лишь улыбнулась.

— Увидимся завтра?

— Каждый день появляются новые дела!

— Да, каждый день появляются новые дела.

Не оглядываясь, она вошла в свой пляжный павильон; Хороший Мальчик, виляя хвостом, сделал несколько шагов за ней и дружелюбно залаял, пытаясь уговорить ее остаться.

Но традиция предусматривала и другие ритуалы, которые еще предстояло выполнить. У бывшей барной стойки Стелла смешала себе джин-тоник. Без лимона. Без огурца. Только джин, тоник и лед. Она выпила его, пока снимала макияж. Затем погрузилась в горячую, исходящую паром ванну, откинула голову, упершись затылком в эмалированную поверхность, и положила руку на холодный бортик, где уже давно лежала бритва.

Стелла нерешительно коснулась ее кончиками пальцев.

Каждый день появлялись новые дела.

Йонас взглянул на вывеску с графиком работы велопроката «Железный табун», а затем снова на свои цифровые наручные часы.

Дверь домика в красно-белую полоску на набережной должна была открыться уже семь минут назад. Но внутри даже свет не горел. Хотя Йонас и отсюда видел, что велосипедов внутри нет.

Может, пункт велопроката уже давно и навсегда закрылся, просто никто не повесил соответствующее объявление?

— О, это же кит! Надо бежать за гарпуном! — раздался за его спиной знакомый голос.

Йонас обернулся.

— Очень смешно. Никогда раньше не слышал таких шуток.

Несса расплылась в широкой улыбке.

— Но я еще никогда так не шутила, поэтому имела на это право.

В детском саду его имя не вызывало проблем, зато в начальной школе старшие ребята уже знали серию книг и фильмов «Альфред Хичкок и три сыщика» и начали его дразнить: «Смотрите, идет Юстус Йонас, главный сыщик. Ну, Юстус Йонас, уже раскрыл сегодня какое-нибудь дело? Возьмешь нас с собой в Роки-Бич, Юстус Йонас?»

А потом на занятиях по религии зашла речь об истории пророка Ионы и кита.

С тех пор он стал мальчиком-рыбой. Хотя в его имени на одну букву и на одну дугу больше, чем у того Ионы, а кит вообще не… ладно, без разницы.

Йонас начал ненавидеть свое имя. А вместе с ним — немножко и себя самого, да и своих роди-

телей, которые проявили такую неосторожность.

Поэтому в университете он представлялся на английский манер — Джей. Но это имя, по его мнению, звучало слишком небрежно. А поскольку оно не подходило, то вскоре и отпало от него, как обувь на три размера больше.

Он был и остался Йонасом.

Который только сейчас заметил, что погрузился в свои мысли, а Несса между тем за ним наблюдала. С легкой улыбкой, озаряющей нежные черты лица.

Чтобы нарушить тишину, Йонас указал на велопрокат.

— Ты, случайно, не знаешь, что с ним?

— Они еще не открылись.

— Да, спасибо, это я и сам вижу. Но в расписании написано…

Несса махнула рукой.

— Это примерные часы работы. Они меняются в зависимости от ветра, волн и погоды. Ведь приливы и отливы тоже не наступают в одно и то же время — хоть ты так думаешь, горожанин. Проникнись морем. Тебе пойдет на пользу.

— И когда же, по-твоему, приливы и отливы откроют прокат? — спросил Йонас.

Несса подняла вверх связку ключей и ухмыль-

нулась.

— Прямо сейчас.

Йонас покачал головой.

— И почему я сразу не догадался?..

Внутри Несса включила свет и накинула синюю жилетку, на нагрудных карманах которой были изображены рыбы на велосипедах. Встав за прилавок, она одарила его широкой улыбкой и сказала:

— Добро пожаловать в пункт проката велосипедов «Железный табун». Разрешите вам помочь? — Она понизила голос. — Раньше мы всегда говорили: «Чем я могу вам помочь?», но потом начальник прочитал книгу о том, как правильно общаться с клиентами, и теперь, прежде чем что-то смочь, мы просим разрешения.

— Я бы хотел взять напрокат велосипед.

— Не прокатит.

— В смысле «не прокатит»?

— У нас сейчас не сезон, поэтому все велосипеды отправлены на ремонт в соседний поселок, там живет старый мастер, который за гроши приводит их в полный порядок. Для него это скорее хобби, чем работа.

— Значит, нет ни одного велосипеда, который можно арендовать?

— Нет. В ассортименте осталось лишь несколько трехколесных велосипедов и детских картов. Еще могу продать тебе велосипедный замок. Кроме того, мы здесь торгуем всем необходимым для рыбалки и кое-каким лодочным снаряжением.

— Велосипедный замок? Серьезно? Даже если у меня нет велосипеда?

— Но так у тебя хотя бы замок будет. Какое-никакое начало. — Ей с трудом удалось сдержать смешок.

— А где находится ближайший магазин велосипедов?

— Примерно в пятнадцати километрах отсюда.

— Просто замечательно.

— Ой, я кое-что придумала!

— Правда?

— У нас есть воздушные змеи. — Несса указала на один из стеллажей. — Очень качественные, ими можно управлять и все такое. Серьезные штуки.

— И что мне с ними делать? Мне нужен велосипед.

— Ты мог бы купить три воздушных змея и летать на них. — Она надула щеки.

— Каждая новая шутка все смешнее и смешнее.

— Знаю, я только разогреваюсь.

— У тебя действительно не найдется ничего, на чем я мог бы ездить?

— Хм. Дай-ка подумать. — Отвернувшись от прилавка, девушка направилась в заднюю часть зала, где виднелась полуоткрытая деревянная дверь, криво висящая на петлях. В помещении за ней было темно.

— Куда мы идем? — спросил Йонас, шагая следом.

— В подсобку. Но не для того, чтобы заняться тем, о чем ты наверняка сейчас думаешь. Никаких шпили-вили, трах-тарарах или чики-пики, ничего подобного.

У Йонаса на мгновение перехватило дыхание.

— Я вообще ни о чем таком не думал!

— Да ладно, перестань, можешь смело признаться.

— Честно, не думал!

— Жаль… — рассмеялась Несса. Затем включила свет. — Та-дам! Возможно, этот приз достанется именно вам!

Перед ними стоял ярко-красный велосипед. Правда, с двумя сиденьями.

— Тандем?

— Так его называют настоящие знатоки, да.

— А на нем вообще можно ездить в одиночку?

— Не очень удобно, им трудно управлять и утомительно крутить педали. К тому же он скрипит, что с ним ни делай. Но да, можно.

— Хм.

— Я сделаю тебе специальную скидку. Потому что ты — это ты. И даже подарю наклейку с китом в придачу!

— Ты действительно самая наглая продавщица, которая мне когда-либо встречалась.

— Спасибо! Значит, хоть в чем-то я лучшая.

Йонас вздохнул.

— Ладно, беру. В аренду. И сначала только в пробном режиме.

— Согласна. Тогда напиши здесь имя, номер мобильного и так далее. — Она вытащила блокнот из кармана жилета. — А вот и ручка. Я еще хорошенько накачаю тебе этого красавчика и капельку масла добавлю за счет заведения.

Несса подошла к верстаку, на котором лежал ножной насос.

— Сколько у тебя всего работ?

— На данный момент три. Закусочная, прокат и игра на органе в церкви. А если прибавить выгул злобной таксы фрау Бюзинг, то получается даже четыре. И каждую пятницу вечером я пою в хоре

шанти — правда, пение не оплачивается, хотя на самом деле я определенно заслужила за это награду. — Она улыбнулась и начала накачивать шины. — А ты? Вчера я тебя так и не спросила, чем ты здесь занимаешься. Автоматически приняла за туриста. Хотя у нас сейчас, собственно, их и нет.

— Стелла Дор.

— А что с ней?

Йонас рассказал Нессе, что привело его сюда. Рассказал о своем желании писать, о договоренности с отцом, о заказе от Стеллы Дор, а также немного о том, что она ему уже надиктовала.

Глаза Нессы расширились.

— Настоящая легенда! Давай я буду тебе помогать! Все равно перед учебой мне нужно учиться искать информацию. — Она принесла масленку.

— Только это не совсем археология.

— Нет, но поиск сведений в газетах иногда помогает найти потенциальные места раскопок.

Йонас почувствовал, что в воздухе витает нечто невысказанное. Тот, кто читает так много, как он, со временем приобретает необыкновенную способность понимать это. Йонас умел читать в книгах между строк, видел все ненаписанные слова на чистом листе бумаги. Так и в разговорах

он неожиданно замечал пробелы, которые выдавали очень многое.

Именно так Йонас чувствовал себя сейчас с Нессой.

Короткие взгляды куда-то в сторону, необычные интонации, паузы, в которых что-то оставалось недосказанным. Под маской веселья как будто что-то скрывалось. Боль, тоска. Йонасу хотелось спросить у Нессы, в чем дело. Ему в принципе хотелось о многом у нее спросить, в том числе о ее происхождении. Но эти вопросы могли породить множество недоразумений. А они еще так мало знакомы, что даже одно-единственное недоразумение могло разорвать ту нить, которая успела их связать. На такой риск он идти не хотел.

Йонас почувствовал на себе ее вопросительный взгляд.

— Я действительно не знаю, стоит ли…

— К тому же мне сейчас все равно больше нечем заняться.

— Кроме четырех работ.

— Которые меня не устраивают! — Она подтолкнула к нему тандем. — А теперь желаю вам приятного времяпрепровождения с железным конем из нашего «Железного табуна»! Не стесняйтесь рекомендовать нас своим знакомым.

6. Краски возвращаются

Стелла Дор ждала у забора, с сигаретой в уголке рта и скрестив руки на груди.

— Кто вообще сказал вам, что мой пляжный павильон в аварийном состоянии? — крикнула она еще издалека.

Йонас спустил красный тандем с набережной к забору и пристегнул его цепью. Из-за упрямого велосипеда поездка напоминала слалом даже на идеально ровной дороге.

— Сестры…

Стелла Дор подняла руку.

— Так я и думала. Тот, кто верит всему, что говорят другие, только и будет успевать разбираться с чужими истинами. В результате у него не останется времени верить в то, во что он хочет верить сам. Пойдемте со мной.

— Куда?

— На прогулку.

— Можно мне сначала оставить рюкзак в доме?

— Нет, ведь тогда вам придется зайти в «Краба», а вам там не по себе. Сначала давайте поговорим. Мне невыносимо смотреть, как вы крадетесь по моей террасе, будто она вот-вот рухнет. Ну же, идем, шевелитесь! — Она пошла дальше, не дожидаясь его ответа.

Йонас плелся за актрисой по песку, пытаясь ее догнать.

— Почему у меня такое ощущение, что вы на меня злитесь?

— Потому что ощущение вас не обманывает. Своим поведением вы намекаете, что я приглашаю вас в дом, который небезопасен. Что я безответственная, уставшая от жизни старуха. Разве вас подобное не возмутило бы?

— А как бы вы поступили на моем месте?

— Обратилась бы ко мне с этим вопросом. В конце концов, я же не кусаюсь!

Йонас не стал признаваться, что в последнем уверен далеко не на сто процентов.

Стелла Дор остановилась у мусорного бака и указала на него:

— Вот.

— Я должен что-нибудь туда бросить?

— Вы должны на него посмотреть.

— Я знаю, как выглядят мусорные баки.

— Сейчас же посмотрите на этот помятый старый мусорный бак!

Пока она все-таки его не укусила, Йонас выполнил просьбу.

— И? Заметили что-нибудь?

— Имеете в виду нарисованную собаку? Это мусорное ведро для пакетов с экскрементами?

Стелла Дор кивнула, как строгая учительница, чей ученик только что решил слишком легкое задание.

— Эта часть пляжа никогда не пользовалась большой популярностью. Павильон приносил убытки, и его закрыли уже через два года после открытия. Я выразила желание его купить. Прошлый бургомистр был в восторге, надеялся, что это принесет известность поселку. О, как он размечтался! Но я никогда ничего подобного не обещала! Когда я въехала сюда после ремонта, он ждал исполнения всех своих надежд — но они не сбылись. — Она сделала паузу и глубоко затянулась сигаретой.

— К сожалению, я не понимаю, какое это имеет отношение к мусорному баку. — Йонас отошел

чуть дальше от контейнера.

— Неужели у молодежи совсем нет терпения? Вот что нужно сделать отдельным школьным предметом, тогда многое стало бы проще. И для самой молодежи, и для тех, кто имеет с ней дело. Итак, что же, по-вашему, сделал бургомистр, чтобы избавиться от меня?

— Он… установил мусорные баки для собачьих экскрементов? — Йонас покачал головой — это не имело смысла. — Неужели он объявил эту территорию пляжем для выгула собак?

Стелла Дор тяжело вздохнула.

— А у вас еще не все потеряно. Да, именно так он и поступил. Но я люблю собак. Даже когда они лают. Идем дальше. — Быстрым шагом она направилась к группе деревьев, расположенной чуть выше пляжа. — Ну, где вы там?

— Я прикрываю тылы.

— Только не начинайте шутить. От смеха одни морщины.

Йонас считал, что от смеха любое лицо становится красивее, но вступать в дискуссию на эту тему со Стеллой Дор точно не собирался.

— Вот это, — объявила актриса, остановившись перед первым деревом, — Врата извратa.

Йонас прищурился.

— Простите, но я не понимаю.

— Так местные жители называют это место. Потому что именно здесь обычно прятались извращенцы! Ведь после того, как с выгулом собак ничего не вышло, бургомистр превратил его в нудистский пляж. Но обнаженные люди меня тоже не пугают. Все мы обнажены, просто не все это показывают. Мы с вами оба прямо сейчас стоим обнаженные, просто через одежду этого не видно.

— Весьма нетривиальный взгляд на вещи.

— А вы все-таки умеете делать комплименты! — На лице Стеллы мелькнуло нечто похожее на улыбку, но исчезло, не успев образовать морщинку. — Некоторое время ничего не происходило, а потом мне вдруг заявили, что павильон сгнил. Не пойми откуда всплыла экспертиза, и мой дом официально признали аварийным. В отличие от двух идентичных павильонов той же конструкции, которые к тому же еще и постарше моего.

— Вы не похожи на женщину, которая готова мириться с такой бесцеремонностью.

Стелла Дор кивнула, но как-то беспомощно, что для нее было совсем непривычно.

— Я обратилась к адвокату, который подтвер-

дил, что муниципалитет находится в своем праве и что скоро они натравят на меня полицию. Поэтому у нас не так много времени. Муниципалитет лжет, но делает вид, что действует по закону. Ложь — самое распространенное преступление. Вот только это не делает ее менее отвратительной.

— По крайней мере, в автобиографиях никогда не лгут. — Йонас хотел вставить ироничный комментарий — он часто так делал в неловких ситуациях. Однако чаще всего от этого становилось еще более неловко. — Да, мы напишем правду. Даже если кому-то не захочется ее слышать. Или поверить в нее. Но это правда, единственная. — Голос Стеллы Дор с каждым словом становился все тише, словно кто-то постепенно убавлял громкость.

— Во всяком случае, теперь я снова смогу беспрепятственно передвигаться по вашему дому, — нарушил молчание Йонас. — Спасибо за разъяснение.

Стелла Дор посмотрела ему в глаза.

— Лучше бы вы спросили меня. Знаю, говорят, что за спрос не бьют. Но это тоже ложь. Часто это требует преодоления себя, а цена за неправильный вопрос может быть очень высокой. Но и не

задавать вопросов тоже дорого обходится. Всегда. Цена за это — понимание.

По возвращении в «Краба» произошло нечто совершенно необычное: Стелла Дор начала скакать на месте.

— Абсолютно надежно, видите? Он пережил бы даже ураган.

Йонас с трудом сдержал улыбку. Стелла Дор впервые перестала быть воплощением элегантности.

Напрыгавшись, она удовлетворенно кивнула, подошла к сахарнице, вытащила из нее листок и, взглянув на записи, рассказала о своих дедушке и бабушке, которые были сельскими жителями и у которых она проводила все школьные каникулы, поскольку родители не могли себе позволить поездки в отпуск. Ее бабушка продавала анютины глазки на рынке, а дедушка работал на открытом буроугольном карьере. Тяжкий труд, который нанес вред его сердцу.

Они заключили брак по расчету, как это было принято в те времена. Любовь считалась не обязательным условием, а лишь бонусом, доставшимся лишь некоторым по счастливой случайности. Но надеяться на это не следовало. Однако гораздо больше, чем о своих дедушке и

бабушке, Стелла Дор рассказала про деревенский пруд, где проводила каждую свободную минуту. Она достала желтый листок из автобиографии немецкой пловчихи Франциски ван Альмсик под названием «На поверхность»[10]. Бумажка оказалась исписана до последнего миллиметра. Кроме нее, Стелла отыскала сложенную инструкцию к краске для волос, лежавшую среди шампуней на полке в ванной, в которой речь шла о ее первом прыжке с трехметровой вышки в открытом бассейне. И наконец, из ящика тумбочки была извлечена исписанная бумажная салфетка — помимо заметок, Стелла нарисовала на ней свой значок по плаванию. Благодаря врожденному таланту она получила его очень быстро и впоследствии даже стала спасателем.

Только в этот день Йонас заметил, что в «Крабе» повсюду торчат листочки. Во время коротких перерывов между набором текста он предпринял небольшие вылазки на кухню и в ванную; а пока Стелла Дор курила на террасе, мельком заглянул в маленькую спальню. Записки было не только видно, но даже слышно: они шелестели, когда по «Крабу» гулял легкий сквознячок, или хрусте-

[10] Примечания: 10

Оригинальное название книги: Aufgetaucht. На русском языке не издавалась.

ли, когда менялась температура.

На холодильнике под магнитами висело столько разноцветных листочков, что он напоминал клоуна в лоскутном костюме на карнавале в Кёльне.

Однако большинство бумажек выглядывало из коллекции автобиографий, которую собрала Стелла, ведь, читая о жизни других, часто сравниваешь ее со своей собственной. Будь то Мишель Обама, Агата Кристи, Боб Дилан, Бенджамин Франклин, Нельсон Мандела или Карл Цукмайер — Стелла, по-видимому, прочла бесчисленное количество жизней и в каждой из них нашла частичку себя.

Записки с воспоминаниями Стеллы находились и в коробках с печеньем, и между махровыми полотенцами или диванными подушками, и за маленькими рамками для фотографий на полках. По-видимому, в этом доме не должна была потеряться ни одна крупица памяти.

Весь день они провели, вспоминая все, что связано с водой. Стелла Дор рассказывала об отпуске на Корфу, об олимпийском бассейне в Мюнхене, о бассейне «Тинсайд» в Плимуте. При виде некоторых записок она, казалось, содрогалась под тяжестью мыслей, которые они пробуждали,

другие же приносила с гордостью, словно бриллианты, которые сама извлекла из угля и которые придали блеск ее жизни.

— Знаете, — сказала Стелла, держа в руках конверт, исписанный едва различимыми фразами, — наши воспоминания подобны фотоальбому, из которого с каждым годом исчезает все больше снимков. — Она покрутила листок бумаги в руке. — А цвета тех, что остаются, постепенно блекнут — peu à peu[11]. И только когда об этом говоришь, они на мгновение возвращаются.

— И мы их сохраняем.

Стелла Дор не стала добавлять, что цвета возвращаются особенно яркими, когда делишься воспоминаниями с тем, кто пережил их вместе с тобой. Помнишь, как тогда на ярмарке продавали липкий турецкий мед? А ты не забыл проповедь пастора Крамера, во время которой старушка Пальм громко храпела в первом ряду? Наш первый поцелуй — я до сих пор чувствую его на губах, а ты?

Но со временем людей, с которыми можно разделить воспоминания, становится все меньше. Один за другим они умирают, и в итоге вы остае-

---

[11] Примечания: 11
Постепенно (фр.).

тесь наедине с образами. И тогда уже невозможно смотреть на них, не ощущая тьмы по краям.

— Вы до сих пор любите плавать? — полюбопытствовал Йонас, чтобы закрыть эту главу жизни Стеллы Дор.

— Конечно, — отрывисто ответила она. — Почему нет?

Стелла поднялась, с громким скрипом отодвинув стул.

— На сегодня хватит, я устала.

— Вспоминать — это почти как пережить все заново, не так ли?

— И то и дело белый слон мелькает[12].

Йонас не понял, что означала эта реплика, но почувствовал, что заканчивалась она жирной точкой, не допускающей ответа.

Он аккуратно собрал вещи. Погружение Стеллы в воспоминания вновь взбудоражило и его собственные, зарытые в илистом дне подсознания. Вспомнилось решение бросить учебу, а также то, как он пытался объяснить это отцу, который уже самого себя не помнил из-за растущих расходов на ресторан.

И конечно же, пропасть в его жизни. Как только

---

[12] Примечания: 12

Строчка из стихотворения Райнера Марии Рильке «Карусель», 1906.

воспоминания Йонаса уносились слишком далеко в прошлое, перед ним непременно появлялась она. Как будто все, что происходило до и после, сводилось к этому единственному моменту.

Звон стекла со стороны стойки вырвал его из раздумий.

— Завтра в то же время? — спросил он, обращаясь к Стелле Дор.

Та смешивала на кухне коктейль «Космополитен» в высоком бокале. Громко. Такого ответа Йонасу вполне хватило.

Переступив порог пансиона «Прилив и отлив», Йонас услышал, как Имке и Бритта Розе спорят в столовой.

— А что насчет уродливой вазы?

— Ты имеешь в виду ту, что стоит наверху в коридоре?

— Какую же еще? Или у нас есть еще что-то столь же уродливое?

— Ну да, та, что в…

— Только не начинай заново! Это же керамика из Вестервальда!

Йонас снял куртку, так как в доме было очень жарко.

— Ее унаследует Анника, мы же ее очень любим, верно?

— Верно. Она найдет для нее хорошее место и будет бережно ее хранить.

— И всегда вспоминать о нас, глядя на это чудовище, которое сама бы никогда не купила.

— Значит, ставим галочку и закрываем вопрос. Все вазы в гостевых комнатах подобраны со вкусом, их можем завещать общине. Или местному музею? В коридоре кто-то есть?

— Герр Энгельбаум, это вы?

Йонас заглянул в комнату.

— Только что пришел. Не хотел мешать.

— Вы не мешаете.

— Мы просто составляем завещание.

Йонас прищурился.

— Но вы же еще так молоды.

— Ой, какой вы джентльмен!

— Я вся покраснела. — Бритта принялась обмахивать лицо рукой, как веером.

— Начать составлять завещание никогда не бывает слишком рано.

— Порядок прежде всего. И если вам повезет, вы тоже что-нибудь унаследуете!

— Но это действительно не…

— Те, кто нам нравится, получат от нас в наследство ужасные семейные реликвии. Тогда у этих замечательных людей всегда будет что-то,

что бросается в глаза и напоминает им о нас.

«Болезненно бросается в глаза», — подумал Йонас, глядя на висящие на стене фарфоровые тарелки с морскими мотивами имперской эпохи.

— А теперь расскажите, наконец, как сегодня прошла встреча со Стеллой Дор. Она рассказывала вам о своих фильмах?

— Пока что нет.

— Обязательно расспросите Стеллу о картине «Маска доктора Фу Манчу». Говорят, во время съемок там разгуливали привидения!

— Или о фильме «Двенадцать маленьких пони и солнечный двор». Тогда она, кажется, приютила хромого пони.

— Но ни в коем случае не заводите с ней разговор о Карин Дор!

— Никогда-никогда-никогда!

— Она ее терпеть не может. Карин Дор ведь не была настоящей Дор, на самом деле ее звали Кэтерозе Дерр!

Йонас прочистил горло.

— Честно говоря, я посмотрел только два фильма со Стеллой Дор. Больше на стриминговых сервисах ничего не нашлось.

— У нас они все есть!

— Ну, точнее… за исключением той ранней

слегка эротичной ее картины. «Соблазн начинается с Евы». Стелла позаботилась о том, чтобы ее полностью сняли с экранов. Там на долю секунды видно ее обнаженные ягодицы!

— Все остальное у нас собрано на видеокассетах в подвальном кинозале.

— Можете смотреть что угодно в любое время, совершенно бесплатно.

Настенные часы в форме спасательного круга, висевшие над камином, показывали чуть больше семи. Для автобиографии, безусловно, будет полезно посмотреть самые знаковые работы Стеллы Дор.

— Какие фильмы вы бы порекомендовали?

Бритта посмотрела на Имке, Имке посмотрела на Бритту. Обе просияли.

— Знаете что, мы просто пойдем с вами! Их можно смотреть бесконечно.

— А завещание немного подождет. Не поразит же нас молнией в кинозале!

Сестры весело рассмеялись.

Ступени лестницы в подвал покрывал бордовый ковер, поглощавший любые звуки. Над дверью висела надпись «Кинодворец», сделанная из кинопленки.

— Это я сама смастерила. Как и все здесь. Это

мое царство! — Имке открыла дверь и включила свет. На боковых стенах были прикреплены медные иллюминаторы, за которыми по морю плавали камбалы, осьминоги и морские звезды.

— Наш подводный кинотеатр, — прощебетала Бритта, заметив взгляд Йонаса.

Посередине комнаты стоял мягкий двухместный диван. А в метре от него — телевизор. Для аппарата с электронно-лучевой трубкой он считался большим, но современные модели с плоским экраном над ним бы посмеялись. На круглом журнальном столике лежал пульт дистанционного управления размером с кирпич. Имке похлопала Йонаса по плечу. Обернувшись, он увидел у противоположной стены деревянный стеллаж, забитый видеокассетами, а рядом с ним висела рамка с фотографией его заказчицы в молодости.

— Это самая большая видеотека Стеллы Дор в мире! — Имке быстро вытащила одну из кассет. — Вам обязательно нужно посмотреть «Зеленого арбалетчика». О-о-очень увлекательно! — Параллельно она начала напевать себе под нос какую-то бодренькую мелодию. — И конечно же, «Дочь охотника на медведей»! В то время ради этого фильма люди толпами шли в ки-

нотеатры. — Ее пальцы порхали по обложкам видеокассет. — Первую крупную роль Стеллы Дор, разумеется, тоже нельзя оставлять без внимания. Именно с фильма «Молчаливый ангел» начался ее стремительный взлет. А теперь прыгайте скорее на диван! Бритта, не приготовишь нам попкорн?

Сама Имке буквально завалилась на диван и приглашающе похлопала по месту рядом с собой.

— Хотите колу? Или лимонад? — спросила Бритта, внезапно выросшая рядом с Йонасом. — У нас все есть. Даже бумажные стаканчики с соломинками, чтобы было как в настоящем кинотеатре.

Йонас сел рядом с Имке. Любой другой вариант, вероятно, вызвал бы у нее праведный гнев.

— Может, начнем с «Арбалетчика»? Пожалуй, да! Я его уже, наверное, больше полугода не смотрела.

Йонас не видел ни одного из этих трех фильмов. И названия звучали одинаково… заманчиво.

Некоторое время спустя он оказался зажат между Имке и Бриттой на просевшем диване.

— Пульт опять у тебя? — повернулась к сестре Бритта. — Вечно ты его забираешь.

— Ведь это мой кинотеатр, а значит, и пульт

мой.

— А я-то всегда думала, что у нас все общее.

— Все. Кроме кинотеатра.

— Я это запомню! — насупилась Бритта.

Затем начался первый фильм. Стелла Дор играла секретаршу американского миллионера Джеронимо Мондави, в чьем шотландском поместье Маклауд-Касл проводились экскурсии для туристов. Согласно легенде, там бродил призрак Зеленого арбалетчика, чем и воспользовался один преступник. В одной из сцен Стелла Дор даже распустила туго завязанные на затылке волосы, танцевала и прекрасно пела. Из диалогов Йонас практически ничего не уловил, так как Бритта и Имке постоянно объясняли что-то очень важное.

В фильме «Дочь охотника на медведей» изображение сильно рябило, а верхний край то и дело смещался влево. В этой картине Стелла Дор сыграла молодую шошонку по имени Хонг-пе-те-ке, лучшую подругу дочери вождя. Ее застрелили бандиты, которые подло свалили вину на племя оглала-сиу.

Йонас не мог не вспомнить слова Михаэля «Задиры» Хербига из фильма «Мокасины Маниту»: «Там, где шошоны шибко хорошо живут». Но то-

му, у кого в голове начинает постоянно крутиться эта фраза, очень трудно сохранять серьезный вид во время просмотра фильма. В какой-то момент он не выдержал и ненадолго вышел из комнаты якобы в туалет, за что тем не менее заслужил неодобрительные взгляды сестер. Но иначе Йонас бы просто лопнул от смеха.

Перед последним фильмом Бритта принесла нарезанный кубиками сыр, маленькие колбаски и корнишоны.

— У нас настоящий кинотеатр класса люкс! — с ослепительной улыбкой объявила она.

Йонас не мог поверить, насколько молодо выглядела Стелла Дор в фильме «Молчаливый ангел». Ее движения напоминали неловкие шаги щенка, у которого еще не окрепли мягкие кости. В слегка неустойчивой походке на каблуках таилось нечто прямо-таки провокационное. И это, безусловно, было связано и с крайне коротким платьем. Раньше такое называли дерзким и фривольным. Сегодня же оба этих слова пахли нафталином.

Совершенно юная Стелла играла продавщицу сигарет в гамбургской портовой забегаловке. К девушке приставал матрос, находящийся в отпуске на берегу.

Всего несколько сцен. Точно так же, как и в других фильмах. Если это ее самые известные работы, значит, до главной роли она, по-видимому, так и не дотянулась.

При этом Стелла Дор, без сомнения, обладала потенциалом кинозвезды. Как только она появлялась на экране, картинка будто становилась ярче и четче, а во время ее нескольких реплик зрители замирали, прислушиваясь к каждому слову.

Тем временем в кадре вновь возникла Стелла.

Что это?

Может, ему показалось?

— Можно мне пульт?

Имке неохотно протянула ему «кирпичик». Йонас быстро перемотал назад и остановил видео.

— Так вот вы какой! Никогда бы не подумала. — Бритта прищелкнула языком.

— Надо же, а с вами нужно быть настороже! — заметила Имке и ткнула его локтем в ребра.

Йонас понятия не имел, на что они намекают, потому что не обращал внимания на пышное декольте Стеллы Дор.

Его захватил взгляд актрисы, устремленный не на разгневанную невесту моряка, а прямо в камеру. И он не был ни дерзким, ни фривольным, ни смущенным, как того требовал бы сюжет.

Он был настолько глубоко печальным, каким никогда не мог быть взгляд продавщицы сигарет по имени Карла Хюбшен.

7. Совсем не на что надеяться

— Вам нужно срочно переезжать отсюда. Поселок вымирает. Да что там, он уже гниет!

Имке и Бритта сделали еще по глотку восточнофризского чая, который заварил их брат. Их старший брат, на которого они всегда равнялись и который построил новую жизнь в одном из ганзейских городов.

— Но это же наш дом, Ларс!

— Мы любим это место.

— Любите или нет, у него нет будущего. Разве там еще живет кто-то вашего возраста?

Имке и Бритта удрученно уставились на стоящие перед ними чашки.

— Вот именно! — продолжал Ларс, который уже давно допил свой чай. — А что-нибудь строится?

Они помешали чай в чашках.

— Вот именно. Этот поселок отстал от жизни,

и дом скоро вообще обесценится. Нам следует продать его, пока за него еще хоть что-то дают.

— Но мы же хотели сделать из него пансион для отдыхающих.

— Мы всегда об этом мечтали.

— Вы меня вообще не слушаете? У него нет будущего! — Брат решительно откусил кусочек миндального печенья.

— Мы не любим перемены, ты ведь знаешь. В этом мы похожи на маму. А ты скорее как папа.

— Да просто возьмите уже себя в руки! Я могу устроить вас на работу в свой банк. И у нас как раз есть крупный проект в сфере недвижимости на окраине города, где вы сможете приобрести квартиры по действительно справедливой цене. Такой шанс больше не представится. — Он отрывистыми движениями долил себе чаю. — Итак, мы договорились? Договорились же?

Первой ответила Имке:

— Нам будет не хватать моря.

— И пляжа, — добавила Бритта.

— Чаек.

— Нашего дома, Ларс. Это же наш дом!

— Это всего лишь старое здание. Все остальное — сентиментальность. — Он наклонился вперед и понизил голос: — Я ведь желаю вам только

добра. Но, к сожалению, этому месту уже точно не на что надеяться, совсем не на что. Надо покинуть тонущий корабль, вы же сами это понимаете.

На обратном пути в пригородном поезде и автобусе Имке и Бритта почти не разговаривали друг с другом. Их брат прав, они это знали. Разумнее всего будет продать дом. Обеим казалось, что по возвращении им предстоит деликатно сообщить об этом дому. Дому, который всегда давал им чувство безопасности и тепла.

Когда они вышли из автобуса, на остановке сидела Бентье в своем воскресном наряде и счастливо улыбалась, слушая голос мужа.

— Вы уже читали газету? — спросила она, как только двери автобуса снова закрылись.

— Нам сейчас не до газет, — откликнулась Бритта. — Нам срочно нужно до… домой. — Ее голос дрогнул на последнем слове. — Нам нужно…

Она хотела сказать «собрать вещи». Но такой выбор слов казался совершенно неправильным.

— Но сегодняшний выпуск вам определенно стоит прочесть. Такие новости! Крупным шрифтом на первой полосе, а внутри еще комментарий бургомистра. — Бентье протянула Имке аккуратно сложенную газету. — А мне пора. Сад ждет.

Имке передала газету Бритте и направилась

к дому.

Но Бритта остановила сестру. Она вся покраснела, глаза округлились.

— Что случилось?

Бритта открыла рот, но не смогла произнести ни звука. Ни одно слово не передало бы то, о чем она только что прочитала. Женщина подняла первую страницу повыше.

В их поселок переедет знаменитая Стелла Дор.

Дела пойдут на поправку!

Надо немедленно сообщить об этом Ларсу.

Теперь они все-таки смогут остаться.

8. Закат № 5

Хотя продуктовая лавка называлась «Клаузен и сыновья», Йонас все же надеялся увидеть Нессу за кассой, когда утром заходил в магазин. Но вместо нее там стоял седовласый мужчина с пробором посередине и угрюмо поджатыми губами, напоминающими морду камбалы.

В качестве приветствия мужчина лишь недовольно хмыкнул. Йонас ответил ему тем же. В чужой монастырь со своими правилами не ходят…

В небольшом торговом зале обнаружилось всего три ряда стеллажей, судя по всему, еще с пятидесятых годов. Создавалось впечатление, что они не заполнены товарами, а скорее украшены ими — настолько маленький ассортимент на них был представлен. Йонас положил в металлическую корзину несколько шоколадных

батончиков с арахисом, бутылку газированной воды, синюю шерстяную шапку (чтобы ветер больше не морозил ему уши) и большую упаковку носовых платков (нос взбунтовался против соленого воздуха). А еще он купил то, ради чего, собственно, сюда и пришел. Целый пакет.

Кассир — бейдж утверждал, что его зовут «К. Клаузен», — вводил все вручную, сканера в магазине не было. Наконец раздался писк, и в стеклянном окошке кассы высветилась итоговая сумма. Вслух продавец ее не произнес.

Йонас расплатился и кивнул на прощание. К. Клаузен кивать не стал, а лишь выпятил нижнюю губу. Видимо, это была его версия улыбки.

Едва Йонас вышел за дверь, как у него завибрировал мобильный — поступило СМС. Должно быть, от отца, как и многие предыдущие. Только вот сын не мог дать ему ответ, который тот так жаждал услышать.

Впрочем, в такое время отец обычно не звонил и не писал. Поэтому Йонас посмотрел на экран.

Ну что, Кит, удачно закупился? 😉

Йонас огляделся. Он не мог вспомнить, когда дал Нессе свой номер телефона. Потом его осенило: блокнот в пункте проката велосипедов.

Ты за мной следишь?

— быстро набрал он.

Конечно, я везде установила камеры, потому что не могу на тебя налюбоваться!

Я ехала на велосипеде к закусочной и видела, как ты зашел к Клаузенам. Так что зря надеешься.

Окей.

КСТАТИ, Я КОЕ-ЧТО ВЫЯСНИЛА!

?

Ну, насчет Стеллы Дор. Она вовсе не «воскресное дитя», как тебе рассказывала. Опоздала на полчаса. Так что в понедельник ее мама родила. Позже меня поблагодаришь. Я еще подумаю, как именно. А сейчас меня зовет фритюрница. Благодаря фритюрнице все становится вкуснее!

Почему Стелла ему солгала? Или она сама не знала правды? Надо обязательно с ней об этом поговорить.

Йонас снова заглянул в сообщения.

Значит, теперь они с Нессой уже переписываются. Он улыбнулся своим мыслям, не совсем

понимая, как к этому относиться.

Йонас привык к удивленным взглядам, которые вызывал у людей его красный тандем, — он даже чувствовал себя кем-то вроде местного курьера. По дороге к Стелле Дор он ненадолго остановился на автобусной остановке.

Саму по себе пустую автобусную остановку можно считать добрым знаком, ведь это означало, что все уже на пути к своей цели и никто не мучается в ожидании.

Но когда на левом сиденье не было Бентье, это место казалось похожим на могилу.

Йонас поставил целлофановый пакет с грецкими орехами на красное сиденье. Твердый пластик покрывали многочисленные потертые наклейки, из-за чего он немного напоминал клетчатое покрывало. Йонас прислонил пакет к спинке, чтобы Бентье сразу увидела надпись на листке.

«Для Бентье и Роберта».

Теперь автобусная остановка уже не смотрелась такой пустынной. Ведь здесь Бентье и Роберта ждал пакет.

Еще издалека Йонас заметил, что Стелла Дор стоит перед своим домом. Совершенно неподвижная, даже ее одежда как будто не шевелилась

— несмотря на прохладную погоду, сегодня она выбрала оранжевое летнее платье с открытой спиной, длиной до колен. В идеальной позе, словно греческая статуя, актриса повернулась лицом к осеннему солнцу и подняла подбородок, как будто властвовала над морем.

Только когда Йонас подошел ближе, в его поле зрения попал художник, сидящий на складном стуле перед мольбертом. Он так энергично размахивал кистью, будто дирижировал оркестром.

— Это Жеральдо, — сказала Стелла Дор Йонасу вместо приветствия. — Он рисует обложку.

Жеральдо носил розовые ковбойские сапоги — это была его «визитная карточка». Букву «А» в своей подписи он изображал в форме мыска сапога, с тех пор как эта гениальная идея пришла ему в голову. Ведь художнику жизненно необходим свой фирменный знак, а поскольку Дали уже закрепил за собой завитые усы, а Ван Гог — отрезанное ухо, Жеральдо, недолго думая, решил остановиться на ярких сапогах. Он писал исключительно картины с морем, но никогда не изображал буйки, грузовые суда, замки из песка и тем более мусорные баки. Он рисовал нетронутый пляж. Иногда добавлял парусник или чайку, но в остальном — только песок, море, небо.

Картины хорошо продавались, прежде всего потому, что Жеральдо всегда давал им названия в соответствии с конкретным участком пляжа. Идеальный сувенир из отпуска.

Йонас встал у него за спиной и посмотрел на холст.

— Прекрасно.

— Конечно. Ведь это же моя работа.

— Но на картине солнце уже садится.

— Жеральдо как никто другой владеет искусством рисовать закаты, — пояснила Стелла.

— Не двигайтесь! Линии сейчас выглядят так изящно. — Жеральдо поднял взгляд на Йонаса. — Особой популярностью пользуется закат № 2. Но фрау Дор выбрала № 5. Он гораздо более гламурный.

Йонас сразу понял почему: № 5 казался одновременно теплым и драматичным. Слева и справа в картину словно заглядывали два полупрозрачных облака, обрамляющих темно-оранжевое солнце, как ангельские крылья. Лучи отражались в бурном море, доходя до самого берега, и даже сверкали на песке. На картине не оставалось ни пятнышка, куда бы не проникало солнечное сияние, — лучи пронизывали абсолютно все.

— А сколько всего закатов?

— На данный момент семь. Но я работаю над восьмым. Меланхоличным. — Жеральдо показал Йонасу на мобильном телефоне несколько закатов со своих картин.

Йонас не стал говорить, что для него все закаты несли в себе нечто меланхоличное. Ведь за ними наступала тьма.

Внезапно на пляж выбежал Хороший Мальчик. Пес начал резвиться в песке, кружиться на месте и носиться туда-сюда. Затем улегся спиной на песок, словно ничто не доставляло ему большего удовольствия. И вдруг он вскочил, посмотрел в сторону Стеллы и залаял. После это все повторилось сначала.

— Его удивляет, что фрау Дор стоит неподвижно, — объяснил Пауль Хансен, который между тем подошел к ним со старым деревянным ящиком для инструментов. Сегодня он был одет в утепленные зимние брюки с нашивками в виде больших снежинок. — Хороший Мальчик хочет, чтобы она двигалась.

— Придется ему немного потерпеть. На моих картинах не бывает собак, — ответил Жеральдо.

— А должны быть. Нет ничего лучше собак, Герхард.

— Жеральдо!

— Ой, забыл, — усмехнулся Пауль.

— И почему я тебе не верю? Наверное, потому, что мы знакомы целую вечность. — Фыркнув, Жеральдо посмотрел на Стеллу Дор. — Собаку нужно убрать. Она мешает морю.

— Мой пес не мешает морю! Оно ни разу не жаловалось, когда он в него прыгал. Правда, Хороший Мальчик?

Золотистый ретривер залаял.

— Ты ничего не понимаешь в искусстве, Пауль. И твой пес тоже. Оставь творчество творческим личностям.

Пауль указал на своего пса.

— Хороший Мальчик здесь главная творческая личность. Ты только посмотри, как элегантно он ложится — ни одна балерина так не умеет. А как быстро он ест — это тоже настоящее искусство. Ты так точно не сможешь.

Жеральдо застонал:

— Не! На! Моей! Картине!

Пауль застонал еще громче:

— Я хотел сообщить фрау Дор кое-что важное, но теперь она, похоже, останется без новостей. Как и без приглашения на танец.

— Я так работать не могу! — Разгневанный Жеральдо бросил кисть и скрестил руки на груди.

Стелла повернулась к ним.

— Господа! Для меня это очень важно. Пауль, пожалуйста.

Пауль кивнул.

— Если вы так говорите, фрау Дор, то это совсем другое дело. Пойдем, Хороший… Пес, найдем участок пляжа, который оценит тебя по достоинству.

— За это я завтра подольше подумаю над вашим предложением потанцевать.

Услышав эти слова, Пауль просиял, словно солнце взошло прямо перед ним, и бросил палочку для Хорошего Мальчика так далеко, что солнце взошло и на морде собаки.

Йонас смотрел им вслед и задавался вопросом, что же это за предложение потанцевать и неужели этот старый плотник — талантливый танцор?

Затем он снова повернулся к картине, на которую Жеральдо как раз широким мазком наносил синюю краску.

— Вы забыли про ветряные мельницы там, сзади, их же отсюда хорошо видно.

— Я решил их не видеть. Они не подходят фрау Дор.

— Но тогда это мог бы быть любой другой участок пляжа.

— Картина — это воспоминание, запечатленное маслом, и было бы еще прекраснее, если бы реальность подстраивалась под то, что мы впоследствии будем вспоминать! Ведь это по-прежнему решать нам! — Жеральдо вновь взялся за кисть. — Чем чаще люди смотрят на мою картину, тем лучше запоминают, что этот участок пляжа выглядел именно так. И в какой-то момент начинают думать, что именно этот закат наблюдали у моря.

— Значит, своими картинами вы дарите людям воспоминания о закатах?

— Разве может быть на свете более прекрасный подарок?

— Мой образ — вот, пожалуй, еще более прекрасный подарок! — вступила в разговор Стелла Дор, и Йонас засомневался, правда ли услышал в ее голосе иронию, или это просто ветер.

— Ну разумеется, — с поклоном отозвался Жеральдо. — На этой картине никто не сияет ярче, чем вы!

Внезапно Йонас почувствовал себя лишним.

— Я пока подготовлю террасу для нашего интервью.

— Нет, поговорим внутри, — ответила Стелла. — Сегодня нам предстоит достать много

листочков.

9. Надрыв

Если человек корчит гримасу, похожую на улыбку, подсознание верит, что у него действительно есть повод для улыбки. Оно не замечает разницы.

Герхард натянул на лицо улыбку. Как и каждое утро по дороге в школу, где он преподавал.

Прикосновение к кожаной поверхности старой сумки, унаследованной от отца, чрезвычайно успокаивало. Она сопровождала его и во время учебы в художественном институте, и на первых выставках.

Будучи учителем рисования, Герхард занимал отдельный кабинет — собственную мастерскую, в которой он проводил занятия с учениками. Там висели работы многих классов, и Герхард обожал момент, когда включался свет и краски оживали.

Знакомить молодых людей с чудом искусства, открывать им красоту Ван Гога, революционность творчества Пикассо или гениальность Рихтера[13] — что может приносить большее удовлетворение в жизни?

Прозвенел звонок, и в класс тут же хлынули первые ученики. Они бросали рюкзаки на столы или на пол, не отрывая при этом взгляда от мобильных телефонов.

— Приготовьтесь, промойте кисти, проверьте, в порядке ли ваши краски, и налейте воды.

Сегодняшний сдвоенный урок обещал быть очень интересным. Ведь у них такая замечательная тема!

Он дал им целых пять минут, после чего с помощью колокольчика более или менее добился тишины.

— Сегодня мы изучим творчество Марка Шагала, художника-поэта, имеющего огромное значение как для сюрреализма, так и для экспрессионизма.

— Ску-у-у-ука!

Герхард обернулся.

---

[13] Примечания: 13

Вероятно, имеется в виду Герхард Рихтер (род. в 1932 г.), немецкий художник, один из самых влиятельных современных живописцев, картины которого хранятся во многих музеях Европы.

— Кто это сказал?

Никто не откликнулся.

Покачав головой, он продолжил, указав на доску, где висела репродукция шедевра Шагала:

— Сегодня вы будете создавать работы по мотивам «Зеленого скрипача».

— У него же зеленое лицо. Гадость какая!

— Великий Марк Шагал стремится показать внутреннюю борьбу заурядного человека.

— Его же сейчас вырвет!

Герхард хлопнул в ладоши.

— За дело! — Он ненадолго отошел в заднюю часть класса, чтобы принести свою собственную интерпретацию шедевра Шагала.

А когда вернулся, двое мальчиков отбежали от учительского стола. Так быстро, что он не успел разглядеть, кто именно.

— Я трансформировал картину Шагала в кубизм. Вы, конечно, совершенно свободны в выборе художественного стиля. Дайте волю своему воображению!

Он хотел снять свою кожаную сумку с кафедры, но… она, видимо, за что-то зацепилась. Герхард дернул сильнее.

Послышались первые смешки.

За что же она могла зацепиться? Столешница

ведь гладкая. Он тянул во всех возможных направлениях. Смех перерос в хохот.

Только тогда Герхард сообразил, что произошло. Они приклеили его сумку к кафедре суперклеем. Ему, конечно, доводилось сталкиваться со школьными шалостями: нарисованные на доске пенисы или зубная паста на дверных ручках. Но это же совсем другое дело! Он как сумасшедший дергал сумку, пока не раздался громкий треск и она не оказалась у него в руках — а кусок кожи так и не отлепился от кафедры.

— Что это за выходка? Какая беспредельная наглость! Да это же просто преступление!

Несколько ребят снимали все на мобильники, и видео сразу же выложили в сеть. Побагровевший Герхард. Ругающийся Герхард. Герхард, вырывающий смартфон из рук одного из учеников. Герхард, покидающий мастерскую со слезами на глазах и с грохотом захлопывающий за собой дверь.

Многочисленные видеоролики с того урока другие школьники восприняли как призыв превзойти эту шутку на следующих занятиях.

Они разрезали картины Герхарда.

Они подожгли бумагу в мусорном ведре, из-за чего сработала система пожаротушения.

Они заперли его в подсобке.

Они приклеили его к стулу.

К этому добавились фотомонтажи, изображающие его голым в самых нелепых, унизительных и извращенных ситуациях.

В конце концов, сколько бы Герхард ни улыбался по дороге в школу, его подсознание уже на это не реагировало. А залатанную кожаную сумку отца они у него давно украли.

Наконец его тело не выдержало.

Об этом ему сообщили врачи в письменной форме. Так же, как и о досрочном выходе на пенсию.

Он до сих пор болезненно вспоминал недели тьмы, которые за этим последовали. Герхард больше не выходил из квартиры, да и с постели почти не вставал.

Чем меньше мир вторгался в его жизнь, тем лучше.

Герхард почти перестал есть и пить. В зеркале он все больше напоминал себе фигуру с картины Мунка «Крик».

Его взгляд на мир изменился, словно кто-то покрыл все темной лазурью. Раньше Герхард любил море, считал шум волн успокаивающим, а вид на бескрайнюю водную гладь — бальзамом для ран его души.

Теперь же море пугало его. Ведь кто знает, какая тьма таилась в его глубинах, какую неконтролируемую силу могли набрать волны.

Когда Герхард видел линию выброшенных на берег ракушек, он не мог не думать о том, что все это — скелеты и что в пустых раковинах больше никто не живет. Что песок, каким бы мягким и мирным он ни казался, состоит из ракушек, измельченных морем. И никто давно уже не помнит, чем они были, прежде чем превратиться в крупицы песочных часов приливов и отливов.

Но однажды взошло солнце — яркое солнце, словно спелый апельсин на небе. Оно озарило его бледное лицо сквозь окно и согрело его. Герхард посмотрел наружу и потерялся в его красоте.

В последующие дни он позволял солнцу навещать его все чаще.

И в какой-то момент Герхард снова начал рисовать. На каждой картине было солнце. Великий даритель жизни. Никаких людей. Ни единого следа человечества. Только природа. И свет.

Сначала он рисовал только в своей квартире, но в какой-то момент снова осмелился выйти на улицу.

Даже к морю.

На пляже кто-то увидел его за мольбертом,

полюбовался созданным из красок закатом и спросил, сколько стоит картина и как читается подпись: Герхард или Жеральдо.

Он поднял глаза и улыбнулся.

Так началась его вторая жизнь.

10. Глава о любви

Пауль в очередной раз бросил палочку в набегающие волны. А Хорошему Мальчику ничто не доставляло большей радости, чем прыгнуть в холодную воду, схватить бесценный кусок дерева и положить его к ногам хозяина. Пребывающий в приподнятом настроении Пауль снова бросил обгрызенную мокрую палку так далеко, как позволяли мышцы рук. Ему нравилось, что в этом мире есть существо, желающее проводить с ним время. Каждый день и каждую ночь.

Оставалось надеяться, что ему повезет еще на какое-то время сохранить драгоценные воспоминания о моментах вместе со своей собакой. Однако память Пауля опустошалась беспорядочно и непредсказуемо. Вот почему в его доме тоже было полно записок, только они не прятались в книгах, а лежали и висели везде, где он мог

забыть то, что забывать нельзя. Напоминания о том, как важно выключить плиту, о том, что нужно принять таблетки, или о том, в каком порядке надевать одежду.

Однако на большинстве листочков он записывал свои чувства к фрау Дор. Ведь Пауль боялся забыть и это. Хотя каждое утро он просыпался с ощущением, что должен увидеть ее, поскольку она не лежала рядом с ним, как должно было бы быть. Поэтому он каждый день отправлялся ремонтировать что-нибудь в ее пляжном павильоне. Но никогда не чинил дом настолько, чтобы не осталось дел на последующие дни. Вдобавок Пауль работал так медленно, что фрау Дор могла подойти к нему, чтобы перекинуться парой слов.

Он всегда спрашивал, не потанцует ли она с ним.

Она всегда отвечала «нет».

Между тем его сейчас вполне устроило бы, если бы она хоть раз покружилась с ним на месте.

Вот что делает с человеком старость: желания постепенно мельчают, пока в конце концов не исчезают совсем. Некоторые называли это «счастьем ничего не желать». Пауль же считал, что желания — это нечто чудесное, чему можно радоваться еще до того, как оно исполнится, и

что желания необходимы для счастья. Желание потанцевать с фрау Дор делало его счастливым уже… оно делало его счастливым уже очень давно.

Без фрау Дор его бы давно постигло несчастье ничего не желать.

Пауль снова оглянулся на нее и на художника, которому дозволялось кружить вокруг нее со своей кистью. Он почувствовал укол ревности и испытал от этого удовольствие.

Ведь у того, кто ревнует, сердце еще бьется.

И это сердце еще способно биться от любви.

Когда Йонас сел за обеденный стол Стеллы, его нос уловил аромат кофе, который она утром пролила на деревянную столешницу. Это напомнило ему о том, что у него дома все важные разговоры происходили на кухне. При этом в гостиной сидеть было гораздо удобнее, оттуда открывался более красивый вид, и холодильник не гудел время от времени, как медведь в зимней спячке. Но в их семье только совместный прием пищи побуждал людей разговаривать друг с другом. Это развязывало языки.

На обеденном столе Стеллы Дор лежало лишь несколько сухих овсяных печений в хрустальной вазочке. Но чтобы развязать язык, ей ничего и не

требовалось.

Йонас как раз достал свой ноутбук, когда она в развевающемся платье впорхнула в комнату.

— Сегодня мы поговорим о любви! Это должно быть в отдельной главе. Любовь — это всегда отдельная глава. — Стелла засмеялась, затем остановилась перед обеденным столом и серьезно посмотрела на Йонаса. — Что вы знаете о любви, молодой человек?

— Я… знаю, что она может причинять сильную боль. Но также знаю, что нет ничего прекраснее, когда она взаимна.

Йонас подумал о Мелани, о часах, проведенных с ней, когда весь мир был на своем месте и он наконец-то не чувствовал себя чужим. Ему вспомнилась прогулка на каноэ по озеру, когда они нанесли друг другу солнцезащитный крем на лицо, но забыли про уши. Как Мелани в шутку пыталась опрокинуть каноэ, а потом, во время пикника, они заметили, что забыли штопор для риохи. Другая пара, расстелившая плед неподалеку от них и отмечавшая годовщину, поделилась с ними бутылкой теплого яблочного лимонада. Все шло идеально.

Это было за день до выпускного бала.

На котором она целовалась с его лучшим дру-

гом.

Они встречались с празднования его пятнадцатилетия. И Йонас не собирался ничего менять.

Его сердце до сих пор не зажило с того момента, когда он их увидел.

— То есть вы ничего не знаете, — сухо прокомментировала Стелла. — Совершенно ничего. Но в вашем возрасте это вполне нормально.

Она села, и, хотя ее длинные пальцы сейчас не держали тлеющей сигареты, Йонасу показалось, будто она выдохнула дым.

— Всю жизнь на меня оглядывалось множество мужчин. Они ходили за мной по пятам. Мужчины слетались на меня, как мотыльки на свет.

— Разве эти слова не о Марлен Дитрих?..

— Но мне они подходят гораздо лучше! Так сказала сама Марлен. Запишите!

Йонас набрал это на клавиатуре, и лишь тяжелый вздох выдавал его желание писать о чем-то другом.

— Даже сейчас мужчины не оставляют меня в покое. Пауль каждый день кружится вокруг меня, и Жеральдо тоже. Но он ищет женщину, которая будет беспрестанно им восхищаться, а я не такая. Никогда такой не была.

Стелла встала и сама закружилась по дому,

словно мотылек, будто ее волшебным образом притягивала записка в шкафу, которую она прикрепила скрепкой к краю тонкого халата. Она осторожно ее сняла. А когда снова села за стол и прочла написанное, не сдержала улыбку.

— В вашем родном городе, который, кстати, родной и для меня, когда-то жил молодой книготорговец, развозивший заказы. Он влюбился в меня, и я тоже в него немного влюбилась. Мне очень нравился его тихий, интеллигентный характер. Но чем яснее я выражала свои чувства, тем неяснее становились его реакции, и чем ближе я подходила, тем дальше он отступал. В конце концов я даже открыла ему дверь в халатике, который подруга сшила мне специально для этого случая. Но не из шелка, конечно, это мне было не по карману. Перед его приходом я включила позади себя лампу, чтобы он как бы случайно разглядел мои формы. У меня уже тогда проявлялись признаки изворотливой маленькой кокетки — но с хорошими манерами!

— Как же вы тогда сошлись?

— Никак. Я познакомилась с другим… Один момент.

Стелла Дор снова встала и подошла к книге, из которой соблазнительно выглядывал красный

листочек. Оказалось, что это автобиография Папы Франциска. Стелла Дор прочитала записку, улыбнулась и провела кончиком языка по верхней губе.

— Красивый молодой священник… то есть он еще не был рукоположен, а проходил обучение… как там это называется? А впрочем, неважно. В любом случае он меня очень заинтересовал, а когда выбрал меня вместо своего Бога, я окончательно пропала. Мы уехали вместе. Но в конце концов любовь к Тому, кто на небесах, оказалась сильнее любви ко мне, хотя наверняка на это повлияло и то, что моя любовь остыла, а Бог продолжал любить.

Она подошла к небольшой картине на серванте, изображавшей ночной вид на базилику Сакре-Кёр; звездное небо напоминало работы Ван Гога. В рамке торчала лазурно-голубая записка, которую Стелла вытащила лишь после того, как вновь насладилась цветами той ночи в Париже.

Бумага уже не пахла дорогими духами, которыми она тогда пользовалась. Но она все равно почувствовала аромат сандалового дерева, лаванды и апельсиновой цедры.

— А теперь перейдем к одному особенно важному эпизоду. Это случилось в Париже, в ки-

нотеатре на Монмартре, на одной из тех крутых улочек, которые ведут наверх. Очень живописно, правда. Вам тоже стоит туда съездить. И не только ради женщин! — Она улыбнулась, а Йонас — нет. — Как бы то ни было, во Франции состоялась премьера моего фильма «Купальщица из Санкт-Петер-Ординга», и мне, конечно же, полагалось на ней присутствовать. Кинокомпания даже предоставила мне для этого платье от «Шанель», представьте себе! Могу смело сказать, что выглядела я потрясающе — даже по сравнению с парижскими конкурентками. После показа и оваций — публика аплодировала стоя целых несколько минут! — мне захотелось подняться к Сакре-Кёр. Совершенно спонтанно. Я тогда немного опьянела. Когда я туда добралась, мне сначала пришлось сесть на ступеньки и снять туфли — и к черту платье от «Шанель». И тут рядом со мной сел мужчина с невероятно выразительными карими глазами. Мы разговорились. Выяснилось, что он тоже родом из Германии. В общем, слово за слово, и мы оказались в его номере в отеле.

Стелла Дор подошла к одному из книжных стеллажей и достала автобиографию Франсуазы

Арди[14], в которой скрывалась исписанная сине-бело-красная салфетка.

— Он жил в очень маленьком номере с наклонным потолком, а душ находился в коридоре. Даже несмотря на наличие двуспальной кровати, места было не так много. Ну, это же Париж, город любви. — Она разгладила уголок салфетки. — Но, и это очень важное «но», мы не переспали. Он не воспользовался моим опьянением, хотя это не составило бы труда. И я сразу поняла: этот человек подходит на роль мужа, он из хороших мужчин. Я всегда думала, что мне нужен сильный мужчина, который защитит меня от волков. Но в итоге нашла его среди ягнят. Всего через полгода мы с Филиппом поженились.

Йонас поднял глаза от клавиатуры.

— Как назывался тот кинотеатр?

— Не помню, да это и неважно. Важна именно та ночь!

— А вы, случайно, не знаете, почему Филипп тогда находился в Париже?

— Нет. К тому же это моя автобиография, а не моего бывшего. Дело в общей картине, а не в деталях. Почему вы так нахмурились?

---

[14] Примечания: 14

Франсуаза Арди — французская певица, актриса и астролог. Ее образ считался идеальным воплощением образа парижанки.

— Из-за другой детали.

Стелла Дор вздохнула.

— Давайте, выкладывайте! Судя по вашему виду, вы все равно не сможете промолчать.

— Я поискал информацию. — Йонас замолчал. — Попросил поискать. Свою… команду. Вы родились вовсе не в воскресенье, а в понедельник.

— Чушь собачья. Мы напишем, что в воскресенье.

— Но это ведь будет…

— И то и дело белый слон мелькает!

— Я не понимаю.

Но на этом, похоже, тема была закрыта. Стелла Дор упорхнула к очередной книге, очередной записке, очередному мгновению своей жизни. А затем неожиданно повернулась к Йонасу и улыбнулась. Жеральдо наверняка сразу же захотел бы запечатлеть этот миг на холсте.

— Мне нравится ваше рвение! Зовите меня Стеллой.

— Спасибо, а ты меня…

— О том, чтобы «тыкать» друг другу, речь не шла! — Она помахала указательным пальцем перед Йонасом. — Не станем же мы отказываться от всех правил хорошего тона. Это все равно что

сделать третий шаг прежде второго. Кроме того, это же прекрасно, что немецкий язык различает нюансы.

— Благодарю… вас, Стелла?

— Вы все правильно поняли, Йонас. — Стелла протянула ему хрустальную вазу, в которой к тому моменту осталось всего одно печенье. — Это для вас.

У Йонаса не было аппетита, но печенье он взял. Оно напоминало оливковую ветвь, а ее ведь тоже не обязательно есть.

— Спасибо. В том числе и за ваше доверие. — Стелла кивнула. — А теперь я расскажу вам о медовом месяце в Венеции и нашем палаццо на Гранд-канале!

Соответствующая «записка» оказалась не подстаканником из-под итальянского пива, подсунутым под шатающуюся ножку стола, как предполагала Стелла, и не обратной стороной написанного от руки рецепта соуса «Аррабиата» в высоком стеклянном контейнере для спагетти. Она притаилась в венецианской маске из папье-маше.

Вскоре после того, как Йонас покинул «Краба», во входную дверь постучали. Стелла, закрыв глаза, как раз поглаживала кончиками пальцев

записки в своей библиотеке. Столько накопленных воспоминаний, столько всего, что никогда не будет забыто, несмотря на мимолетность моментов.

— Заходи, Пауль. Но собаку оставь снаружи.

Ей было слышно, как он привязывает пса и как виляющий хвост Хорошего Мальчика стучит по деревянной обшивке, пока тот восторженно облизывает лицо Пауля. Когда Хороший Мальчик вилял хвостом, виляла вся собака. Стелла не могла не улыбнуться.

Дверь осторожно приоткрылась.

— Он опять извалялся в песке и теперь выглядит как котлетка в панировке.

— Прости, что я сегодня утром…

— Не нужно извиняться. — Он махнул рукой. — У меня же полно времени.

Пауль улыбнулся, хотя в этот момент — как и в любой другой — прекрасно осознавал, что это не так. Что в море становится все меньше рыбы, а в его жизни — все меньше дней.

— Хочешь кофе? Алкогольный?

— Нет, я не собирался отнимать у вас много времени, фрау Дор. Просто хотел сказать, что обо всем позаботился. Насчет «Краба».

— Что ты имеешь в виду? — Стелла поставила

пустую хрустальную вазу в раковину и наполнила ее водой.

Пауль вытащил из кармана брюк скомканную бумажку, на которой все записал.

— Я составил письмо городской администрации, то есть жалобу, в которой указал, что ваш дом стоит как скала, дерево в отличном состоянии, и я лично за это ручаюсь. В том числе и в финансовом плане, что тоже могу гарантировать! — Пауль настолько переволновался, что ходил взад-вперед, словно в танце.

— Ах, Пауль. — Стелла вытерла руки и подошла к нему. — Это очень мило с твоей стороны, правда, от этого ничего не изменится.

— Но я…

— Они же знают, что древесина в порядке. Просто хотят, чтобы я уехала, вот и все.

— Я все улажу. Обязательно. Вам не придется уезжать, фрау Дор!

— Некоторые вещи нельзя ни починить, ни залатать. Даже с помощью всех ваших замечательных инструментов. Иногда остается лишь принять, что что-то разрушено и уже никогда не восстановится.

Она мягко улыбнулась. Стелла процитировала строки из своего фильма «Дева молится». Очень

серьезное произведение, которое, к сожалению, видели лишь немногие, а понравилось оно еще меньшему числу людей. С такими сложными монологами, что ей потребовалось много времени, чтобы научиться произносить их более или менее бегло. Стелла никогда не думала, что фразы из этого фильма когда-нибудь покажутся ей настолько правдивыми.

— «Дева молится», — произнес Пауль.

Улыбка Стеллы стала еще шире.

— Сейчас скорее «почтенная матрона».

— Позвольте пригласить вас на танец, фрау Дор?

Стелла глубоко вдохнула.

— Не сегодня. — Она сжала его руку. — Думаю, Хороший Мальчик уже по тебе соскучился. Он ведь не любит оставаться один.

Пауль сжал губы.

— До завтра?

— Каждый день до завтра.

11. Слова у моря

На обратном пути Йонас снова проезжал мимо автобусной остановки. Он не собирался останавливаться. Но вдруг заметил что-то на левом из трех красных пластиковых сидений.

Открытка, прижатая камнем.

Йонас затормозил так резко, что чуть не упал с тандема. Поспешно прислонив велосипед к одинокому фонарному столбу, он поднял камень и взглянул на то, что тот защищал от порывов ветра.

На открытке была изображена картина с пирсом и беседкой.

Йонас узнал этот закат. Закат № 5. Ему показалось, словно он снова встретил старого друга. Перевернув открытку, он увидел ровный почерк, буквы были похожи на виноградные лозы и словно лежали на линиях, которых на самом деле

не было.

Большое спасибо за орехи! Во время ожидания действительно нет ничего лучше орехов. Кажется, будто разгрызаешь одну секунду за другой и помогаешь времени течь быстрее.

Но еще больше я хочу поблагодарить Вас за наш разговор. Так приятно, когда тебя кто-то слушает. Это настоящее счастье, которое начинаешь ценить лишь тогда, когда никого не остается рядом.

Йонас долго смотрел на эти слова. Когда он прочитал их во второй раз, ему показалось, что они принадлежат кому-то другому, а не Бентье. А в третий раз — что они звучат из уст его отца.

Йонас слышал собственное тяжелое дыхание.

Пора позвонить.

Но не здесь.

Нужно место, которое согреет его, как мягкое одеяло. Йонас направился к пирсу, но не зашел на него, а свернул к пляжу.

Он нуждался в шуме прибоя, в том приятном журчании, когда вода впитывается в песок, и в последующей тишине. Родители с самого детства брали Йонаса с собой к морю, с ним были связаны

самые прекрасные часы в его жизни. Шум волн олицетворял беззаботность и счастье.

Древняя магия всегда действовала.

Тем не менее он быстро вытащил мобильный из кармана куртки, пока не передумал. Отец долго не брал трубку — вероятно, как всегда, в панике искал телефон и успел ответить буквально на последнем гудке, прежде чем включилась голосовая почта. Вот почему, здороваясь, он все еще тяжело дышал.

— Как здорово, что ты позвонил!

— Где он на этот раз затерялся?

— Провалился в щель между диванными подушками. Послушай, прежде чем ты что-то скажешь: прости, что это произошло.

Йонас кивнул, и папа «услышал» этот кивок. Он знал, как реагирует его сын, когда речь заходит о чувствах.

Молчанием.

Йонас боялся, что замок, запиравший его сердце, будет понемногу приоткрываться с каждым словом, в котором он выразит свои переживания. Поэтому он защищал его Тишиной.

Но сердца не желали оставаться запертыми. Это мешало им биться в полную силу.

— Я могу понять, почему ты… — Отец замол-

чал. — Нет, я не могу этого понять. Я пытался, но у меня не получается.

Йонас опять кивнул.

— Знаю, тебе не нравится, что я тебя уговариваю. Но…

Йонас ждал. Пусть папа скажет то, что хочет. Тогда Йонас сможет ответить. И больше не понадобятся никакие СМС.

— Это было так важно для мамы! — начал отец. — Это было для нее важнее всего, когда она узнала, что ей осталось не так много времени. И что она не увидит, как ты растешь…

Йонас повесил трубку.

Морское одеяло оказалось недостаточно плотным. Словно в трансе он пошел к темной воде, а волны шли ему навстречу. Показывали свои белые зубы и кусали песок у его ног.

Там, где море и суша встречались и боролись друг с другом за каждый сантиметр, Йонас встал на колени и опустил руки в воду.

Холод вернул его в настоящее. Туда, где он хотел быть.

Море было настолько холодным, что боль не становилась терпимее, а только усиливалась. Тем не менее Йонас держал ладони под водой, пока это не стало невыносимым.

Затем он вытащил их и потянулся за телефоном.

Пальцы настолько замерзли, что ему с трудом удалось набрать сообщение отцу.

Прости меня, пап. Я очень тебя люблю!

Он откинулся на спину в песок и устремил взгляд к звездам.

Но азбука Морзе сверкающих небесных светил не дала ему ответа.

Андреас Энгельбаум посмотрел на свой мобильный.

«Вызов завершен».

Тем не менее он продолжил говорить, крепко сжимая телефон в руке.

— Мне было так тяжело в течение стольких лет ничего не рассказывать тебе о письме. Хоть я и знал, как сильно ты искал ответы, как сильно нуждался в этой весточке от нее. Мне казалось, будто я лишаю растение удобрений, понимаешь? Но я ей обещал. Перед… то есть незадолго до… Я просто не смог заставить себя не выполнить ее последнюю просьбу слово в слово. Как будто тем самым я… сам не знаю… запятнал бы ее образ, огорчил бы ее. Я просто не смог. Это был такой тяжкий груз, ты даже не представляешь! Всякий раз, когда я видел тебя перед вашей фотографией

в прихожей, на которой мама держит тебя на руках, так нежно и бережно… А ты молча стоишь перед ней с миллионом вопросов в глазах… — Андреас посмотрел на экран, который уже давно погас. — Пожалуйста, прочти то, что она тебе написала, тебе нужно это прочитать. Ради души, что бы это ни значило, твоей, моей и маминой. Это ее подарок тебе. У нее тогда почти не осталось сил, но ей необходимо было написать это письмо… И оно не единственное, что она тебе оставила. Вот что я хотел тебе сказать.

Андреас представил жену на больничной койке, застеленной белоснежными простынями, с букетом разноцветных тюльпанов и нетронутой упаковкой дорогих ореховых конфет на тумбочке. Он увидел ее лицо, на котором она старалась изобразить улыбку, но глаза уже не могли улыбаться.

Андреас еще раз тяжело вздохнул.

— Это принесет тебе счастье. Даже если будет больно, — прошептал он в тишину.

На дисплее смартфона высветилось СМС от Йонаса.

Андреас сразу же набрал ответ:

Я тоже тебя люблю, сынок! И всегда старался любить тебя за двоих.

Когда у него задрожала рука, он положил телефон на комод в прихожей.

Рядом с фотографией матери Йонаса.

12. На север

— Ты никуда не пойдешь, черт возьми! Ты останешься здесь! И прочитаешь, что тебе написала мама!

Отец Йонаса редко кричал и никогда не делал этого из злости. Злость всегда побуждала его говорить тише. Если он кричал, то только от беспомощности.

— Нет, папа. Мне нужно идти.

Они провели вместе прекрасное утро. Йонас помогал отцу с покупками на оптовом рынке. Ему всегда нравилось это делать; огромный зал со всевозможными овощами, фруктами, мясом и рыбой казался ему отдельным миром со своими законами и сплоченным сообществом. Затем они спокойно разложили товары по кладовым небольшого ресторана.

А теперь ему пора отправляться на север, чтобы

познакомиться со Стеллой Дор.

— Сначала мы разберемся с этим! Твоя мама так хотела!

— Не сейчас. Когда я вернусь. Сейчас я не могу, папа. Мне нужно полностью сосредоточиться на писательстве. Мне действительно очень жаль.

— Значит, эта писанина для тебя важнее собственной матери! Это же просто бред! Ты никогда не сможешь прилично на этом зарабатывать, поверь мне.

Йонасу потребовалось немало сил, чтобы сохранить спокойствие.

— Мы уже это обсуждали. Мне выпал шанс. Если ничего не получится, я буду помогать здесь. Но этот единственный шанс я заслужил.

— Нет, если ты сейчас уедешь! Я тебе запрещаю!

— Ты больше не вправе мне ничего запрещать, пап.

— Да как ты можешь так меня разочаровывать! Хорошо, что твоей матери не довелось увидеть, каким человеком ты стал! Мне стыдно за тебя!

Йонас быстро ушел из ресторана, потому что не хотел плакать перед отцом.

13. Тарт Татен

Сближение планет почти невозможно заметить невооруженным глазом. Но в какой-то момент они начинают сиять вместе на ночном небе.

Иногда так же происходит и с людьми.

Как с этими двумя в «Крабе», которые только что закончили писать очередную главу. Стол был усыпан листочками и заметками, а жизнь Стеллы Дор заполняла страницу за страницей.

Но к пляжному павильону уже летели две кометы под именами Бритта и Имке.

У тандема Йонаса утром спустило колесо, и он не успевал его починить, поэтому отправился пешком. Хозяйки пансиона предложили забрать его во второй половине дня и тут же сами приняли свое предложение.

А сейчас, энергично постучав в дверь и не дожидаясь ответа, сестры так же сами пригласили

себя войти.

Йонас не разбирался в женских прическах, но почти со стопроцентной уверенностью мог сказать, что у Бритты раньше не было столько локонов, а волосы Имке стали светлее. А оделись они в… Йонасу не хватало слов. Что это — тюль, шифон или органза? Так или иначе, такое, возможно, носят на красной ковровой дорожке в Голливуде, но уж точно не в пляжных павильонах.

Бритта держала в руках серебряное блюдо для торта, причем с таким видом, будто она одна из трех волхвов и преподносит дар Спасителю.

— Испекли специально для вас, фрау Дор. Даже на нормандском масле!

— В интервью журналу «Штерн» вы как-то рассказывали, как сильно любите тарт Татен с тех пор, как снимались в Париже в фильме «Девушка и инспектор», — поддержала сестру Имке.

Стелла щелкнула языком и, явно забавляясь, посмотрела сначала на одну гостью, потом на другую.

— Я так сказала? Правда? Не помню такого. — Она поднялась и великодушно протянула обеим руку. Йонас видел, что она в равной степени раздражена и польщена этим фанатским налетом.

— А поскольку есть пирог всухомятку — это не дело, и вы любите шампанское… — Имке протянула Стелле бутылку, которую до этого прятала за спиной.

— Неужели? Вы знаете обо мне гораздо больше, чем я сама. Может быть, вам стоит написать мою автобиографию?

Бритта и Имке рассмеялись. Прозвучало это как радостное кудахтанье после успешной кладки яиц.

— С удовольствием поможем, чем сможем!

Стелла Дор устремила взгляд на Йонаса, который как раз захлопнул ноутбук.

— Слышите? Повезло вам с хозяйками пансиона.

— Это ваша любимая марка! — Имке сияла, снимая проволоку с пробки жидкого подношения. — Та, с цветочками. Недешевая, но это, наверное, отражается на вкусе.

Бритта, ковыляя на каблуках, направилась к бывшей барной стойке.

— Я сейчас разрежу тарт — свежий он всегда вкуснее. Я же видела, с каким восторгом вы смотрели на этот шедевр — как тогда Гёц Георге в фильме «Три высоких ели»! Это кухня, да? Я уже сориентировалась.

— Да, это кухня, и да, это был Гёц, но мне всегда казалось, что он смотрел на меня с гораздо бо́льшим восторгом, чем я на него. И не без причины.

— Вы обязательно должны рассказать нам об этом во всех подробностях! — заявила Имке и откупорила бутылку шампанского. — Ой, как громко хлопнуло. Как раз в духе Гёца Георге!

— Имке, ну пожалуйста! — Бритта прикрыла рот рукой. — Что же теперь фрау Дор о нас подумает?

— Что вы обе — крайне непристойные маленькие развратницы.

Повисла неловкая тишина.

Затем Стелла Дор так расхохоталась, что у нее даже выступили слезы.

— Это всего лишь безобидная шутка, дамы. Как хорошо, что вы понимаете юмор.

— Да, понимаем, — откликнулась Бритта, которая чуть не уронила свой тарт Татен.

— Если кто и понимает юмор, то это мы. — Имке дрожащими руками достала из шкафа бокалы для шампанского и наполнила их.

Стелла шелковым платочком вытерла слезы со щек.

— Шампанское вообще не сочетается с этим пирогом, но сегодня давайте не будем придирать-

ся. — Она подняла бокал. — À notre santé![15]

А потом залпом выпила свое шампанское и протянула бокал Бритте, чтобы та снова его наполнила. Сама Бритта не сделала еще даже глотка.

Затем они начали есть тарт, который, по мнению Йонаса, получился просто отменным. Стелла Дор милостиво охарактеризовала его как «вполне съедобный». Бо́льшую часть времени разговаривали сестры, выдавая один комплимент за другим. Стелла Дор принимала их с мягкой улыбкой, не забывая периодически наполнять свой бокал.

— Дно бокала с шампанским никогда не должно оставаться сухим! В Версале это каралось смертной казнью.

Бритта не решилась выпить второй бокал шампанского, потому что иначе бутылка слишком быстро опустела бы из-за того, как быстро пила Стелла Дор.

— Как у вас дела с автобиографией? Герр Энгельбаум так мало рассказывает. — Она съела еще один кусочек тарта, стараясь слегка отгибать мизинец.

---

[15] Примечания: 15
За наше здоровье! (фр.)

— Ах, неужели?

— Нет, вообще-то нет.

Стелла Дор улыбнулась Йонасу.

— Большое спасибо, что заехали за Йонасом, дамы. — Она встала и развернулась к ним спиной.

— Еще один вопрос. — Имке поднялась. — Потому что у нас с Бриттой разные мнения по этому поводу.

Стелла Дор снова повернулась к ним.

— Вы меня заинтриговали…

— Вы часто встречаетесь с Барбарой Шнайдер? Она ведь живет прямо у большого приливно-отливного шлюза в…

— Не знаю такую. Никогда о ней не слышала.

— Но вы же вместе снимались в фильме «Девушки с последней парты»!

— Нельзя же требовать от меня, чтобы я запоминала каждую статистку.

— Но Барбара Шнайдер играла главную роль.

— И то и дело белый слон мелькает! — С этими словами Стелла Дор ушла в свою спальню и закрыла дверь.

Бритта и Имке переглянулись, затем посмотрели на Йонаса. Тот лишь пожал плечами.

На обратном пути он все-таки спросил у сестер — переполненных гормонами счастья, несмотря

на столь резкий уход звезды, — что это за история с Барбарой Шнайдер. Потому что ему хотелось завтра устроить Стелле Дор сюрприз.

На следующий день с полудня Йонас взял отгул, что для Стеллы послужило поводом усомниться в его трудовой этике, жизненных принципах и психическом здоровье.

При этом следует отметить, что Йонас сообщил ей об этом только после того, как уже отправился в путь — автоматически лишив ее возможности запретить ему уезжать. А поскольку Йонас хотел, чтобы Несса тоже слышала разговор, они включили громкую связь.

После того как он повесил трубку, она сквозь смех стукнула его по плечу.

— Ай, больно же!

— Ты это заслужил! Нельзя же вести такой разговор, не давая мне посмеяться. Это мне было больно, диафрагма чуть не лопнула.

— Меня мучают угрызения совести, но я же делаю это ради нее. Потому что мне нравится Стелла с ее упрямой…

— Эгоцентричной…

— Звездной… — Йонас театрально откинул волосы назад.

— Стильной…

— Именно, при этом всегда стильной манерой. Мне правда интересно, как ведут себя другие дивы в ее возрасте.

Несса включила поворотник своего «Опеля Корса», который когда-то был красным, но с течением времени потускнел до кораллового оттенка. На приборной панели были приклеены образ святого Христофора, рука Фатимы, улыбающийся Будда и греческий Назар — амулет от сглаза в виде глаза. В вопросах духовной защиты она предпочитала перестраховаться.

— Шнайдер определенно не будет похожа на Стеллу, — решительно заявила Несса. — Такая может существовать только в единственном экземпляре!

— Наверное, мне все-таки стоило сначала позвонить.

— Нет, доверься мне. В обеденное время пожилые люди сидят дома за столом. А за час до этого готовят еду. Это закон.

— Если только не уезжают в отпуск.

— Шнайдер не в отпуске, поверь ты мне уже наконец.

— А если она нас сразу выгонит?

— Мы фанаты, как вчера сестры Розе у Стеллы. Фанатов не выгоняют. Это наше прикрытие. —

Несса подмигнула ему, и Йонас почувствовал, как к щекам прилила кровь.

Барбара Шнайдер жила в уединении в конце проселочной дороги в черно-белом фахверковом доме, соломенная крыша которого почти полностью заросла мхом. Он лежал на ней густыми островками, напоминая чешуйки, и придавал зданию сходство с огромным зеленым драконом.

На лугу вокруг поместья паслось несколько овец, которые, судя по всему, проявляли большой интерес к огороду с травами, благоразумно обнесенному забором.

Звезда фильма «За дело, дорогая» сидела в фартуке на старой деревянной скамейке у входа в дом и чистила картошку. На обед будет пюре с сельдью. Блюдо, которое и сегодня имело тот же вкус, что и десятилетия назад. Барбара Шнайдер это ценила.

— Просто оставьте посылку у двери. Скорее всего, она все равно для моего мужа. Нужно где-то расписаться? — Она вытерла руки углом кухонного полотенца, лежавшего у нее на коленях.

Йонас с улыбкой подошел к ней.

— Фрау Шнайдер?

— Да, это я, вы приехали по адресу. Хотя здесь и нет ни номера дома, ни таблички с фамилией.

— Мы… — Йонас запнулся. Лгать он не умел, а играть роль для него в некотором роде тоже было формой *лжи*.

Заметившая это Несса перехватила инициативу.

— Мы не из службы доставки. Мы ваши фанаты и хотели попросить у вас автограф. — Она показала большую фотографию звезды, которую специально распечатала утром.

— Фанаты? — Барбара Шнайдер улыбнулась. — Неужели они у меня еще остались? Что ж, для начала присаживайтесь. Хотите что-нибудь выпить? Любите подмаренник? Я добавила пару высушенных стебельков в кувшин с водой. Из моего сада.

— Звучит замечательно! — Несса тут же села, Йонас последовал ее примеру.

— Пойду принесу стаканы. — Актриса встала и пошла в дом.

Йонас заметил, что Барбара Шнайдер, несмотря на сухую фигуру, все же излучала тепло. В ее движениях еще сохранилась толика элегантности, хотя тяжелый труд последних десятилетий оставил свой отпечаток. Весьма своеобразная смесь. Она производила впечатление старой крестьянки, тем не менее способной пройти несколько

шагов по канату.

Когда женщина вернулась с двумя стаканами, Йонас заметил, что они с Нессой сидят с идеально прямыми спинами, словно в первый день в новой школе.

— И это я должна подписать? Эту ужасную фотографию?

Несса посмотрела на снимок.

— Вы были такой красавицей. В смысле, вы и сейчас красивая.

Барбара Шнайдер налила им воды.

— Не надо, дорогая. Фотография, собственно говоря, вполне нормальная, но я до сих пор помню, каким тяжелым выдался тот день. Я страдала от сильных болей внизу живота, но съемки все равно продолжались, причем до позднего вечера. Улыбаться, когда на самом деле хочется плакать, требует огромных сил. А мой организм очень мстительный. В ту ночь он устроил мне настоящий ад. Так что я вижу совсем не то, что вы, — я помню историю, скрытую за этой фотографией. У вас есть ручка?

Несса подготовилась. Даже взяла черный фломастер, как настоящая охотница за автографами.

— Будут какие-нибудь пожелания? Написать ваше имя?

— Нет, вашего будет достаточно.

— Собираетесь продать его в интернете? Только не много вы за него получите. Старые немецкие кинозвезды пользуются примерно таким же спросом, как… — Она демонстративно посмотрела на картофельную кожуру.

— Нет-нет, вы ошибаетесь, например, вчера мы встречались со Стеллой Дор.

— А, Стелла. Значит, она еще жива? — Барбара Шнайдер покачала головой. — Не думала я тогда, что она продержится так долго.

— Почему? — спросил Йонас.

— То были другие времена. По крайней мере, я надеюсь, что они были другими, а сегодняшние — лучше.

— Стелла Дор рассказала нам, что в свое время ее заметили в бутике. А как это случилось с вами?

Барбара Шнайдер сухо рассмеялась.

— Заметили в бутике. Да, прямо как в сказке. Какая красивая история.

— А что, есть другая? Мы с удовольствием бы ее послушали.

— Не уверена, хотите ли вы на самом деле ее услышать. Ведь мы все предпочитаем считать звезд безупречными, не так ли? И хотя Стелла

так и не стала звездой, ей все равно пришлось заплатить самую высокую цену. Я правда не знаю, стоит ли об этом рассказывать. Ведь вы же приехали ради меня.

— Нас интересует все, что касается того периода в истории немецкого кино, — быстро сориентировалась Несса.

— И ваше мнение об этом очень ценно, — добавил Йонас.

Внезапно Барбара Шнайдер несколько раз медленно хлопнула в ладоши, а затем с ухмылкой фыркнула.

— Бритта и Имке рассказывали мне о вас. Уважаю вас за такое выступление. Воистину достойно большого экрана, а я знаю, о чем говорю.

— Но… — Почувствовав себя неловко, словно его поймали на месте преступления, Йонас выпрямился.

— Не лгите, я обижусь. Я расскажу вам эту историю, чтобы вы лучше поняли Стеллу и смогли написать для нее более качественную книгу. Она заслуживает хорошей книги, настоящей.

Йонас и Несса кивнули.

— Впервые Квасте привел ее с собой на съемочную площадку фильма «В тот день, когда пошел град».

— Разве первый фильм Стеллы не «Мертвец из Темзы»?

— Это ее первая роль со словами, но перед камерой она появлялась и раньше. В любом случае мы тогда снимали сцену ограбления банка. Стелла должна была сыграть испуганную прохожую и закричать. Я до сих пор ясно вижу ее перед собой: такую невероятно молодую, восторженную и запуганную, но при этом полную решимости воспользоваться выпавшим шансом. Этот блеск в глазах, почти смешной в своей невинности.

— Стелла хорошо сыграла?

— Скажем так, она справилась неплохо. Но ничего особенного ее игра из себя не представляла. Квасте, конечно, считал иначе. Он восклицал: «Великолепно! Просто потрясающе!» И неистово аплодировал. «Какая харизма, какой талант! Уже много лет такого не видел. A star is born!»[16] Всем остальным тогда тоже пришлось поаплодировать. Хотя, пришлось ли?.. Они делали это, подыгрывали, прекрасно зная, что случится дальше, ведь это повторялось из раза в раз.

— О нет… — Несса сжала губы.

— Кабинет Кваста в кулуарах называли не ина-

---

[16] Примечания: 16
Звезда родилась! (англ.)

че как «логово порока». Полагаю, он пригласил ее туда, усадил на диван. Дверь он всегда запирал, ключ клал в один из передних карманов брюк. А потом… В общем… Сценарий всегда развивался одинаково. «Просто будь со мной поласковей»; «Не притворяйся, ты и сама этого хочешь, я же вижу!»; «Сначала строишь мне глазки, а теперь вдруг изображаешь фригидную. Не дури мне голову!»; «Мне нравится, когда вы сопротивляетесь». Или: «Если сейчас начнешь выделываться, то с твоей карьерой будет покончено, обещаю тебе. Ты больше никогда не сможешь заявить о себе в этой индустрии. Уверена, что хочешь упустить свой шанс? Вот увидишь, я фантастический любовник. Просто приласкай меня немного, и все. Это ведь совсем не больно».

— Вы так это описываете, будто сами находились в той комнате, — заметил Йонас, который в тот момент сам не до конца осознавал намек в своих словах.

Барбара Шнайдер подняла стакан и сделала большой глоток воды с подмаренником.

— Одним разом это не ограничилось. Ведь стоило Квасте понять, что ему все сходит с рук, он начал поступать так снова и снова. Потом он даже угрожал, что объявит всем, будто она соблазнила

женатого мужчину. В те времена скандал такого рода нанес бы ущерб только женщине. А впрочем, наверное, мы и сейчас не так уж далеко от этого ушли. — Барбара Шнайдер взяла нож. — Что ж, мне нужно дочистить картошку, ведь хорошее пюре само собой не приготовится.

Йонас не находил слов, и, что удивительно, Несса тоже. Все они казались слишком ничтожными перед лицом такой огромной несправедливости.

— Или, может, вы хотите с нами пообедать? В таком случае мне нужно будет начистить побольше.

— Это очень… но нет, спасибо. — Йонас снова обрел дар речи. Мысленно он переместился к «Крабу» и к Стелле. И ко всему, что осталось невысказанным. — Передать Стелле от вас привет?

Барбара Шнайдер поджала губы. Затем кивнула.

— Да, передайте. Пожелайте ей от меня всего наилучшего… и ухудшения памяти. Это одна из немногих милостей, которые дарует старость.

14. Скрипучая лестница

Вернувшись домой, Стелла первым делом сняла туфли, поскольку старая деревянная лестница их многоквартирного дома только и ждала повода, чтобы заскрипеть. Хорошо бы родители не услышали, когда она откроет дверь. Взгляды коллег по студии до сих пор пронзали ее, словно острые шипы, глубоко врезавшиеся в плоть. В них отражалось презрение, даже отвращение при виде нее, выходящей из крыла, в котором находился кабинет Дитриха, и пытающейся скрыть следы случившегося. Красные пятна на шее, растрепанные волосы, разорванные колготки.

У некоторых в глазах мелькнуло сострадание, но они старались его скрыть, чтобы не выдать себя.

Стелла бесшумно отперла входную дверь, осторожно прикрыла ее за собой и направилась в

свою комнату.

— Ты что, родителям даже «добрый вечер» не скажешь? — раздался голос отца.

Только сейчас Стелла обратила внимание, что дверь в гостиную открыта. Она вошла: отец сидел в кресле с сигарой в руке, а мама вязала крючком на диване. По телевизору показывали викторину.

— Хорошо сегодня поработала?

— Конечно, папа.

— Ты старалась и делала все, чего от тебя хотел герр Квасте?

Стелла кивнула — на большее она была не способна.

— Смотри у меня, не смей разочаровывать этого Квасте. Он поручился за тебя своим добрым именем.

— Да, папа.

— И чтобы никаких жалоб!

— Да, папа.

— Вы, женщины, думаете, что достаточно только похлопать ресницами — и вам будет все позволено. Будь послушной каждый день, даже когда дело касается такой ерунды, как кино. Нужно всегда выкладываться на полную силу! Закрой глаза — и вперед — нас это еще никогда

не подводило!

Мама ничего не говорила, но ее веки слегка дрогнули. Неужели о чем-то догадалась? Даже если и так, она ничего не скажет. Будет держать рот на замке. Ведь того, что не произнесено вслух, как будто и не было. А то, чего не было, со временем просто исчезает.

— Я пойду спать, завтра рано вставать.

Мама прочистила горло.

— Разве ты не хочешь есть, моя дорогая?

— Нет, не хочу. Спокойной ночи.

Стелла мечтала принять душ, чтобы по крайней мере снаружи снова стать чистой. Избавиться от запаха пота и возбуждения Дитриха.

Но если она пойдет мыться вечером, то привлечет внимание, потому что обычно они так не делали. Поэтому ей оставалось только наскоро вытереться мочалкой и лечь в постель, чтобы закончить этот день. Покрыть его чернотой сна.

Однако ее голова, сердце и тело без перерыва прокручивали произошедшее. В том числе потому, что одно они знали наверняка: это повторится. А потом опять и опять.

Единственный способ спастись от Дитриха — стать настолько хорошей актрисой, чтобы он просто-напросто не мог закрыть перед ней все

двери.

И поступить по примеру матери: не говорить об этом. Стереть это молчанием.

15. Пляж, утопающий в огнях

На обратном пути они почти не разговаривали, потому что тишине нужно было пространство. Тишине между вопросами, которыми задавались Йонас и Несса.

Несса остановила выцветший «Опель Корса» перед огражденной парковкой, которую когда-то построили для посетителей «Краба». Они с Йонасом вместе пошли по песку к пляжному павильону. Несса сама не знала почему, но ей захотелось взять его за руку, чтобы утешить, одним прикосновением показать, что он не один.

Держать Йонаса за руку и чувствовать легкое давление его пальцев было приятно. Совершенно естественно и абсолютно нормально. А ведь иногда человек забывает, насколько прекрасным может быть что-то нормальное, само собой разумеющееся. То, что кажется фоновым шумом

жизни, на самом деле ее истинная мелодия. Но у входной двери «Краба» Йонас отпустил ее ладонь, чтобы привести в порядок свои взъерошенные ветром волосы.

Он уже собирался постучать, но вдруг замешкался, обнаружив на двери записку, прикрепленную желтой кнопкой. Она была написана размашистым и витиеватым почерком.

Возвращайтесь сегодня вечером!
Ровно в 20:00.
Ни в коем случае не опаздывайте!!!

— Ты понимаешь, о чем речь? — Несса провела кончиками пальцев по буквам, будто ожидала почувствовать рельеф — настолько густыми были черные чернила.

— Понятия не имею. До сих пор меня никогда не просили прийти вечером.

— Может, Барбара Шнайдер сообщила ей, что мы приезжали? И теперь она злится?

— С чего бы Шнайдер это делать?

— А ты всегда можешь объяснить поступки людей? Особенно престарелых киноактрис?

— Один — ноль в твою пользу.

На обратном пути к машине у Нессы уже не было повода снова брать Йонаса за руку. И она вдруг

поймала себя на мысли, что совсем не против того, чтобы над его душой снова нависла темная туча — и ей тут же стало за это немного стыдно.

Когда Йонас вернулся в пансион, сестры Розе ждали его у входной двери.

— Герр Энгельбаум, нам нужно с вами поговорить, — начала Имке.

— Срочно, — подхватила Бритта. — Это важно!

— Вообще-то я собирался…

— Мы тоже хотим, чтобы за нас написали автобиографию!

— Нам есть о чем рассказать. Вы не поверите, сколько всего с нами произошло в этой жизни.

— И кто только не гостил в нашем пансионе!

— Конечно, настоящие имена гостей называть нельзя, но вы же можете их изменить.

— И мы не хотим, чтобы получилось… как бы это сказать… чересчур интимно. О слишком личном писать не нужно. Только о жизни двух женщин, которые управляют процветающим пансионом на берегу моря.

— И разумеется, о том, как мы его обустраивали. Все это — плоды нашего труда! Поэтому в книгу должны войти и фотографии.

— Мы уже отобрали детские снимки. Бритта на них такая милашка.

— И ты тоже! — улыбнулась сестре Бритта. — Настоящий маленький ангелочек.

Обе просияли, снова повернувшись к Йонасу.

— Ну, я, честно говоря, еще не совсем определился со следующими проектами… но… с удовольствием, конечно. В таком случае я лучше дам вам… — он порылся в кармане пиджака и выудил оттуда кошелек, — …свою визитку. Здесь указан мой сайт, где вы найдете дополнительную информацию. Буду рад, если вы доверите мне записать историю вашей жизни.

— То есть ее первую часть, — уточнила Имке.

— Мы ведь еще молоды. Наша жизнь — это роман-сериал. Мы наверняка еще не раз с вами увидимся.

— Как… здорово.

— Кстати, вам пришло письмо. Но оно немного странное.

— В каком смысле «странное»?

— Конверт выцветший, а адрес написан двумя разными почерками. Сами посмотрите.

— А мы пока поищем еще фотографии. Чтобы у вас был выбор! Обязательно нужно добавить что-нибудь с Дня рождения порта, когда мы нарядились русалками!

Продолжая оживленно болтать, женщины сно-

ва исчезли в гостиной, а Йонас быстро поднялся по крутой лестнице.

Письмо лежало на подушке.

Подписанное почерком матери, которая вывела на конверте его имя, и почерком отца, который добавил остальное, чтобы письмо до него дошло.

Йонас замер, не сводя глаз с письма и не смея пошевелиться, но мышцы при этом все равно так сильно напряглись, что сразу заныли.

Он не хотел даже прикасаться к бумаге.

Сегодня ему и так уже хватило путешествий в прошлое.

Он отвернулся и пошел в душ.

Затем сушил волосы феном гораздо дольше, чем нужно.

А вернувшись в комнату, по-прежнему старался держаться подальше от письма, будто оно могло на него наброситься.

И тут в памяти снова всплыло сообщение отца: «Я тоже тебя люблю, сынок! И всегда старался любить тебя за двоих».

Пришло время ответить тем же.

А это означало, что нужно прочесть письмо.

Не ради мамы. Не ради себя. А ради отца, который до сих пор жил семьей, которой уже давно не существовало.

Бумага захрустела, когда он ее развернул.

Дорогой Йонас!

Тебе исполнилось девятнадцать, и я очень за тебя рада! Это прекрасный возраст! Я в свои девятнадцать созрела для переезда из родительского дома, и, поскольку мне кажется, что ты пошел в меня, а не в своего отца-домоседа (без обид!), я уверена, что сейчас ты готов вспомнить. Меня. Я так этого хочу! Все те моменты, которые ты забыл, потому что был еще совсем маленьким и в твоей крохотной головке не хватало места, чтобы все сохранить.

Скоро ты увидишь много прекрасного: теплые моменты, счастье в чистом виде. Ты увидишь любовь ребенка к родителям и любовь родителей к своему ребенку — к тебе. Но, помимо этого, ты увидишь и меня в больнице, на белой металлической койке, которая станет моим последним пристанищем на этом свете.

Йонас тяжело вздохнул. Теперь он понял: последний подарок его матери — это фильм. Конечно, фильм, что же еще. Она была монтажером

и работала в телесериалах. Ее девиз звучал так: «Только если отобрать правильные сцены, сырой материал превратится в историю, только тогда все обретет смысл».

Но как бы она ни монтировала собственную жизнь, финал все равно не имел смысла.

Йонас снова опустил взгляд на лист бумаги в руках, слегка пожелтевший по краям. Буквы в следующей строке наклонялись то в одну, то в другую сторону, словно их гонял беспокойный ветер.

Когда ты был маленьким, я не хотела, чтобы ты видел меня такой — увядшей, как лист, который вот-вот упадет с дерева. Поэтому наши встречи неизменно проходили только в той уютной комнате, где на столах с моющимися столешницами стояли букеты цветов. Мы пили кофе, а ты — какао. Хотя на самом деле я тоже не пила кофе, просто притворялась, потому что мой организм его больше не переносит.

Раньше мне всегда удавалось собраться с силами на полчаса, но теперь уже не получается. Я стала для этого слишком

слаба.

А значит, пришло время прощаться с тобой.

Еще раз обнять тебя и прижать к себе из последних сил, которые у меня еще остались. Скоро ты придешь в последний раз, и ради этого меня специально красиво нарядили. Одна из медсестер меня накрасила, чтобы я выглядела так, какой ты должен меня запомнить.

В фильме ты увидишь, как я выглядела на самом деле.

Теперь ты достаточно силен, чтобы помнить и об этом. Ты мой большой мальчик, и этот фильм — мой последний подарок тебе.

Как бы я хотела быть рядом с тобой. Как бы хотела поддерживать тебя, когда тебе нужна моя помощь. Это страшнее всего. То, что я больше не смогу быть твоей мамой.

Расстояния между буквами стали больше, они перестали лежать на одной линии и начали разбегаться по бумаге.

Я пишу тебе это письмо, чтобы ты как

следует подготовился к просмотру фильма. Налей себе горячего молока с медом, как я всегда делала тебе раньше. Добавь немного корицы. И не забудь к нему печенье — слоеные ушки, которые ты так любишь.

Тогда будет казаться, что я с тобой.

Обещаешь?

Твоя мама

Йонас опустился на пол и закрыл глаза.

Стелла услышала скрип тандема Йонаса еще издалека — он походил на крики раненой чайки.

— Вы опоздали! — крикнула она, пока парень в темноте пристегивал велосипед к забору.

Вдоль морского берега были расставлены открытые стеклянные банки с чайными свечами. Ветер то и дело протягивал к ним холодную руку, чтобы задуть пламя. Некоторые из свечей уже погасли.

Запыхавшись, Йонас подбежал к Стелле Дор.

— Простите, я…

Она подняла руку.

— Никаких извинений! Жизнь для них слишком коротка. Особенно если они неискренние.

Хотя Стелла видела, что молодой человек го-

ворит искренне, сейчас она не желала слышать оправданий. Напротив, ей хотелось немного уколоть Йонаса. Ее задело его поведение, и, даже если на то были веские причины, это причиняло боль.

Особенно сегодня, когда она была уязвима, как тонкий пергамент, и не могла ни от чего защититься.

Йонас достал что-то из кармана куртки и протянул ей.

— Грецкие орехи? Зачем вы даете мне грецкие орехи? У вас, молодых, теперь так принято? Вести себя неподобающим образом?

— Нет, просто… Ну, на автобусной остановке, там…

— И то и дело белый слон мелькает!

Йонас подошел к одной из свечей, и в его глазах отразились многочисленные язычки пламени.

— Вы их все… Сколько их?

— Двадцать три. По одной на каждую церковь в городе. — Стелла направилась к свободному пространству посреди горящих свечей. — Я потом все вам объясню. А сейчас мне нужно немного побыть наедине с собой.

Женщина повернулась к нему спиной, глядя на темное море, которое сегодня тихо шелестело, а

волны были словно из пуха.

Йонас ждал.

И, лишь много раз глубоко вздохнув, Стелла снова заговорила.

— Мой сын Густаф погиб ровно в этот день в этом море. Тогда было необычайно жаркое бабье лето.

Йонас огляделся. Несмотря на окружавшие их огни, пляж вдруг показался ему гораздо темнее.

— Не здесь, не конкретно на этом участке пляжа, но недалеко отсюда. — Стелла покачала головой. — Нет, не совсем так. Он умер в больнице, но именно здесь произошел несчастный случай, во время купания. Здесь Густаф потерял сознание и больше не очнулся.

Йонас молчал. Стелла знала, что порой молчание несло в себе просьбу все рассказать. Она и сама хотела все рассказать. В «Крабе» пряталось столько записок, которые она до сих пор старалась обходить стороной, так как они касались Густафа.

Затем Стелла продолжила вполголоса:

— Это случилось во время летних каникул[17]. Густафу тогда было восемь, и он хотел искупать-

[17] Примечания: 17

В некоторых землях Германии летние каникулы длятся до середины сентября.

ся. Он очень любил плавать. Я, как всегда, пошла с ним в воду и не отдалялась от сына больше чем на пару метров. В тот прекрасный день на небе не было ни облачка, но дул легкий ветерок, и волны пенились. — Стелла пыталась говорить так, будто это случайная история, роль в сценарии, текст на невидимом листе бумаги, будто она сама там не присутствовала. — Густаф получил тепловой удар и потерял сознание. Он упал лицом в воду. Я немедленно кинулась к нему, вытащила на берег и сделала все, чтобы заставить его сердце снова биться. Но…

Воспоминание подобралось совсем близко, отодвинуло занавес многих лет и заглянуло Стелле прямо в глаза.

— Муж сразу же вызвал скорую помощь, — с трудом произнесла она. Дыши! Глубокий вдох, медленный выдох. Она всегда забывала, что нужно дышать, когда вспоминала события того дня. В такие моменты ей так же не хватало воздуха, как Густафу в тот день. — Его с сиреной и мигалками отвезли в ближайшую больницу, подключили к трубкам и аппаратам. Пока он лежал в искусственной коме, я бегала по всем церквям города и ставила свечки.

Стелла обвела взглядом пляж. Огоньки тяну-

лись вверх, словно стремились к небу.

— Столько свечей, и все ради того, чтобы Густаф нашел дорогу обратно. Мой мальчик оказался в темноте, а я пыталась подать ему световой сигнал! Какая глупая мысль, какой же глупой женщиной я была. — Она не заметила, что заплакала, но почувствовала, как соленые слезы текут по морщинам сухой кожи. — Наверное, свечей не хватило. Густаф не нашел дорогу назад и умер на следующее утро.

Стелла устремила взгляд на одну из погасших свечек. За ней последовала еще одна. Как на праздничном торте, когда никто не загадывает желание.

Услышав шум за спиной, Стелла обернулась. Это был Йонас, о чьем присутствии она на мгновение совсем забыла.

Уже очень давно Стелла не проводила этот вечер не в одиночестве.

— С тех пор я больше не снималась в кино. Просто не могла.

Волны накатывали на берег, а свечи, одна за другой, беззвучно гасли.

— В каждую годовщину смерти моего маленького Густафа я ставлю для него двадцать три свечи. Он, конечно, уже не отыщет дорогу обрат-

но, но я все равно зажигаю для него свет, чтобы он знал: здесь есть человек, который его очень любит. Любит больше всего на свете, хотя он уже очень давно не живет тут, внизу.

Йонас неуклюже погладил Стеллу по руке. Та улыбнулась.

— Мы должны почтить память моего Густафа. Обещаете?

— Да, Стелла. Обещаю.

— Хорошо.

— Стелла?

— Да?

— Вы мне очень нравитесь.

Стелла прочистила горло.

— Ну-ну, давайте без сентиментальности. Всегда оставайтесь профессионалом. — Она вытерла слезу в уголке глаза. — Но вы мне тоже нравитесь. Вы порядочный человек. Я сразу это поняла. Но с этого момента всегда приходите вовремя, ясно?

Стелла строго посмотрела на него.

— Обещаю.

— Хорошо, это хорошо. — Она кивнула и расслабилась. — Я останусь, пока не погаснут все огни.

— Тогда я подожду вместе с вами.

Вернувшись тем вечером в пансион, Йонас попросил у Имке чайную свечку и поставил ее на

подоконник в своей комнате, чтобы свет пробивался сквозь тьму.

Этот день дал ему очень много пищи для размышлений. Голова и сердце едва поспевали за происходящим. Он не смог ни почитать книгу, ни проверить почту. Единственное, на что был способен, — это лежать на кровати.

В начале десятого в дверь номера постучали. Йонас быстро встал и поправил одежду. Наверное, Имке или Бритта принесли ему горячий чай, чтобы найти повод спросить о Стелле. Он нажал на ручку… и увидел совсем другое лицо.

— Сюрприз! — Несса проскользнула мимо него в комнату, слегка задев его руку своей — удивительно теплой. — Я проходила мимо и заметила, что у тебя еще горит свет. — Она улыбнулась и запрыгнула на кровать — единственное место в комнате, где можно было присесть. — Суперская фраза, да? И безумно правдоподобная.

— Что ты…

— Разве юная леди не может просто так навестить молодого человека? Мы ведь живем в двадцать первом веке?

Йонас все еще стоял в дверях и не знал, как лучше поступить: непринужденно засунуть руки в карманы брюк или еще более непринужденно

прислониться к стене. Ему вдруг снова стало казаться, что у него слишком длинные руки. Поэтому он скрестил их на груди.

— Нет, конечно, я … э-э… Рад, что ты пришла.

— Ладно, не буду тебя мучить. Я кое-что выяснила. Давай, садись, я не кусаюсь. — Когда он закрыл дверь и сел рядом с Нессой, та добавила: — Хотя иногда царапаюсь и пинаюсь… Твой взгляд просто бесценен!

Йонас покачал головой:

— Опять ты надо мной издеваешься.

— Конечно, это ведь жутко весело. А теперь смотри: вот номер телефона бывшего мужа Стеллы Дор. — Девушка показала ему экран своего мобильного. — Ему наверняка есть что рассказать.

— Вот только захочет ли он? Может, они расстались в ссоре. К тому же это автобиография, то есть ее история.

— Но она не все помнит, и поэтому тебе требуется помощь. Или ты всерьез считаешь, что можно написать автобиографию, не обращаясь к другим людям? Неужели ты точно помнишь все события из своего прошлого? Или о чем-то все-таки спросил бы маму?

Это оказалось настолько неожиданно, что его

тут же ужалила боль. Йонас встал.

— Да, то есть нет, ты права. И я хочу, чтобы у нас получилась хорошая книга, которой Стелла останется довольна. Я действительно проникся к ней симпатией.

— Вот видишь! И чем лучше будет книга, тем лучше для тебя. Для твоего будущего в качестве гострайтера.

Йонас кивнул. Хотя это и не имело для него первостепенного значения, перед Нессой, безусловно, лучше выглядеть деловым человеком.

— Я как раз об этом и подумал.

— Тогда позвони ему!

— Сейчас?

— Да, сейчас. Он наверняка дома.

— Разве вежливо звонить в такое время?

— У него же нет официальных часов работы. Речь о его бывшей жене, о семье. — Несса набрала номер в телефоне и протянула его Йонасу. — Держи, ты справишься.

Зазвучали гудки. Не успел Йонас придумать, что сказать, как трубку тут же сняли.

— «Родная гавань Дора», чем могу помочь? — Голос звучал дружелюбно, даже тепло.

— Добрый вечер, герр Дор. Моя фамилия Энгельбаум, простите за поздний звонок.

— Что вы хотели?

— Поговорить о вашей бывшей жене, я ее биограф и…

— Меня это не интересует. Больше сюда не звоните. — Мужчина повесил трубку.

Йонас вернул Нессе телефон.

— Неудачно получилось.

— Не сдавайся! Завтра попробуешь еще раз! Все будет супер, поверь мне. Благодаря этому книга станет гораздо лучше. И, может, тебе стоит попросить еще кого-нибудь о встрече.

— Кого?

— Угадай. — Ее темные глаза заблестели.

— Нет, честно, без шансов. Подскажи мне, у меня выдался очень длинный день.

Несса обеими руками указала на себя.

— Тебя?

— Это что, так абсурдно? Ну все, я обиделась.

— Нет, я не это имел в виду.

Издав театральный вздох, девушка встала.

— Я всегда чувствую, когда меня не хотят видеть. Всего хорошего.

— Можем встретиться в пятницу вечером.

Обычно в пятницу вечером Несса была занята: репетировала с хором шанти. Она нравилась Йонасу, даже больше, чем просто нравилась. Однако

любовь представлялась ему математической формулой, в которой он до сих пор не знал всех переменных. Сначала он хотел по-настоящему понять ее, а уж затем снова бросаться в омут с головой. Впрочем, Йонас опасался, что любовь в принципе не поддается полному пониманию. Что ее можно только прожить. И что каждая любовь по-своему уникальна.

Но он был еще не готов к ней.

— Отлично! — моментально повеселела Несса. — На этой неделе как раз отменили репетицию хора. Приготовься к сюрпризу. Я что-нибудь для нас придумаю. Самой любопытно, что придет мне в голову.

«Мне тоже», — подумал Йонас, когда за Нессой закрылась дверь.

16. Бесплатное золото

На следующее утро Йонас перевел Бентье на соленый арахис.

Грецкие орехи — это прекрасно. Единственная их проблема заключается в том, что если каждый день есть прекрасные грецкие орехи, то со временем они перестают казаться такими уж прекрасными.

Он задался вопросом, почему эволюция устроила все именно так. Вряд ли для того, чтобы защитить грецкие орехи.

Пристегнув тандем к забору «Краба», Йонас оглянулся на пляж и почувствовал, что ему не хватает огоньков двадцати трех свечей. Сегодня дул сильный ветер, который стер все следы прошлой ночи: не осталось ни отпечатков ног, ни ямок от банок. Как будто ничего необычного и не происходило.

Йонас как раз собирался подняться по деревянным ступенькам к входной двери, когда из дома вышла Стелла.

— Мы уходим, — объявила она. — На пляж. Снимите обувь и носки, только тогда вы почувствуете, как песок колется и трется о ступни. Как наждачная бумага. Только так можно понять, что означает выражение «мелкий как песчинка». — Она указала на карманы куртки Йонаса. — Раз вы гострайтер, у вас наверняка есть диктофон.

Йонас снял ботинки, засунул в них носки и поставил на нижнюю ступеньку. Немного покопавшись в смартфоне, он нашел приложение-диктофон, но из-за ветра пришлось бы подносить встроенный микрофон очень близко к губам Стеллы. Можно, конечно, попросить ее саму держать телефон, но Йонас подозревал, что это не впишется в образ, в котором она собиралась шагать по песку. Стиль — это последнее, от чего Стелла могла бы отказаться.

— Хотите еще раз обсудить вчерашний вечер? Ваше отношение к скорби?

— Мое к ней отношение? Изначально это скорбь относилась ко мне так, как ей заблагорассудится. — Стелла подошла ближе к воде, где ветер дул сильнее. — Наверное, с ней дела

обстоят так же, как с любовью. Даже крайне вероятно, ведь скорбь — это, в конце концов, ее полная противоположность. Как влюбленность на первых порах бывает бурной, так и начало скорби совершенно выбивает из колеи, создается ощущение, будто мир слишком мал для этого безудержного чувства. И развиваются любовь и скорбь очень похоже. То и другое все глубже вплетаются в повседневную жизнь, пока ты вовсе не забываешь об их существовании. Но временами все же на них натыкаешься. Это как нажать на нерв, отчего по всему телу пробегает боль. Раз в год я разрешаю себе задеть эту болевую точку, потому что я хочу скорбеть, потому что Густаф этого заслуживает. Но каждый день я бы этого не вынесла. Это просто слишком. Хотя смерть — явление повседневное, воспринимается она как нечто отдельное от жизни. Она — разлом в мире.

— Тогда зачем вы так с собой поступаете? Почему не оставите горе и боль в прошлом?

Стелла решительно покачала головой, заходя глубже в воду.

— Это невозможно, Йонас.

— Но почему? Должно же быть возможно.

— Это было бы все равно что отпустить Густафа.

— Но разве он не хотел бы именно этого? Чтобы его мать не страдала из-за его ухода. Он же любил вас!

— Моя голова это понимает, но сердце слепо. Вам еще только предстоит познать свое сердце, Йонас. Оно близоруко, капризно и ненадежно. И все же именно оно правит бал.

Йонас подумал о конверте, на котором мама написала его имя.

— Потому что оно сильнее всего остального?

— Именно так.

Чья-то фигура направлялась к ним вдоль берега, раздался лай. Пауль был без шляпы, но все равно жестом как будто снял ее перед Стеллой и поклонился, проходя мимо нее.

Стелла благосклонно кивнула ему с улыбкой, скорее характерной для довольной принцессы, чем для величественной королевы.

— Пауль танцует? — спросил Йонас, который сначала засомневался, не споткнулся ли старик и не теряет ли теперь равновесие.

— Что-то в этом роде.

Хороший Мальчик бегал вокруг Пауля и пытался запрыгнуть на него.

— Это что, вальс?

— И немного танго. А еще раскачивания, как в

народных танцах.

— Его собственный уникальный танец.

— Как и вся его жизнь. Совершенно уникальная.

Йонас заметил, что бедра Стеллы тоже начали слегка покачиваться. В ритме, который, судя по всему, слышали только Пауль и она.

— Я видел, как вы танцуете. В фильме.

— Раньше я любила танцевать. И могу смело утверждать, что делала это очень хорошо. Мне специально оплачивали уроки классической хореографии — то есть их оплачивала кинокомпания. «Универсум Фильм». По инициативе Дитриха.

Йонас глубоко вздохнул, соль в воздухе царапала легкие.

— Ходят слухи, что он домогался актрис. В вашем случае тоже так было?

Стелла отмахнулась от его слов, как от надоедливых мух.

— Люди много чего болтают. Дитрих был мужчиной, который любил, восхищался и боготворил красивых женщин.

— Говорят, он даже шантажировал их…

— И то и дело белый слон мелькает!

Йонас мысленно покачал головой.

— Что это вообще значит?

— Рильке, — ответила Стелла, как будто это все объясняло.

— В смысле?

— Это из стихотворения Рильке. «Карусель». В Люксембургском саду. В Париже. Неважно, сменим тему. Моя автобиография — мои темы.

Рука, в которой Йонас держал мобильный, налилась тяжестью, но он не мог сдаться, не мог поставить под угрозу их хорошие отношения своим непрофессионализмом.

— Позволите еще кое-что спросить о вчерашнем дне?

— Спрашивать — ваша обязанность, Йонас. А отвечать — мое право.

Судя по всему, это означало «да».

— После такого несчастья некоторые больше никогда не смогли бы смотреть на море, но вы…

— …переехала сюда? Конечно. Не могу же я оставить Густафа одного.

— Но разве для этого обязательно было полностью бросать актерскую карьеру?

Стелла остановилась и, взглянув на Йонаса, провела теплой рукой по его холодной щеке.

— Вы слишком молоды, чтобы это понять. Знаете, актерская игра вдруг потеряла для меня

всякое значение. Выступать в роли очередной гардеробщицы, танцевать с очередным графом в бальном зале, напевать веселую песенку по пути к вершине Маттерхорн. Нет, все это осталось в прошлом. Кто-то другой ушел бы в работу, чтобы отвлечься, и было бы здорово, если бы на меня это тоже подействовало. Но я бы восприняла это как предательство по отношению к Густафу, ведь только скорбь, только боль по-прежнему связывали меня с сыном.

— Как ваш муж это перенес?

Стелла снова двинулась вперед — быстрее, чем раньше. Йонас с мобильным телефоном в руках едва за ней поспевал.

— Он говорил, что у нас есть еще один ребенок, которому теперь требовалось все родительское внимание, так что нам некогда так долго скорбеть. Очень прагматично — вот как он это перенес.

— Вы еще общаетесь?

— Мы на месте.

Йонас не заметил, что они уже подошли к причалу. Стелла поднялась по ступенькам и направилась к маленькой белой беседке в конце. За ее окошками он разглядел Жеральдо, сидящего перед четырьмя мольбертами с закатами.

Не постучав, Стелла вошла и без лишних слов остановилась перед своим портретом.

На нем она выглядела как минимум на тридцать лет моложе.

— О, вы уже здесь? Я же буквально только что звонил. Правда чудесно получилось? — Жеральдо встал и приблизился к ним.

Стелла рассматривала картину с разных ракурсов.

— В «Закате № 5» что-то изменилось, — отметил Йонас.

Жеральдо кивнул.

— Особый штрих: настоящее сусальное золото! Дополнительной платы за это я не прошу. Я использовал его, чтобы достойно передать блистательность великой дивы. Это вопрос художественной чести! — Он встал за картиной и осторожно положил на нее руки. — Надеюсь, складки на платье выглядят так, как вы хотели?

— Абсолютно. — Голос Стеллы вдруг стал похож на легкое дуновение ветра.

— А у него есть какое-то особое значение? — Йонас рассматривал оранжевое летнее платье до колен с открытой спиной.

Стелла не ответила.

17. Груши, фасоль и бекон

— Ни слова! Только ветер и шум волн, — объявила Стелла, когда они вышли из беседки.

Жеральдо тщательно обернул картину пупырчатой пленкой, и Йонас, который теперь ее нес, с трудом сдерживал желание полопать маленькие полиэтиленовые пузырьки.

Стелла выбрала путь по узкой, постоянно меняющейся границе между морем и сушей, где песок ненадолго становился тверже морского ила.

Мелкие водяные брызги покрывали их обоих, проникая в легкие. Соль, ветер, шум волн… Море всегда воздействовало на все органы чувств.

Порывы ветра безостановочно врезались в крупный холст, словно путали его с парусом, заставляя Йонаса то и дело менять положение.

На двери «Краба» их ждал конверт, приклеенный коричневой упаковочной лентой. В левом

верхнем углу отправителем значилась местная администрация. Кто-то написал на нем красным маркером: «Очень, очень срочно!» Видимо, у них не было специальной печати для настолько срочных случаев.

Стелла оторвала конверт и протянула его Йонасу, хотя у того руки были заняты картиной.

— Пожалуйста, положите его к остальным.

Затем она открыла дверь.

— А где?..

— На барной стойке, в самом левом углу.

Там стояла большая банка из-под соленых огурцов, доверху забитая конвертами. Крышка оказалась закрыта на удивление плотно.

— Вы даже не хотите узнать, что там написано?

— Что я обязана покинуть свой дом через три дня.

— Но тогда нам нужно собирать вещи!

— Закрутите крышку покрепче, осторожно прислоните картину к большому книжному стеллажу, а потом помогите мне с готовкой. Пусть администрация пишет, что хочет. Здесь еще живет Стелла Дор! Йонас, лук порежете вы, а то у меня от слез потечет макияж.

Никогда прежде они со Стеллой не готовили

вместе.

— А что мы будем делать?

— Это блюдо вы точно никогда не забудете. Ничто так не помогает снова обрести почву под ногами. Картина все-таки немного… выбила меня из колеи. Но сейчас мы все исправим! Чтобы потом вместе продолжить вытаскивать из моей библиотеки новые листочки. Еще столько всего нужно рассказать!

После лука Стелла вручила молодому человеку пару груш — маленьких и твердых как камень.

— Это на десерт?

Стелла рассмеялась, и причину Йонас понял лишь некоторое время спустя, увидев наполненную тарелку.

В ней лежали груши, фасоль и бекон.

Но как бы Йонас ни комбинировал эти три ингредиента, ему не нравилось.

— Вкусно, правда? Максимально просто, но в то же время изысканно.

Йонас кивнул. Груши впитали дымный привкус бекона. Интересно, будет очень невежливо полить все это кетчупом? Большим количеством кетчупа? Таким, чтобы он полностью скрыл и груши, и фасоль, и бекон?

— Вот, возьмите еще. Вам пойдет на пользу. — С

помощью большой ложки Стелла наполнила тарелку Йонаса до краев.

Столько кетчупа в доме определенно не хранится. Тем не менее Йонас огляделся в поисках спасения из ситуации.

Но его внимание привлекло нечто другое.

— Можно задать вам вопрос?

— Вы же и так задаете их с тех пор, как пришли.

— Он может показаться слишком личным.

— Вы мой биограф, для вас ничто не может быть слишком личным. Хорошая автобиография ничего не боится! К тому же сейчас у меня в желудке груши, фасоль и бекон, так что меня уже ничем не проймешь.

— У вас в доме нет ни одной фотографии ваших детей?

Стелла покачала головой.

— Есть. Они повсюду.

Йонас еще раз внимательно огляделся. Что он упустил?

— Вам наверняка знакомо ощущение, когда смотришь прямо на солнце, а потом закрываешь глаза.

— Остается такое… эхо за веками.

Стелла кивнула.

— Так же у меня и с моими детьми. Они запечатлелись на моей сетчатке. Мне не нужны фотографии, их образы все время со мной.

Йонас замялся.

— Но разве вы не скучаете по дочери? Вы ведь могли бы видеть ее вживую.

— Марлен выбрала отца, а не меня. Мне остается только принять ее решение. Это нелегко, весьма нелегко, но я должна быть здесь и заботиться о Густафе… Вы совсем не едите, вам что, не нравится?

— Нет, очень нравится, я просто не хотел проявлять неуважение и жевать во время разговора на такую тему…

— Горе хорошо сочетается с беконом и грушами! Так оно легче переваривается. Поэтому не стесняйтесь. — Стелла добавила на его тарелку еще еды.

Получившаяся порция показалась Йонасу непреодолимой горной вершиной.

В этот момент в дверь постучали. Йонас не смог бы объяснить, по каким признакам это понял, но стук был предвкушающим, взволнованным. А с учетом рокового любовного треугольника из груш, фасоли и бекона в его тарелке, прозвучал он в самый подходящий момент.

— Открыто! — крикнула Стелла, не теряя элегантности даже при такой громкости.

В комнату вошла сияющая Несса.

— Здравствуйте, фрау Дор. Простите за беспокойство. Могу я минутку поговорить с Йонасом?

— Мы как раз едим, дорогая. Может, присоединитесь?

«Скажи нет, — подумал Йонас. — Пожалуйста, скажи нет».

— Это очень любезно с вашей стороны. Но нет, спасибо. Я правда не отниму у вас много времени.

«Я твой должник!»

— Оно и в холодном виде будет вкусным, — откликнулась Стелла. — Ну, ступайте уже, Йонас, не буду же я мешать вам общаться с юной леди тет-а-тет.

— Никакой это не тет-а-тет! — Чем бы это ни было на самом деле.

— Идите, идите!

Йонасу нравилось, что они со Стеллой успели сблизиться. Даже если это привело к грушам, фасоли и бекону.

Когда он вышел на улицу, Несса закрыла за ними входную дверь.

— Что у тебя такого срочного?

— Давай отойдем еще на три шага. Так будет лучше, поверь мне.

— О-о-окей. Ты очень загадочно себя ведешь.

— Одна из моих лучших черт. — Пусть Несса и старалась казаться невозмутимой, Йонас заметил, что она еле сдерживается, чтобы не выложить все начистоту прямо здесь и сейчас.

От «Краба» их отделяло уже добрых двадцать метров, когда Несса наконец остановилась и схватила Йонаса за плечи.

— Он со мной связался! И хочет поговорить с тобой!

— Что? Кто?

— Бывший муж Стеллы! С ума сойти, правда? Это же просто супер для твоей книги! Я отвезу тебя к нему завтра утром. Уже взяла отгул.

— Быстро же ты за меня все распланировала. Если бы ты не спасла меня от грушевой казни, я бы точно разозлился.

— От… чего? Прости, я иногда слишком увлекаюсь и делаю три шага за раз.

— Ничего страшного, ты же хочешь мне помочь. И…

— …ты хочешь, чтобы я тебе помогла? — Она смотрела на него как котенок, выпрашивающий миску корма.

— И это мило с твоей стороны, вот что я хотел сказать. Но да, еще я хотел бы, чтобы ты мне помогла. Ты…

— …потрясная?

Йонас рассмеялся. Несса тоже.

Общий смех над тем, что витало в воздухе.

Один из самых прекрасных видов смеха.

18. Марлен

Они находились в гримерной Марлен на съемочной площадке фильма «Высокие ели». Кинозвезда открыла пластиковую коробку и протянула ее Стелле вместе с вилкой.

— Ешь, малышка. Тебе станет лучше.

— Аппетита нет. — Стелла одернула края своего облегающего костюма дочери лесника.

— Я тебя об этом не спрашивала. Ты должна поесть. Просто поверь древнему ископаемому вроде меня.

— Не хочу опять туда идти!

— Тогда не ходи.

— Я все перепробовала.

— Знаю, знаю. — Марлен сунула контейнер с едой Стелле под нос, но та не отреагировала.

— Я делала вид, что у меня нет настроения или что мне скучно, приходила неопрятной

— настолько, что самой было от себя противно. Я отменяла встречи или просто не появлялась. Но он не унимается. И вот уже скоро мне снова придется… Дитрих ужасно ненасытный. Нужно положить этому конец. Но у меня не получается.

— И не получится без груш, фасоли и бекона. Я принимаю важные решения только после хорошей порции этого блюда. — Марлен сунула Стелле в руки контейнер и вилку и села перед зеркалом, сосредоточив внимание на прическе.

— Грязный мерзавец!

— Это факт.

— Я покончу с этим. Иначе это никогда не прекратится.

— Не покончишь. Никто никогда не покончит.

— Правда?

— Если ты сейчас же не поешь, я сама запихну тебе еду в рот!

Стелла оглянулась на дверь. Ей хотелось уйти и все бросить, но такое желание возникало у нее не впервые. И в итоге каждый раз ее покидала смелость.

Она заставила себя взяться за вилку, поскольку, если разозлить Марлен, это могло плохо кончиться. На съемочной площадке она для всех была как мать и умела проявлять строгий характер, если

что-то шло не по ее представлениям.

Блюдо Стелле не понравилось. Груши, фасоль и бекон — кто вообще придумал такое сочетание?

— Ясно одно — ты больше не получишь крупных ролей, — вновь заговорила Марлен, пока подводила глаза. — Мелкие — возможно, средние, наверное, тоже, но Дитрих позаботится о том, чтобы тебе никогда не досталась главная роль. Если задеть гордость такого человека, как он, в его голове не останется места ни для чего, кроме мыслей о мести. От Дитриха Квасте не уходят, Дитрих Квасте сам избавляется от женщин, когда они ему надоедают.

Стелла продолжала есть, постепенно привыкая ко вкусу.

— А ведь ты достойна больших ролей, малышка. Ты отлично играешь, просто отлично. Но никому не говори, что я так сказала. Я буду все отрицать!

Стелла посмотрела на дверь.

— Я никогда не стану настоящей звездой…

— Они все держатся вместе, говорю тебе. Вся эта шайка. Ворон ворону глаз не выклюет. Ты не подашь мне венок из альпийских фиалок?

Прежде чем выполнить просьбу Марлен, Стелла быстро отправила в рот еще фасоли.

Кто-то постучал в дверь. И тут же, не дожидаясь ответа, открыл ее — в раздевалку заглянул Дитрих Квасте.

— Стелла, зайди ко мне, пожалуйста. Я уже давно тебя жду. Это очень важно.

— Сначала мне надо доесть.

— Нет, не надо. Иди сюда немедленно! Что это за выходки?

Стелла снова наколола на вилку фасоль.

— Когда я ем, я глух и нем!

— Тебе это с рук не сойдет, клянусь! — Он вышел из раздевалки и хлопнул дверью.

У Стеллы бешено забилось сердце, но она продолжила медленно есть.

— Ты в порядке? — спросила Марлен.

— Нет, я в ярости. Но чувствую себя сильной.

— Это благодаря еде. Будь у войск Цезаря груши, фасоль и бекон, они бы завоевали весь мир.

Стелла опустошила весь контейнер и вернула его Марлен вместе с вилкой.

— Спасибо, именно это мне и было нужно.

— И что теперь?

— Пойду к Дитриху.

— Закрой глаза и думай об Англии.

Стелла кивнула. А затем отправилась в кабинет Дитриха Квасте и вошла без стука.

— Быстро раздевайся, — бросил тот, когда она закрыла за собой дверь. — И наклонись над диваном. У меня мало времени.

Но Стелла не разделась.

— Все кончено.

— Что? — Квасте тем временем расстегивал ширинку.

— Все кончено.

— Это не тебе решать, паршивка! Я создал тебя, и я же могу тебя уничтожить — одним щелчком пальцев. Так что раздевайся и раздвигай ноги. — Он стянул штаны.

— Все кончено, герр Квасте. И вы ничего не сможете с этим поделать. Что бы это ни значило для моей карьеры.

— Да что, черт возьми, на тебя нашло?!

Стелла не ожидала такого вопроса. Но когда ей в голову пришел подходящий ответ, она громко рассмеялась, что только еще больше разозлило Дитриха Квасте.

— Груши, фасоль и бекон!

19. Густаф

Йонас обожал утренние сумерки, когда мир еще спал и можно было бродить в тишине, словно по пустой съемочной площадке.

На автобусной остановке он положил упаковку жареного миндаля на пластиковое сиденье слева — во всем должно быть разнообразие. Особенно для Бентье, у которой, казалось, каждый день протекал одинаково.

С легкой тоской Йонас посмотрел на дорожку через дюны, ведущую к «Крабу» и окутанную бледно-желтым светом уличного фонаря. К его удивлению, Стелла не возражала, чтобы он сегодня уехал с Нессой, вместо того чтобы разбирать записки — так как Стелла думала, что им движут амурные дела, как она выразилась. «Хватай ее, тигр», — подмигнула она ему напоследок, когда он выходил из «Краба».

Автомобильный гудок вырвал Йонаса из раздумий. Несса опустила боковое стекло.

— Все на борт!

Сидеть снова так близко к Нессе было одновременно и волнующе, и тревожно. Йонас боялся сделать что-то неловкое или, наоборот, чего-то не сделать. Для начала он позволил себе взглянуть на нее и улыбнуться.

— Кстати, я тебя уже благодарил? За твою помощь?

— Вроде бы нет, но это и не обязательно. Я делаю это с удовольствием.

— Если кто-то что-то делает с удовольствием, за это все равно стоит говорить «спасибо». Но я очень рад, что тебе все нравится. Значит, мой подарок можно даже не вытаскивать из рюкзака.

— Ты приготовил подарок?! Для меня?

— Ну, да, но теперь могу на нем сэкономить. Так что спасибо тебе!

— Я тут неожиданно поняла, как мне обидно, что ты благодаришь меня только сейчас. Это действительно больно. Вот здесь! — Несса постучала пальцем по бедру. — И здесь. — Она указала на свою грудь. Потом подняла мизинец. — И еще вот здесь.

— И вон там наверняка тоже. — Йонас с улыб-

кой указал на ее лоб.

— Это точно говорит человек, который хочет, чтобы его сегодня отвезли к Филиппу Дору?

Йонас расстегнул молнию рюкзака.

— Это, во всяком случае, говорит человек, который заказал для тебя оригинальную шляпу Индианы Джонса. Коричневую федору. Шляпа самого известного археолога в мире для будущего археолога. Должна отлично сесть на твою упрямую голову. Можно?..

Несса кивнула, и он надел на нее шляпу.

Она оказалась великовата.

Взглянув в зеркало заднего вида, Несса проверила, как сидит обновка.

— Честное слово, это ужасно мило с твоей стороны. Подарил мне шляпу, в которой я выгляжу совершенно по-идиотски. Ты настоящее сокровище.

— Я… ну… я могу ее поменять, если хочешь.

Несса расхохоталась.

— Нет, мне и так очень нравится. — Она подняла поля чуть выше и снова посмотрелась в зеркало. — Выглядит довольно дерзко.

— Прямо-таки авантюрно.

— А ты, получается, вовсе не тот угрюмый, нелюдимый ворчун, за которого я тебя всегда

принимала.

— Это только мой рабочий образ. По выходным я святой.

— Ой, надеюсь, что все-таки нет! — рассмеялась Несса.

— Но если я пошел в отца, то с годами определенно стану еще более ворчливым. — Он снова посмотрел на нее. — Кстати, а что насчет твоих родителей? Ты никогда о них не рассказывала.

Несса так крепко сжала руль, что костяшки ее пальцев побелели. На лице не осталось и следа улыбки.

— Не обо всем стоит рассказывать. Некоторые темы начинают кровоточить, стоит о них заговорить.

— Как раны? — Йонас искал в чертах ее лица ответ, который прояснил бы больше, чем слова.

— Смотри на дорогу, Йонас!

— Разве обычно так говорят не тому, кто сидит за рулем?

— Ну так в этой машине обычные люди не ездят! — На ее лице мелькнула легкая улыбка.

Манера Нессы водить автомобиль чем-то напоминала ход ее мыслей. Многочисленные рывки то в одну, то в другую сторону неприятно отзывались у Йонаса в животе, хотя он старался не

подавать виду. Но на одном из особенно резких поворотов все же не удержался и вцепился в ручку двери.

— А зачем ты вообще этим занимаешься? — спросила Несса через некоторое время.

— Что ты имеешь в виду? — Йонас отпустил ручку.

— Автобиографии.

— А, это… Чтобы зарабатывать деньги.

— Но если ты так хорошо пишешь, что можешь составлять автобиографии для других, почему бы не изложить на бумаге свои собственные истории? Или собственную жизнь?

— Потому что их никто не захочет читать.

— А ты пробовал?

— У меня три тетради, в которых начаты разные истории — но ни одна из них не закончена.

Несса засмеялась — очень доброжелательно.

— Не кажется ли тебе, что это хорошо описывает нашу жизнь? Есть только одно отличие.

— Начал много, но конец всегда один?

— В каком-то смысле так и есть, правда? С другой стороны, разве можно быть уверенным, что больше ничего не будет — ни воспоминаний, ни эпилога, ни постскриптума?

— Хочешь сказать, что, когда мы покидаем этот

мир, на этом все не заканчивается? Может быть множество открытых концовок?

— Надо научиться жить с открытыми концовками. В этом я твердо убеждена. И с открытыми началами, между прочим, тоже. Но об этом поговорим в другой раз. А сейчас мне нужно свернуть на этом съезде.

Несса ошиблась — им нужен был третий съезд, но в конце концов они все-таки добрались до места назначения.

Йонас знал выражение «у черта на рогах». Но только когда он, измученный тряской по пятикилометровой проселочной дороге, вылез из «Корсы», он по-настоящему понял его значение.

— Лучше не напоминай Филиппу Дору, что он все-таки мне перезвонил. Наверняка ему для этого потребовалось сделать над собой усилие.

— Без проблем.

Из фермерского дома с красной черепичной крышей к ним с лаем выбежали молодой кокер-спаниель, овчарка с уже поседевшей мордой и нечто похожее на помесь швабры и металлической губки. Все трое радостно виляли хвостом, из-за чего зрелище не выглядело уж слишком устрашающим. Йонас не смог удержаться и по-

гладил собак.

— Пойдем, мы опаздываем. — Несса направилась к главному дому. К усадьбе примыкали еще два крыла, поэтому она имела форму буквы U. Сзади простирался большой садовый участок с огородом, где рабочие пололи сорняки, срезали травы или рыхлили землю. Йонас дружелюбно им помахал.

Рыжеволосая женщина лет пятидесяти поднялась с одной из грядок и пошла к нему, сначала медленно, почти спотыкаясь, а потом все быстрее. Остановившись перед ним, она со слезами на глазах протянула дрожащие руки и взяла его лицо в ладони. При этом незнакомка непрерывно качала головой и кусала губу.

Йонаса эта ситуация поставила в тупик.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — нерешительно спросил он. Это разрушило чары, и женщина убежала в главный дом.

Всего пару секунд спустя оттуда же вышел мужчина. По оценке Йонаса, лет семидесяти. Седые волосы собраны в небрежный пучок, борода навевала мысли о времени «Силы цветов»[18]. На

[18] Примечания: 18

«Сила цветов» (Flower Power) — лозунг, зародившийся в США в середине 1960-х годов. Этим термином сторонники движения хиппи обозначали философию пассивного сопротивления, пацифизма и ненасилия.

многократно заштопанном рабочем комбинезоне виднелось несколько пятен от земли. Заметив Йонаса, он остолбенел, словно врезался в стену.

— Так это вы гострайтер?

— Йонас Энгельбаум, очень рад знакомству, и спасибо, что уделили мне время. — Йонас шагнул ему навстречу с вытянутой рукой.

Ее так никто и не пожал.

— Как Стелла нашла вас?

— Через объявление. Мой слоган и, наверное, улыбка на фото ее убедили.

— Она так вам и сказала?

Йонас неопределенно покачал головой.

— Могу я спросить, почему это важно?

Мужчина посмотрел куда-то в сторону.

— Все в порядке, можете продолжать.

Только тогда Йонас обратил внимание на то, что работа в огороде приостановилась — все повернулись в его сторону.

— Для начала давайте зайдем внутрь. — Мужчина перевел взгляд на Нессу.

— Я Несса, — тут же вставила она, — мы разговаривали по телефону.

— Если бы я знал… А впрочем, ладно, теперь уже все равно поздно.

Он прошел в дом и по пути в гостиную зажег

сигарету без фильтра. За старым деревянным столом налил себе водки из бутылки без этикетки — гостям ничего не предложил. Стены были сплошь увешаны фотографиями, на многих из них люди складывали пальцы в форме сердца или, смеясь, махали в объектив.

Эти кадры излучали столько тепла и любви, что Филипп Дор на их фоне казался еще более холодным. Он избегал зрительного контакта, вместо этого уставившись на прозрачную жидкость в своем стакане.

— Что вы хотите узнать?

— Всего лишь пару-тройку мелочей, так как Стеллу иногда подводит память.

— Иногда таким образом она нас защищает. Давайте побыстрее с этим покончим. Я вообще не знаю, зачем в это ввязался.

Йонас торопливо раскрыл ноутбук, включил диктофон на мобильном и положил его на стол. Несса сидела рядом, не издавая ни звука — что было для нее крайне нетипично. Но она, видимо, чувствовала, что одно неверное слово может все испортить. Они шли по тонкому льду… и он уже начал трещать.

Филипп Дор сделал еще один глоток, после чего встряхнулся, как будто кто-то вылил на него

ведро ледяной воды.

Йонас прочистил горло.

— Стелла рассказала мне, как вы познакомились. Мегаромантично: любовь с первого взгляда в Париже, незабываемый миг вдвоем у Сакре-Кёр.

Филипп Дор сделал глубокий вдох.

— Так она это помнит? Что ж, если для Стеллы это романтично… Она приехала в Париж из-за того фильма с купальщицей.

— «Купальщица из Санкт-Петер-Ординга».

— Точно. Честно говоря, чушь полнейшая. Почему его вообще показывали во Франции, для меня загадка. Официально все преподносилось как премьера, хотя почти никто не пришел.

— Но ведь кинокомпания даже специально предоставила Стелле костюм от «Шанель».

Филипп покачал головой.

— Подруга Стеллы сшила его, сделав выкройку по маленькой фотографии в женском журнале. Он и выглядел соответственно. Я оказался в этом кинотеатре совершенно случайно — хотел произвести впечатление на одну француженку. Посмотрев половину фильма, она вышла из зала, а я за ней не пошел. Фильм оказался плохим, но просто бросить меня там было очень некраси-

во. В любом случае… Стелла тогда была ужасно разочарована этим мероприятием: ей даже пришлось самой покупать себе билет, и официально ее так и не представили. Неудивительно, что она напилась до беспамятства. После сеанса она едва держалась на ногах, и я ее подхватил. Мы дошли до ближайшего переулка, где она… ну, сами понимаете. Подняться до Сакре-Кёр в таком состоянии невозможно.

— А потом вы провели ночь вместе.

— Верно.

— Стелла рассказывала, как ее впечатлило, что вы не попытались воспользоваться ее положением.

— Если бы я им воспользовался, то стал бы насильником. Как только мы добрались до моей квартиры, Стелла упала на кровать и уснула. Я поначалу пытался растормошить ее, чтобы она что-нибудь съела и попила, но безрезультатно. Поэтому я снял с нее туфли, а сам уснул на диване. Вот и весь наш романтический вечер. Мы едва ли парой слов обменялись.

— Что же было дальше?

— На следующее утро я отвез ее на Северный вокзал. Мы увиделись снова только через две недели, когда она пригласила меня приехать к

ней на съемки. И только тогда я влюбился. В эту упрямую, заносчивую, капризную и чудесную женщину. Стелла излучала свет, о котором сама понятия не имела. Глубокая чувствительность, любовь к миру… — Его лицо озарилось улыбкой.

— И через полгода вы поженились.

— Нет, через девять месяцев мы обручились. А поженились еще через четыре месяца. Но в памяти Стеллы, похоже, действительно многое перепуталось.

Вдруг открылась дверь, и вошла рыжеволосая женщина, с мокрыми от слез щеками и покрасневшими глазами.

— Малышка, успокойся. — Филипп встал, раскинув руки.

Но женщина обняла за шею Йонаса, чем снова застала его врасплох.

— Ничего не говори! — шепнула она ему на ухо, и он почувствовал ее теплое дыхание. — Я не хочу слышать твой голос.

Филипп подошел ближе и положил руку ей на плечо.

— Ты же знаешь, что он…

— Не отнимай у меня этот момент, папа. — Она слегка ослабила объятия, чтобы взглянуть на Йонаса. А затем внезапно покрыла его лицо по-

целуями и прижалась к нему так крепко, словно хотела, чтобы их связь никогда не разрывалась.

Йонас чувствовал, что в ней жила слишком знакомая ему боль. Эта боль заставила сердце биться чаще, а дыхание — то и дело прерываться. Йонас напрягся, в первую секунду собираясь отстранить от себя женщину, чтобы больше не разделять ее чувств, но вдруг почувствовал, как ее слезы капают ему на шею, и вдруг сам обнял ее.

Прошло много времени, прежде чем они отпустили друг друга.

— Спасибо, — прошептала незнакомка, — за такой неожиданный подарок.

Она вытерла слезы с лица тыльной стороной ладони. А потом, не сказав ни слова, вышла.

Йонас смотрел ей вслед.

— Это Марлен, да? — догадался он.

Филипп кивнул и снова сел.

— Вы наверняка хотите знать, как все это понимать. Что Стелла рассказала вам о смерти Густафа?

Йонас и Несса тоже опустились на прежние места, и под столом она осторожно взяла его за руку.

— Несчастный случай летом на пляже, — заговорил Йонас. — Густаф получил тепловой удар,

потерял сознание и слишком долго пролежал в воде головой вниз. Стелла не смогла его спасти, хотя находилась рядом, внимательно следила за сыном и имела опыт работы спасателем.

Филипп провел рукой по лбу, чуть ли не сминая кожу.

— Нет.

— В каком смысле «нет»?

— Это тоже было по-другому.

— Что именно?

Филипп открыл рот, но тут же снова его закрыл. Так повторилось еще раз. Наконец он все-таки заставил себя ответить:

— Вообще-то все.

— Расскажете мне правду?

— Послушайте, на самом деле я не хочу об этом говорить. Это до сих пор причиняет боль и всегда будет причинять. Но и оставить все как есть я тоже не могу. Это неправильно.

Филипп опустил голову, а когда снова ее поднял, Йонасу показалось, что перед ними сидит гораздо более пожилой мужчина, с хрупкими костями, бледной кожей и прерывающимся дыханием.

— После смерти Густафа Стелла начала переписывать историю. Вместо того, чтобы винить…

Нет, не винить, это… просто случилось. К этому привело множество обстоятельств. И если бы хоть одно из них сложилось иначе, наш Густаф до сих пор был бы жив. — Филипп встал и устремил взгляд в окно, словно завороженный, как будто он видел море, а в нем — своего сына. — Стелла загорала на пляже, а я отправился за мороженым. Густаф вошел в воду, как делал это уже много раз. Он знал, как далеко ему можно заходить, и хорошо плавал. Стелла же вообще никогда не купалась, она предпочитала загорать.

— Но… как же курсы спасателей?

— Она их не проходила. Только курс первой помощи, но когда это случилось… она все позабыла, как, наверное, в подобной ситуации произошло бы с каждым. Когда она увидела, как Густаф безжизненно качается на волнах, было уже поздно. Его подхватило подводное течение и удерживало под водой слишком долго. — Филипп сел обратно, но продолжал смотреть куда-то вдаль. — Стелла бросилась к Густафу, вытащила его на берег и в панике попыталась реанимировать, хотя на самом деле не знала как. Она рыдала, дрожала и кричала. Когда подоспел врач скорой помощи, она не хотела отпускать нашего сына. — Грудь Филиппа поднималась и опускалась рывка-

ми. — После смерти Густафа в жизни Стеллы не осталось ничего другого. С тех пор она говорит только о его смерти, а мы здесь говорим о его жизни. Пойдемте со мной.

Он направился во двор, где продолжалась оживленная работа на грядках. Несса ласково погладила Йонаса по спине, и они последовали за Филиппом.

— Марк Аврелий когда-то сказал: «Потеряв любимого человека, почитай его память, стараясь стать похожим на него. Тогда он будет жить в твоих поступках». Наш Густаф был добрым, отзывчивым мальчиком. В начальной школе он всегда заботился о тех, кого не принимали в компанию или кто становился жертвой насмешек. Это всегда восхищало меня и наполняло гордостью. Поэтому после его смерти я, можно сказать, пошел по его стопам. — Филипп указал на медную табличку на доме, почти полностью заросшую диким виноградом. На ней крупными буквами значилось: «Родная гавань Густафа Дора». — Это его ферма. Здесь он продолжает жить. Все, кто у нас работает, нигде больше не нашли себе места. Те, кто поборол зависимости, беженцы, люди с судимостью, которым никто не хочет дать шанс и приют, которым никто не доверяет.

На нашей ферме они могут жить бесплатно, пока им не удастся начать жизнь заново. Густаф помог бы им, но он больше не может этого сделать, поэтому я занимаюсь этим в память о нем.

Филипп шагал между грядками, то срывая засохший листок, то выдергивая высохший стебель. Они прошли мимо мастерской, где кто-то возился с виниловым проигрывателем, затем мимо склада, на полках которого выстроились бесчисленные ряды стеклянных банок с консервами. В кабинете за четырьмя ноутбуками кто-то работал.

— Мы уже почти на месте.

Наконец Филипп остановился у дуба, который, судя по всему, погиб уже много лет назад: дерево покрыли темно-синей краской и подперли стальными стержнями. В кору были врезаны бесчисленные рисунки и фотографии мальчика. Некоторые в металлических рамках, иногда простых, иногда с затейливыми узорами, другие — глубоко вдавлены в ствол, а несколько изображений кто-то выцарапал прямо на коре. Почти на всех мальчик улыбался.

— Теперь вы понимаете, — произнес Филипп. — Я даже не знаю, осознает ли это Стелла. — Его голос вдруг зазвучал очень мягко. — Моя бедная

Стелла. Ее мысли иногда плывут против течения.

Йонас подошел ближе и заглянул в выразительные глаза ребенка. Присмотрелся к его носу, форме рта, подбородку.

Он не высказал вслух то, о чем подумал. Слова застряли на полпути — они были чересчур тяжелыми.

Поэтому вместо него их прошептала Несса:

— Густаф похож на тебя как две капли воды.

20. В темноте

Есть молчание, которое рождается из близости. А есть такое, которое коренится в боли. Молчание в старой машине Нессы, в свою очередь, говорило о растерянности.

Время лепит лица: оно растапливает детский жирок, расширяет носы, сводит брови, подчеркивает скулы или сглаживает линию подбородка. Никогда заранее не знаешь, что у него в итоге получится. Но, оглядываясь назад, во взрослом узнаешь ребенка. Йонас не был похож на Густафа, ведь девятнадцатилетнего Густафа никогда не существовало. Но он выглядел так, как мог бы выглядеть Густаф.

Когда Несса припарковалась у дюны, за которой располагался пляжный павильон Стеллы, она снова взяла Йонаса за руку.

— Мне пойти с тобой? Будет лучше, если я пой-

ду, да? — Она отстегнула ремень безопасности.

— Нет, думаю, это должно остаться между мной и Стеллой.

— Ты можешь позвонить мне потом! Или давай встретимся. Или я могу подождать тебя здесь.

Йонас мягко сжал ее ладонь.

— Это очень мило с твоей стороны. Но не надо меня ждать.

— Ты позвонишь?

Йонас застегнул молнию на анораке до самого подбородка.

— Позвоню, обещаю.

Он уже взялся за ручку двери, как вдруг Несса наклонилась и поцеловала его.

— На удачу.

— Спасибо.

— За поцелуи не нужно благодарить.

— Спасибо, что поддерживаешь меня.

— Я делаю это с удовольствием. Даже с большим удовольствием.

С едва заметной улыбкой Йонас вышел из машины.

За дюной ветер стал дуть с такой неистовой силой, будто ему непременно нужно было что-нибудь снести. Над побережьем уже сгущались сумерки. «Закат № 2», если Йонас не ошибался.

Без золота.

По пути он подбирал слова, с которых начнет, но тут же их отбрасывал.

Когда Йонас подошел к «Крабу», до него донесся лай.

Хороший Мальчик, казалось, был напуган и растерян. Йонас побежал.

Дверь стояла открытой.

Стелла как раз в спешке надевала пальто.

— Он вдруг появился здесь без Пауля! Он никогда раньше так не делал. Должно быть, с Паулем что-то случилось. Пойдемте, нужно его найти! — Выкрикивая имя Пауля, Стелла выбежала на улицу.

Хороший Мальчик смотрел ей вслед, продолжая лаять. Йонас опустился перед ним на колени.

— Где твой хозяин? Отведи меня к хозяину!

Золотистый ретривер рванул вперед и помчался по пляжу. Йонас бросился за ним.

— Он взял след!

У Йонаса быстро сбилось дыхание, он боялся отстать, но Хороший Мальчик неожиданно закрутился на одном месте, возвратился к нему, снова развернулся и побежал к морю, где принялся набрасываться на волны.

Хороший Мальчик — это вам не Лесси[19].

В погоне за золотистым ретривером Йонас потерял из виду Стеллу и теперь искал ее взглядом на погружающемся в темноту пляже.

Она стояла по пояс в волнах.

Внезапно ветер донес до Йонаса ее голос:

— Только не снова! Только не опять!

— Выходите из воды! — крикнул Йонас. — Прилив надвигается!

Стелла продолжала повторять те же слова.

Стоя на берегу, Йонас позвал ее еще раз, но она его не услышала, поэтому ему тоже пришлось войти в море. Ледяная вода сразу проникла сквозь джинсовую ткань и добралась до кожи.

— Стелла! Пожалуйста! — Йонас наконец догнал ее и схватил за плечи.

Она вздрогнула, испустила пронзительный крик и уставилась на него широко раскрытыми глазами.

— Сейчас же выходите из воды! Если Пауль в море, то при таком слабом свете мы его не увидим. Но он наверняка на пляже.

Стелла смотрела на него с недоумением, однако

---

[19] Примечания: 19

Лесси — вымышленная собака породы колли, персонаж рассказа Эрика Найта «Лесси возвращается домой», а также дальнейших многочисленных фильмов и сериалов с ее участием.

вскоре медленно кивнула.

— Да, да… Пауль… на пляже.

Йонас повел ее на сушу, чувствуя, как она дрожит, — Стеллу трясло всем телом. Вернувшись на берег, он снял с себя куртку и заставил Стеллу ее надеть.

Хороший Мальчик подскочил к Стелле, но она его будто не замечала.

— А что, если он мертв? Я так с ним ни разу и не…

— Он жив! Мы его найдем. — Йонас слышал эти фразы во множестве телесериалов. Они вселяли уверенность и казались вполне уместными в данный момент. Произнося их, он поступал правильно. Хотя предчувствие говорило ему об обратном.

Он быстро обвел взглядом пляж, пока сквозь сумерки еще проступали нечеткие силуэты.

— Вон там! — Йонас указал на безжизненное тело и бросился к нему, поскальзываясь на мягком песке и чуть не споткнувшись о Хорошего Мальчика, который бежал слишком близко к нему и безостановочно лаял.

— Пауль! Мы уже рядом!

Это был не Пауль.

Всего лишь опрокинутая урна, содержимое ко-

торой высыпалось и теперь разносилось ветром по всему пляжу. Огромное конфетти в темноте наступающей ночи. Безо всякого цвета, сплошные оттенки серого.

Вдруг откуда-то послышался тихий голос.

— Фрау Буровски? Фрау Буровски?

Стелла, запыхавшись, добежала до Йонаса.

— Это голос Пауля!

Слова затихли, но зато стало понятно, в каком примерно направлении его искать.

Тем не менее прошло еще добрых десять минут, прежде чем им удалось обнаружить Пауля. Хороший Мальчик первым добрался до него, громко залаял от радости и лизнул хозяина в лицо. А потом сразу же лизнул еще раз.

На Пауле не было ничего, кроме неоново-зеленых плавок и непромокаемой морской шляпы-зюйдвестки. Одной ногой он провалился в яму где-то в полметра глубиной, которую, должно быть, выкопал чей-то чрезмерно усердный ребенок, и подвернул лодыжку. Из-за этого у него не получалось выбраться.

— Моя шея! — пожаловался Пауль, увидев их. — Заклинило! Внизу!

К нему уже подступал прилив. Вдвоем они быстро его вытащили. Им пришлось поддержи-

вать Пауля, потому что тот не мог наступить на правую ногу.

— Фрау Дор, вы правда пришли…

— Хороший Мальчик привел нас, он помог тебя найти!

Пауль посмотрел на своего пса, который семенил впереди, как ни в чем не бывало.

— Скорее всего, он побежал к вам, потому что вы его подкармливаете.

— Нет, дело не в этом, — возразила Стелла. — Он просто хороший мальчик.

Обратный путь до «Краба» затянулся: таща на себе, как на буксире, хромающего Пауля, они то и дело останавливались. Лестничные ступеньки, на которые он мог присесть, стали для них настоящим спасением.

— Ты же стоишь у окна, Стелла.

Йонас посмотрел вверх. Действительно, там стояла Стелла, по крайней мере, на картине.

— Так мне все видно! — заявила Стелла. — Именно поэтому мы тебя и нашли.

— Мне всегда нравилась эта картина. Но тебе и так это известно.

Хороший Мальчик прижался к Паулю.

— Сейчас мы вызовем скорую, — сказала Стелла. — Они отвезут тебя в больницу. Там тебя уже

знают и хорошо о тебе позаботятся.

— А перед этим ты потанцуешь со мной? Я был бы очень рад.

— В другой раз, Пауль.

Он кивнул:

— Я еще раз спрошу.

— Об этом ты никогда не забываешь.

— Кстати, а кто такая фрау Буровски? — поинтересовался Йонас у Пауля, доставая мобильный телефон из бокового кармана куртки, в которую все еще куталась Стелла.

— Моя учительница из начальной школы. Очень приятная дама. А что?

— Да просто так.

— А откуда вы знаете фрау Буровски?

— Слышал ее имя от одного хорошего друга.

21. Все хорошо

В углу большого настенного календаря Пауль с гордостью вывел цифру 23 — столько лет он уже работал сторожем и смотрителем на пивоварне. Для каждого, кто проходил мимо его застекленной будки — он называл ее аквариумом, — у него всегда находилось теплое слово. Он был готов поболтать со всеми желающими.

А тех, кого особенно любил, Пауль угощал финскими пастилками из соленой лакрицы. Он специально их заказывал.

Последние несколько недель Пауль то и дело забывал какое-нибудь имя или слово, но с кем такого не случается? Он привык улыбаться и списывать все на возраст. Иногда даже шутил по этому поводу: «У меня ведь все равно еще достаточно слов в запасе!»

— Доброе утро, Пауль.

— Доброе утро, герр… генеральный директор. — Пауль рассмеялся.

Мужчина тоже рассмеялся.

На пивоварне не было генерального директора.

Собака Пауля, как всегда, лежала в своем углу на старом, истрепанном махровом полотенце, которое Паулю не разрешалось стирать. Однажды, много лет назад, он рискнул это сделать, и в результате ужасно расстроил своего золотистого ретривера, который без устали терся об это полотенце, пока через пару недель оно наконец не стало снова вонять как положено.

— Доброе утро, Пауль.

— Доброе утро, фрау… начальница.

— Хотелось бы! — Снова смех. Рядом с Паулем часто смеялись.

К четверти девятого все были на месте.

Теперь Паулю предстояло пройтись по списку дел.

В нем значилось: заменить неработающую лампочку в кладовой для канцелярских принадлежностей, проверить правый туалет для посетителей (он постоянно ломался, а остальные — никогда), отполировать паркет в конференц-зале (это задание Паулю особенно нравилось, так

как за один раз удавалось проделать большую работу и результат был сразу виден).

Уже к полудню он разобрался со всеми делами.

Сегодня Пауль принес с собой в термосе гуляш с отварным картофелем, как и каждый второй четверг.

Для пса он отдельно упаковал мясные обрезки.

Тот сразу почуял еду и подбежал к хозяину, пыхтя и радостно виляя хвостом.

— Тебя покормим первым, мой хороший…

Собачья кличка вылетела из головы.

Пауль искал ее во всех уголках своей памяти, уж это имя он точно не мог забыть. Они проводили вместе каждый день, каждый час, собака стала его лучшим другом. С тех пор как он взял пса из приюта, они не разлучались. Это единственное существо на свете, которому Пауль мог доверить что угодно, даже свои неудачные шутки.

Золотистый ретривер наклонил голову набок.

— Вот, держи, мой хороший… мальчик.

Пса совершенно не беспокоило, что хозяин не произнес его имя. Он чувствовал любовь к себе в каждом слове Пауля. Но сегодня в них сквозило еще и много грусти. Поэтому после еды — она всегда была на первом месте — он поставил лапы на колени Пауля и вылизал ему все лицо.

— Хороший мальчик, — еще раз сказал Пауль. А разве его не всегда так звали?

Да, наверняка.

Ведь собака так радовалась, когда он это говорил.

Значит, все хорошо.

Пауль уже давно забыл тот день.

Три месяца спустя его уволили.

22. Теория хаоса

До сих пор Йонас почти не обращал внимания на большую гостевую парковку у «Краба», так как въезд перекрывал шлагбаум с красным знаком «Въезд воспрещен». Стелла просто подняла его, чтобы машина скорой помощи смогла проехать по бетону, сквозь который уже пробилось множество ростков дюнной травы и песколюбки. Лампочке единственного уличного фонаря полагалось бы перегореть еще много лет назад, но она наотрез отказывалась сдаваться и мужественно продолжала светить. Никто из администрации не догадался отключить линию электропередачи. Раз в год они посылали кого-нибудь почистить запрещающий знак на шлагбауме.

После того как скорая помощь с Паулем на борту уехала, произошло нечто необычное.

Посреди окутавшей все черным бархатом ночи,

в желтом свете одинокого фонаря Стелла обняла Йонаса за шею.

— Мы спасли его, Йонас! Он выжил! Благодаря нам! — Она чуть ли не задыхалась. — Место, где мы его нашли, полностью затопило приливом. На целый метр!

Эмоции по своей природе беспорядочны. Они часть хаоса во Вселенной. Поэтому иногда вырываются наружу внезапно. И вот, посреди радости от спасения Пауля, Йонаса внезапно охватила ярость. Ему казалось несправедливым, что Стелла так радуется после того, как поступила с ним самим. В обычных обстоятельствах Йонас приберег бы эту ярость на потом и позже преподнес ее в подарочной упаковке, но сегодня у него не хватило на это сил.

— Почему вы мне не рассказали?

— О чем вы? О том, что Пауль чуть не умер? Я сказала об этом только что. Пойдемте скорее к «Крабу», мне холодно. — Она взяла его под руку.

Йонас тоже замерз в промокшей одежде, но из-за гнева этого не чувствовал.

— О том, что я похож на Густафа, вот о чем!

Стелла оцепенела.

— Что за ерунду вы несете?

— Я выгляжу как ваш умерший сын.

— Вы совсем на него не похожи. Какая абсурдная мысль!

— Я видел фотографии. Казалось, будто я листаю свой семейный фотоальбом.

Стелла отстранилась от него, отступила назад по покрытому вмятинами бетону.

— Где вы видели фотографии Густафа?

— Да какая разница! Почему вы мне об этом не сказали?

— Где вы видели его фотографии?

Луч света словно начал сужаться, и тьма все теснее сжималась вокруг них.

Отрицания Стеллы разозлили Йонаса еще сильнее. Эта наглая ложь — настоящее неуважение, можно сказать, оскорбление.

— Я был у вашего бывшего мужа, чтобы…

Стелла вытянула указательный палец и направила его на Йонаса, как колющее оружие.

— Вы не имеете права разговаривать с Филиппом! Я вам не разрешала! Это наглость! Невообразимое злоупотребление доверием!

— Еще он рассказал мне, что на самом деле случилось тогда с Густафом.

— Это все ужасно неправильно! Вы ужасно неправильный! — Стелла ткнула пальцем в

грудь Йонаса. — Вы никудышный биограф, ясно вам? Другие делают снимки, чтобы достоверно описать дом, или составляют хронологию, чтобы правильно расположить события жизни во времени. Настоящие биографы работают с анкетами, с их помощью они задают правильные вопросы. А вы ничего из этого не делаете! Вы жалкий дилетант!

— А вы врете о своей жизни!

Голос Стеллы поднялся на октаву:

— Знаете, что? Вы уволены! Слышать о вас больше не желаю. И только попробуйте потребовать гонорар! Ни пфеннига от меня не получите!

— Теперь они называются центами!

— Вы глупое, нелепое дитя! Только и всего!

Один из величайших парадоксов заключается в том, что если любишь человека, то злишься на него с особой силой. Ведь ты злишься не только из-за того, что произошло, но и из-за того, что злишься на человека, которого все равно любишь. Почему вообще любимый человек заставил тебя испытывать такие чувства?! Но больше всего ранит, что любви недостаточно, чтобы раз и навсегда искоренить злость?

— Глупое, нелепое дитя, которое выглядит как ваш сын… — проворчал Йонас себе под нос.

Но Стелла его услышала, и ее лицо так побагровело от возмущения, что это было видно даже в тусклом свете фонаря.

Она безо всякого предупреждения влепила ему пощечину.

— Вы ни капли не похожи на моего Густафа!

Затем она растворилась в темноте. Йонас не услышал ни ругательств, ни рыданий, вообще ничего.

Стелла Дор исчезла из его жизни.

В мокрой одежде он шел сквозь ночь к автобусной остановке, где его встретил жужжащий фонарь, вокруг которого кружились самые разные насекомые. Ни одно из них не находило того, что искало.

Миндаль исчез, вместо него на сиденье лежала сложенная бумажная лодочка. Только присмотревшись, Йонас заметил на бумаге какие-то надписи. Он осторожно ее развернул.

Спасибо за жареный миндаль! Я совсем забыла, какой он вкусный. Невероятно, правда? Как такое вообще может случиться?

Пока я его ела, ко мне даже вернулись воспоминания о детстве, о тех днях, когда мы ходили на ярмарку. О белом пакете с еще теплыми орешка-

ми и о том моменте, когда разгрызаешь сладкую карамель и чувствуешь вкус миндаля. Я всегда боялась сломать об орехи молочный зуб. Но все равно их ела! Минутный страх того стоил. Мы не всегда это осознаем, но моменты из детства остаются с нами на всю жизнь. И некоторые из них так же сладки, как жареный миндаль.

Йонас поднял глаза, и в его сознании всплыло воспоминание.

В последний день перед тем, как мама легла в больницу, родители пошли с ним на праздник урожая, и Йонас очень захотел жареный миндаль. Отец был против — мальчик не должен есть столько сладкого. К тому же после этого у него всегда были липкие руки.

— А если мы и тебе купим орешков? Целый пакетик только для тебя? — спросила отца мама.

— Это будет подкуп! — с наигранным возмущением отозвался тот.

— Значит, так тому и быть.

Вскоре уже два Энгельбаума ходили с липкими руками — и счастливыми лицами.

Воскресшее воспоминание согрело Йонаса изнутри и в этот холодный вечер окутало его, как мягкое одеяло. В котором он сейчас очень-очень нуждался.

Послание Бентье заканчивалось словами:

«Берегите себя, ожидается штормовой прилив!»

Йонас посмотрел в сторону моря. Шум прибоя, вздымающиеся волны и резкий свист ветра вдруг зазвучали куда более грозно.

23. Гость

Вернувшись в пансион «Прилив и отлив», Йонас тут же начал собирать вещи.

Когда, закончив, он плюхнулся на кровать, ветер со всей силой колотил в окно. Йонас покрутил головой в попытке справиться с напряжением. Но ничего не вышло. Йонас знал почему. Причина крылась глубоко в его душе.

Он смотрел в потолок, отмечая трещины и паутину, а снаружи все сильнее бушевали ветер и дождь.

Возможно, Стелла была права, и эта работа оказалась ему не по силам. Он даже не знал всех упомянутых ею методов, а визит к бывшему мужу заказчицы действительно можно расценивать как подрыв доверия, которого не должно было произойти. На самом деле Йонас только утверждал, что может написать автобиографию.

Доказать свои слова он ничем не мог. Он приехал совершенно неподготовленным, не имея ни малейшего представления о том, что его ожидает.

Приехал туда, где Стелла Дор вверила ему историю своей жизни.

Нечто невероятно ценное.

Ведь, кроме этого, что еще у нее осталось? Во всяком случае, Стелла вела себя так, будто уже давно подошла к эпилогу жизни.

И все же это не оправдывало того, что она не рассказала Йонасу о его сходстве с ее умершим сыном. И что именно оно послужило причиной, по которой пожилая актриса его наняла. На самом деле она просто хотела рассказать о своей жизни Густафу.

Йонас встал и записал в ноутбуке все, что узнал за этот долгий день. Версию событий, изложенную Филиппом, он выделил курсивом, поскольку она не совпадала с версией Стеллы. Он не знал, что с этим делать.

Но хотел это записать.

Наконец Йонас закрыл ноутбук и покачал головой. Что он вообще делает? Все кончено, завтра он уедет и весь следующий год будет работать в ресторане отца.

Он лег в постель.

И задумался о завтрашнем дне.

Иногда при свете дня все выглядит лучше. В других же случаях дневной свет позволяет по-настоящему осознать масштабы катастрофы.

Закрыв глаза, Йонас попытался представить у себя во рту вкус жареного миндаля.

Поскольку будильник он не ставил, на следующее утро его разбудили щекочущие ухо солнечные лучи. Один взгляд на мобильный, и Йонас понял, что время завтрака уже прошло и ему придется поторопиться, чтобы сестры сжалились и все-таки что-нибудь ему приготовили.

Когда Йонас сбежал вниз по узкой и крутой лестнице с выкрашенными в белый цвет деревянными ступенями, в дверях столовой внезапно выросла Имке и сморщила острый нос.

— Вы опоздали.

Рядом с ней возникла Бритта.

— В порядке исключения мы еще не убрали вашу тарелку!

— Но блюд из яиц уже нет.

Бритта понизила голос:

— У вас гость.

В одно мгновение сон как рукой сняло.

— Неужели она специально сюда приехала?

Сестры покачали головами и расступились,

при этом внимательно наблюдая за Йонасом. Тот пытался собраться с мыслями и обдумывал, что сказать Стелле. Извиниться самому? Потребовать извинений? То и другое по очереди? А если так, то в каком порядке?

Однако за столом сидела не Стелла Дор.

И не какая-то другая женщина.

За столом сидел мужчина, высокий и полный. Он тяжело и неуклюже поднялся и протянул руку, неуверенно улыбнувшись.

— Папа, что ты здесь делаешь?

— Привет, сынок. — Отец пожал ему руку. Андреас Энгельбаум не умел обнимать сына, его собственный отец никогда его этому не учил. Но он накрыл второй ладонью руку Йонаса и таким образом по-своему обнял его. — Рад тебя видеть.

Жена всегда называла его «Буйвол», потому что он был высоким, волосатым и добродушным. Сам он, впрочем, никогда себя таковым не ощущал. Особенно когда она умерла, и всей его мощи, и всей его воли не хватило, чтобы спасти ее.

— Чаю? Как всегда? — спросила Имке, которая внезапно очутилась рядом с Йонасом.

— Э-э, да, и для моего отца тоже, пожалуйста.

— Он уже выпил, мы же знаем, как следует вести себя с гостями. — Имке улыбнулась. — Сразу

видно, что вы родственники.

Ничего подобного. Никто этого не видел, даже они сами, хотя оба усердно искали сходство, чтобы иметь наглядное доказательство, что они хоть в чем-то похожи друг на друга. Но этого сходства не было. От отца Йонасу досталась лишь эпизодическая неловкость, когда он путал лево и право, а еще дальнозоркость и высокий подъем стопы.

— Пойдем, давай позавтракаем. — Отец Йонаса сел и жестом пригласил его сесть напротив. — У тебя наверняка есть вопросы.

В моменты неуверенности он всегда теребил мочку правого уха. Вот и сейчас она уже вся покраснела.

— Папа, я… я правда рад тебя видеть. Хотя сегодня для этого не самый подходящий день.

— Что случилось, сынок?

Йонас отмахнулся.

— Дела идут неважно. Но все наладится. — Как же безвкусно звучат слова, когда сам в них не веришь.

— Вот, ваш чай! — Имке поставила на стол чашки. — Очень горячий.

Она замерла, ожидая, пока мужчины попробуют. Хотя обычно так не делала.

— Чай у вас очень хороший. — Андреас Энгель-

баум доброжелательно кивнул, а затем снова обратился к Йонасу: — Я могу чем-то помочь? Ну, с твоей проблемой?

— Нет, вообще-то я сегодня хотел… — Он сделал глоток. — Что-то случилось дома? Или почему ты сюда приехал? — Только сейчас Йонас заметил, что Имке до сих пор стоит у стола. — Мне чай тоже очень нравится.

С довольной улыбкой она ушла.

Андреас Энгельбаум сложил руки, как будто собрался помолиться, хотя давно уже утратил веру. Последнюю ее толику он потерял, когда Моника так рано его покинула. Но переплести пальцы все равно казалось ему правильным жестом. Будто он совершал магический ритуал, не нуждающийся в религиозной подоплеке.

— Йонас, я…

— Пап, не надо. Сейчас совсем неподходящий момент.

— Мне пришлось дать твоей маме обещание! В больнице. У ее постели. За два дня до…

— Я знаю.

— Для нее это было очень важно, вот почему теперь это так важно для меня. Это мой долг перед ней. Неужели ты не можешь понять?

Йонас сделал еще глоток чая, чтобы выиграть

хотя бы пару секунд на раздумья.

— Момент должен быть подходящим. А сейчас это не так.

— Он никогда не был подходящим, Йонас. И никогда не будет. Во всяком случае, не в полной мере. Когда ты посмотришь фильм, это и будет подходящий момент.

Рядом с ними появилась Бритта.

— Мы специально сварили для вас яйца. — Она поставила на стол два яйца в фарфоровых подставках с маленькими тканевыми грелками в форме курочек.

— Большое спасибо, это очень любезно с вашей стороны. — Андреас Энгельбаум улыбнулся ей.

— Да, спасибо, — сказал и Йонас.

Уходила Бритта необычайно медленно.

Йонас снова перевел взгляд на отца.

— Дай мне еще немного времени. Скоро я вернусь домой, и мои мысли придут в порядок.

— Знаешь, что тогда сказала мне одна из медсестер в больнице Святой Хильдегарды?

— Давай поговорим об этом в другой раз? Пожалуйста… Здесь действительно неподходящее место. — Краем глаза Йонас видел, что Имке и Бритта неподвижно стоят в конце столовой и прислушиваются. В желтых фартуках они бук-

вально сливались с обоями.

— Я не могу избавить тебя от этого и не хочу. Медсестра рассказала мне, что большинство людей осознает в конце жизни: что стоило меньше работать и больше времени проводить с близкими. Больше ценить здоровье, пока оно еще было. — Он опустил взгляд. — Сейчас я пока еще здоров и могу посмотреть этот фильм с человеком, которого люблю больше всех на свете.

Глаза Андреаса затуманились, но буйволы не плачут. Он всегда хотел быть сильным, не показывать слабость, поэтому запретил слезам литься. Годами, десятилетиями они хранились где-то глубоко внутри.

Он плакал только после смерти жены и позже, во время траурной процессии, едва успев уйти с похорон. Из-за этого Йонас остался у могилы один, чтобы вместе с бабушкой и дедушкой принимать соболезнования. А Буйвол тем временем скорчился за контейнером для садового мусора, сотрясаясь от рыданий.

— Я закрыл ресторан, чтобы у нас было достаточно времени. Это важно для нас, сынок. Это последние слова твоей матери. Мы должны дать ей их сказать. И должны ее выслушать. Ни один из нас не сможет сделать это в одиночку. Только

вместе.

Йонасу стало нечем дышать, и он вскочил с места.

— Давай продолжим разговор в другой раз. Когда я вернусь домой. — Он подвинул яйцо к отцу.

— Я останусь здесь, пока мы не посмотрим фильм. Сейчас нет ничего важнее этого, мальчик мой.

Опустив голову, Йонас вышел из столовой.

Буйволы очень редко плакали, и с Йонасом была та же история. Кроме того, он тоже предпочитал делать это в одиночестве.

Именно поэтому он отправился к берегу моря, вода которого была настолько соленой, будто в нее уже пролито несметное количество слез.

Уже два часа Стелла сидела за обеденным столом, перед ней стояла коричневая керамическая чашка, наполненная холодным кофе с молоком.

В «Крабе» никогда не наступала полная тишина: ветер вечно скребся о дом, а вдали шептало или шуршало море. Но сейчас царила тишина, наполненная недосказанностью.

Стелла посмотрела на оставшиеся листочки — обрывки воспоминаний, которые ждали, когда их спрячут в безопасное место, в книжный переплет. Вчера вечером в порыве гнева она пла-

нировала купить компьютер и самостоятельно записать историю своей жизни.

Но когда адреналин схлынул, стало ясно, что для нее уже будет достижением найти кнопку включения.

Стелла встала и вышла за дверь, не надев пальто, невзирая на прохладную погоду. Пляж был пуст, только ветер гонял по нему парочку засохших водорослей, как перекати-поле в вестернах.

Рядом с «Крабом» стоял сарай, в котором раньше на зиму складировали садовую мебель. Ржавый навесной замок к этому моменту служил разве что украшением: Стелла отперла его одним движением и распахнула белую деревянную дверь с местами облупившейся краской. Электрического освещения внутри не было, только слабый дневной свет пробивался сквозь щели между деревянными рейками. Стелла оставила здесь несколько столов, стульев и пепельниц, а также большой морозильный ларь, в котором когда-то хранили колотый лед. Раньше он был подключен к электричеству, но теперь уже нет. На нем лежали две тяжелые металлические подставки для зонтов.

Чтобы обезопасить то, что было внутри.

С поразительной целеустремленностью она

приступила к делу. Стелле понадобилась вся сила ее тонких рук, чтобы снять подставки.

Когда она открыла крышку, поднялась пыль, и из морозильника вырвался неприятный, тяжелый запах пластика. Внутри лежал единственный пакет с логотипом дискаунтера, дизайн которого с тех пор уже не раз поменялся.

Стелла смотрела на пакет с таким страхом, будто перед ней было дикое животное, которое в любой момент могло наброситься, укусить, ранить.

Затем она осторожно вытащила пакет и извлекла содержимое.

Впервые за четверть века.

Темно-зеленый фотоальбом из мягкой искусственной кожи. «Open the Dor»[20] — написал когда-то на нем Филипп черным фломастером, из-за чего Стелла с ним поругалась.

Она взяла один из нагроможденных здесь стульев и поставила его возле открытой двери, чтобы хватало света.

А потом села, чтобы посмотреть в глаза своему сыну.

---

[20] Примечания: 20

Фамилия героини (Dor) созвучна с английским словом «дверь» (door), отчего предложение звучит как английское «открой дверь» (Open the door).

24. В животе у кита

Когда вечером, после целого дня бесцельных блужданий по поселку, Йонас подошел к пункту велопроката «Железный табун», его витрины оказались завешены газетной бумагой. Тем не менее изнутри пробивался слабый свет, а значит, вероятно, там все-таки кто-то был.

А именно — Несса, ведь их пятничное свидание должно было вот-вот начаться.

В течение дня Йонас несколько раз набирал на телефоне сообщение, чтобы отменить встречу, но каждый раз его удалял.

Прощаться нужно лицом к лицу.

Поднимая руку, чтобы постучать в дверь, он вдруг почувствовал, что она стала слишком тяжелой, и опустил ее.

В неправильных ситуациях не существовало правильных моментов.

Внезапно дверь открылась сама. Перед Йонасом появилась Несса в большой федоре, которую он ей подарил. Неизвестно, каким образом ей это удалось, но сегодня шляпа сидела на ней идеально.

— Я увидела твой силуэт, заходи.

Йонас замешкался.

— Я…

— Давай же, заходи, чего ты ждешь? Или хочешь еще постоять на холоде?

Он переступил порог.

— Почему здесь так… сине? — Только теперь он как следует разглядел Нессу. — И почему на тебе водоросли?

Она покрутилась на месте.

— Они искусственные. У меня возникла идея, и очень кстати освободилось много лишнего времени.

В углу комнаты стоял торшер, на лампочку которого Несса наклеила синюю пленку.

Однако это было далеко не самое необычное в помещении, где по-прежнему отсутствовали велосипеды. В другом углу Несса соорудила из одеял своего рода туннель в человеческий рост, внутри которого вокруг походной лампы валялось множество подушек.

Она выжидательно смотрела на Йонаса, приподняв брови.

— Э-э… Очень плохо, если я не понял концепт? — Его взгляд последовал за Нессой, которая уселась на подушки, а затем указала вверх.

— Что это?

Он медленно подошел к ней.

— Палатка? В любом случае выглядит очень уютно.

— А что висит там и там?

Йонас наклонил голову набок.

— Картонные тарелки, на которых нарисована черная точка?

— Очевидно же, что это глаза! А что висит над входом в так называемую палатку?

— Белые нитки?

— Усы. Как у всех усатых китов. — Она улыбнулась. — Добро пожаловать в кита, Йонас!

— Это одновременно и мило, и очень остроумно. — Он не смог сдержать улыбку.

— Скажи же? Иди сюда, садись. У нас есть рыба и водоросли, как и положено в чреве кита. — Она подвинула вперед тарелку. — В поселке нет ни одного японского ресторана, поэтому я уговорила Костаса из «Диониса» сотворить что-нибудь похожее на суши. Некоторые с начинкой из гироса,

а это не васаби, а дзадзики, но в животе у кита приходится довольствоваться тем, что есть.

— Ты действительно…

— …чудесная? Уникальная? Вызывающая восхищение?

— Странная.

— Это уже что-то А теперь ты наконец присоединишься? Или мне придется съесть все одной?

Йонас присел на подушку рядом с Нессой — и удивился странным звукам. Потому что на заднем плане из Bluetooth-колонки доносился шум гавайского моря. Сначала Несса пробовала пение китов, но оно очень быстро начало действовать ей на нервы. Вообще-то она хотела еще развесить под потолком лампочки, имитирующие звездное небо над открытым морем, но у старой елочной гирлянды сломался разъем, поэтому она так и осталась в коробке с рождественскими украшениями.

— Это очень мило с твоей стороны.

— Странно мило?

— Нет, просто мило. Хотя немного странно, что ты для меня это приготовила.

— Наверное, на то есть своя причина.

У Йонаса не было аппетита, но он все равно взял одну порцию суши. Если вкусовые рецепто-

ры его не обманывали, внутри оказалась мусака.

С каждым укусом он расслаблялся все больше и с каждым кусочком как будто проглатывал тяжесть прошедшего дня. Но в то же время в животе у него разливалась тоска. Йонас задавался вопросом, как сказать Нессе, что завтра он уезжает. Возможно, признание в чувствах помогло бы легче с этим смириться, хотя подобные слова никогда не давались ему легко. Поэтому он не мог смотреть ей в глаза.

— Ты — лучшее, что со мной здесь случилось. Правда.

Несса промолчала и тоже принялась за греческие суши.

Йонас нежно взял ее за руку.

— Спасибо. За все. Мне на самом деле очень приятно.

— Здорово.

— Но от этого не проще тебе кое о чем рассказать.

Несса выпрямилась.

— О чем именно?

— О Стелле…

И Йонас признался, что теперь он безработный и у него больше нет причин и дальше здесь оставаться.

— Как долго ты еще тут задержишься?

— До… завтра.

— Нет.

— В смысле нет?

— Так не пойдет. У нас же только первое свидание.

— А сколько их нужно, чтобы я мог уехать?

— Четыре. Нет, пять. Здесь, на побережье, это закон.

— Несса, мне действительно очень жаль, но мой отец…

— Стелла просто вздорная старушка с переменчивым настроением! Она наверняка передумает. На море погода меняется быстро, вот увидишь.

— Дело не только в том, чего хочет Стелла. Все, что касается ее сына, так… странно. Мне от этого не по себе.

Несса взяла бутылку вина и наполнила два бокала до краев. Костас специально подарил ей две бутылки своего любимого вина — асиртико с Санторини. Прежде чем заговорить, она сделала большой глоток, и Йонас последовал ее примеру.

— Ты вообще в курсе, насколько ненадежны воспоминания? Я читала, что человек вспоминает само событие всего лишь раз, а затем — предыдущие воспоминания о нем. Как копия

копии копии. Так что неудивительно, что Стелла даже не осознавала, как ты похож на Густафа, — ведь ею руководило подсознание.

— Может быть, она действительно уже не помнит лицо Густафа. В конце концов, в «Крабе» нет ни одной его фотографии.

— Вот видишь! Выпей еще. И пожалуйста, съешь суши с гиросом, я их вообще не могу проглотить.

Две бутылки асиртико спустя они растянулись рядом на подушках и, лежа на спине, смотрели сквозь усы кита на торговый зал велопроката, освещенный синим светом. Алкоголь высвободил их мысли и мечты.

Поэтому Несса вдруг сказала:

— Если бы мы встречались — чисто гипотетически, — то могли бы создавать общие воспоминания. Это правильное слово? «Создавать»?

— «Переживать»? «Творить»? — Йонас повернулся к Нессе и посмотрел на ее красивое лицо, освещенное с одной стороны синим, а с другой — теплым белым светом.

— Так или иначе, мы обязательно должны были бы их документировать и приходить к общей версии событий.

— Каждый получил бы печать и утверждал ею

воспоминания с указанием места и даты, иначе их не разрешалось бы должным образом заархивировать.

— Моя была бы синей, — быстро выпалила Несса.

— Увы, не выйдет, синий — мой любимый цвет.

— Сочувствую, я первая сказала.

— Мы же не в школе. Тут это правило не действует.

— О, еще как действует. Стопроцентно. И я сказала первая. Моя печать будет синей. Можешь выбрать себе фиолетовую.

— Неплохое начало, однако! Это общее воспоминание я точно не проштампую.

— Не вредничай… — Несса придвинулась ближе.

— Нужно пресекать это в зародыше!

— Мы могли бы оба пользоваться синими печатями. В конце концов, это же общие воспоминания.

— Окей, меня устраивает. Я готов штамповать вместе с тобой.

Несса рассмеялась.

— Звучит очень двусмысленно и одновременно супернесексуально.

— Пусть кто-нибудь попробует это повторить. Наконец-то мое неоконченное обучение на факультете германистики принесло хоть какую-то пользу.

Они посмотрели друг на друга, улыбнулись и поцеловались. А поскольку им обоим очень понравилось, они решили продолжить поцелуй.

И только когда они отстранились друг от друга, Йонас понял, что эти поцелуи лишь усложнили ситуацию. Время его пребывания здесь безвозвратно истекало. Если он уедет не завтра, то послезавтра, а может, через три дня. Но в любом случае — скоро.

— Если бы мы только не поехали к Филиппу Дору! — вздохнул он. — Если бы он только не вызвался поговорить со мной. Все было бы так хорошо!

Несса села и откашлялась.

— Не вини себя. Он же буквально сам об этом попросил. Ты тут ни при чем. — Она взяла свой мобильный. — Включу-ка я музыку, шум волн со временем усыпляет. Не представляю, как потерпевшие кораблекрушение выдерживают его в животах у китов. — Положив смартфон на подушку, она с трудом встала, слегка пошатываясь. — Сейчас вернусь, только быстренько…

освежусь.

Вероятно, из-за слабого освещения в зале — или из-за перебора с асиртико — Несса случайно запустила не плейлист, а последнюю сохраненную аудиозапись.

Она уже скрылась в туалете и заперла дверь, когда зазвучало сообщение из голосовой почты.

— Это Филипп Дор. Вы же от меня не отстанете, да? Я совсем не хочу разговаривать с этим биографом; но раз вы все равно не даете мне покоя, приезжайте с ним сюда. Только пусть не затягивает! И не ждите теплого приема. Своими бесконечными телефонными звонками вы не оставляете мне выбора и наверняка сами это понимаете. Не знаю, почему для вас это так важно. Поверьте мне, из этой затеи с автобиографией ничего хорошего не выйдет. Но вам, похоже, все равно на мои предупреждения.

За этим последовал гудок.

Сердце Йонаса тяжело ударялось о грудную клетку. Он посмотрел в темноту, в которой исчезла Несса. А потом встал и вышел из кита.

Одно дело — ложное воспоминание. Но обман — совсем другое. Он как зыбучий песок. На нем невозможно построить отношения.

Пора навсегда покинуть это место.

Как можно скорее.

25. Дом

Сначала появился шум, нарастающий рокот, улетающие стаи птиц, паника, а затем волна — нет, это слишком слабое слово — наводнение, хаос. Жуткий хаос. И повсюду крики, искаженные страхом.

Она ухватилась за что-то. Кажется, за ствол дерева? Откуда он тут взялся? Наверное, это был стол, да, точно. Слишком гладкий, скользкий и неустойчивый, чтобы на него залезть, а значит, оставалось только держаться, сколько хватит сил. Дышать и не наглотаться воды. И надеяться на чудо.

Потом ее вытащили чьи-то руки. Провал в памяти, полевой лагерь, палатки, незнакомые языки. Складные кровати и еда, сплошь незнакомые лица, она чувствует себя такой беспомощной, как никогда прежде.

Автобус везет ее к самолету. Много часов в воздухе.

Она приземляется в холодной стране. Ее встречает женщина — социальный работник, говорящая по-английски. У нее усталые голубые глаза. И полосатая водолазка.

— Где я? — спрашивает девочка.

Незнакомка отвечает.

— А где мои родители, мои братья и сестры?

— Теперь ты должна быть сильной, — отзывается женщина. — Ты сможешь?

Девочка кивает. Ей всегда приходилось быть сильной. Это она умеет.

— Ты помнишь потоп? — спрашивает социальная работница.

— Да, вода уже ушла? Можно мне вернуться домой к своей семье?

— Погибло очень много людей, и твоя деревня полностью разрушена.

— Наш дом тоже? — Девочка зябнет, хотя светит солнце. Слабое солнце.

Женщина кивает.

— Нам пора ехать, я сейчас тебе все расскажу.

Необычная машина, чужие улицы, странные здания. Они останавливаются на пляже. Девочка не хочет выходить, вода пугает ее. Сегодня опять

будет наводнение?

— Все хорошо, — успокаивает ее социальная работница. — Здесь ты в безопасности.

Она берет девочку за руку и ведет к дому.

Девочка замечает в саду перед домом детские качели на бетонном основании. На них ни единой царапины, выглядят как новые.

— Садись, — говорит женщина. — Покачайся пока немного.

— Я хочу домой, — отвечает девочка. Ей не хочется качаться.

— Твоего дома больше нет. И твоей семьи тоже, поэтому мы постарались найти для тебя новую.

— Я не хочу новую! Я хочу свою!

— Я знаю.

— А что же случилось с моей мамой? И с моим папой, братьями и сестрами?

— Этого мы, наверное, уже никогда точно не узнаем.

— Но я хочу знать! И я хочу домой, за своей розовой пандой, блестящей чашкой и фотографией со всеми нами, она висит на стене в кухне.

— Все уничтожено, — говорит социальная работница. — Вся твоя прежняя жизнь исчезла, от нее ничего не осталось. Как бы ты ни искала. Сегодня у тебя начнется новая жизнь. Ты же сама

сказала, что сможешь быть сильной.

— Но я не хочу быть сильной! Я хочу свою маму!

— Пойдем, я тебя кое с кем познакомлю.

Она подходит к двери и звонит в звонок. На пороге появляется супружеская пара, оба дружелюбно улыбаются. Женщина держит в руке плюшевого зайца, мужчина — большую плитку шоколада с орехами.

— Это Хельге и Сабина. Они будут заботиться о тебе. Сначала ты останешься у них на пару недель, а если все пойдет хорошо и вы понравитесь друг другу, то, может быть, навсегда. Тогда они станут твоими новыми родителями.

— Они не мои родители! У меня есть родители! Они мне не нравятся! Я хочу скорее вернуться домой!

— Вам придется набраться терпения, — обращается социальная работница к Хельге и Сабине. — Время лечит любые раны.

— Мы уже выбрали для нее красивое имя, — отвечает Сабина.

— Ее будут звать Несса, — добавляет Хельге.

Девочка вырывается и убегает. Прочь от этих незнакомцев, прочь от этой жизни, прочь от страшного моря.

26. Старые фильмы

Йонас подходил к пансиону, освещенному бледным светом уличного фонаря. На лбу у него выступили капли пота, ведь он шел быстрым шагом, на случай если Несса попытается его догнать.

Но она не пыталась.

Рядом с входной дверью на складном стуле сидел его отец в толстой зимней куртке. Еще один стул был прислонен к стене дома, облицованной красным клинкерным кирпичом.

— Привет, сынок.

— Опять совсем неподходящий момент, папа.

Отец встал и положил огромную ладонь на плечо Йонаса.

— Нет, как раз подходящий. Мы сделаем его таким прямо сейчас. Между нами слишком долго висит этот нерешенный вопрос. Только когда

его не станет, все наладится. Горькая пилюля, я знаю. К тому же тебя занимают другие заботы. Тем важнее наконец покончить с этим. Нужно лишь на время сосредоточиться на том, что действительно важно, посмотреть на ситуацию под другим углом.

Йонас не смог сдержать улыбки.

— Долго ты репетировал речь?

— А что, так заметно?

— Ни чу-точ-ки…

— Ну вот и славно. — Теперь улыбнулся и Буйвол. — Возьми себе стул. Пройдемся немного.

Йонас обратил внимание на шевельнувшуюся занавеску в столовой пансиона, после чего окно тихо приоткрылось.

Ему было все равно. Завтра он уедет отсюда и никогда не вернется.

— Почему бы нам не посмотреть мамин фильм прямо тут? — спросил он.

Буйвол застегнул рюкзак и покачал головой.

— Это не в ее духе.

— Тогда можем взять мой тандем. Я бы с удовольствием прокатился на нем вдвоем.

Отец пригладил бороду.

— На твой страх и риск. И рулить буду я!

Те немногие, кто видел Йонаса и его отца на

тандеме — оба рулили одной рукой, а в другой держали складные стулья, — приняли их за двух пьяниц. А как иначе объяснить их безумный велослалом, в котором они едва не посносили все фонари, скамейки и мусорные баки на набережной?

Однако в конце концов они нашли общий ритм.

Йонасу нравилось, как ветер обдувает лицо и свистит в ушах, хотя из-за этого быстро становилось холодно.

— А куда мы вообще едем? — спросил Йонас.

— Что ты сказал? — не расслышал отец.

— Куда мы едем?

— К полузаброшенному участку пляжа.

— О нет…

— Что?

— А там, случайно, нет пляжного павильона?

— Есть, но он уже не используется. Вокруг него установили ограждение, наверное, из-за опасности обрушения.

— Давай лучше поедем куда-нибудь еще?

— Там все уже подготовлено, сынок. Ни шагу назад!

При помощи бесчисленного множества разноцветных прищепок отец соединил четыре

простыни в один большой экран и натянул его между ржавой спасательной вышкой и старым флагштоком.

В «Крабе» не горел свет, Стелла, должно быть, уже спала.

Разложив складные стулья, Буйвол достал небольшой проектор, подключенный к пауэрбанку. Он даже про Bluetooth-колонку не забыл. Йонас не мог не восхититься техническими навыками отца.

Андреас Энгельбаум настроил изображение проектора.

Пока на полотне светился лишь белый прямоугольник.

— Есть какая-то особая причина, почему экран должен быть таким большим? — спросил Йонас.

Мышцы на спине отца напряглись, он словно окаменел. Только тогда Йонас осознал, что тот тоже еще не смотрел фильм. И наверняка хотел увидеть свою умершую жену в полный рост.

— Она ведь была монтажером и любила киноэкран, сынок.

— Ты прав. Ей бы это точно понравилось. Хорошо, что ты так все продумал, папа.

— Я бы предпочел показать тебе этот фильм в старом кинотеатре у нас по соседству, но теперь

там музей. Твоя мама раньше постоянно туда ходила. Как в собственную гостиную.

— А сейчас ее гостиная здесь. Потому что мы оба здесь.

Тяжелый вздох.

— Красиво сказано. Ну так что, включаем?..

Йонас прислушался к себе: готов ли он? Можно ли вообще быть готовым к чему-то подобному?

— Запускай, — наконец произнес он. — Сделаем это ради мамы.

Буйвол кивнул, наклонился и решительно нажал на кнопку.

На экране появилась Моника Энгельбаум.

К ее руке была присоединена трубка, а к пальцу — провод. В палате интенсивной терапии с холодным, стерильным освещением не смолкали писк, звуки помпы и капельницы. Дисплеи с помощью цифр и мерцающих линий рассказывали историю о том немногом, что еще оставалось от ее жизни. И о том, как она угасала.

Мамино лицо было бледным, практически бесцветным и словно высушенным, кожа — хрупкой, как тонкий пергамент, а она сама будто растворялась на экране. Йонас не ожидал, что изображение — набор цветных точек на белом полотне — так его потрясет, что у него перехватит

дыхание.

— Привет, мой маленький Коржик, сейчас ты уже большой, взрослый Йонас…

Она заставила себя улыбнуться, чтобы не заплакать.

— И привет, Буйвол, ты сейчас наверняка поддерживаешь нашего мальчика. Ведь в этом весь ты — всегда рядом, когда кто-то нуждается в твердой опоре. Благодаря тебе мне немного легче все это переносить. Это страшно, но по крайней мере ты рядом со мной.

Моника тяжело сглотнула. И еще раз.

— Йонас, ты уже прочитал мое письмо и знаешь, почему я не хотела, чтобы ты видел меня такой в детстве. В том возрасте это было бы для тебя слишком тяжело, но это часть правды. И я не считаю нужным закрывать на нее глаза.

Теперь я могу по-настоящему с тобой попрощаться. А ты — со мной. Я хочу, чтобы ты смог меня отпустить. Многие думают, что труднее всего удержать, но на самом деле — отпустить. Знаешь, держать умеют даже новорожденные. Когда младенец хватает тебя за палец, он сжимает его, как тиски. Но отпускать — этому ему сначала нужно научиться. Ведь отпустить — значит почувствовать неуверенность, отсутствие

опоры, разрыв связи.

Моника подняла судорожно сжатую ладонь и медленно раскрыла. Ее лицо при этом исказилось. Затем она подула на нее.

— Пока у меня хватало сил, я постоянно смотрела видео с тобой. Вот ты только родился, а потом, с каждым роликом, становился все старше и старше. Это происходило слишком быстро — и это правильно. Я много плакала, но это тоже, конечно, правильно. Иначе это означало бы, что между нами что-то не так.

Смонтировать для тебя этот фильм стоило мне огромных усилий, но в то же время придало мне еще больше сил. Я хотела хорошо выполнить свою последнюю работу. Свой самый важный монтаж.

На экране из простыней внезапно появилась другая больничная койка. На ней лежала мать Йонаса, но значительно моложе. Пряди влажных волос облепили ее лоб. В руках она держала белый сверток, в котором лежал младенец с красным личиком, на его голове уже виднелся легкий пушок.

Несмотря на измученный вид, на ее лице читалось облегчение — чистое, всеобъемлющее счастье.

Склейка.

Детская коляска, в ней тепло укутанный ребенок, теперь уже с большим количеством волос на голове и открытыми глазами. Мама быстро катит коляску и смеется. Йонас улыбается во весь рот.

Склейка.

Пристегнутый к животу матери, он хмуро смотрит в камеру из-под шапки с помпоном и усердно сосет большой палец, пока в лицо ему дует холодный ветер на Боденском озере.

Склейка.

Йонас неуклюже шагает по снегу, в настолько толстой зимней одежде, что похож на астронавта, совершающего выход в открытый космос. Затем он с визгом падает на спину и делает снежного ангела. Просит маму лечь рядом с ним. Она ложится, а потом щекочет его. Он с трудом поднимается и бросает в нее снежок — попадает прямо в лицо. Мама хохочет.

Сидя на складном стуле на пляже, Йонас чувствовал себя виноватым. Ему хотелось вернуть время назад и не бросать тот снежок или вытереть маме лицо.

Склейка.

Йонас в постели, кашляет, на шее шарф, рядом

на тарелке лежат сухарики. Там же стоит чашка с ромашковым чаем. Мама читает ему вслух. «Маленький вампир»[21] — он очень любил эту книгу.

Склейка.

Купание в ванне с фиолетовой водой, мама намыливает ему голову шампунем, он рыдает с закрытыми глазами и в знак протеста шлепает руками по воде.

Склейка.

Йонас в слишком большой футболке левого защитника на одном из многочисленных матчей, которые его футбольная команда проигрывает с разгромным счетом. Его единственный гол — он вскидывает кулаки, прыгает, кричит от радости. И бежит к мужчине, который все это снимал, а теперь откладывает камеру в сторону, чтобы обнять сына. Кадр падает вбок, но это не имеет значения — и так видно, как они обнимаются.

Йонас оглянулся на отца. Тот так сильно прижал подушечки пальцев к вискам, как будто у него разболелась голова.

Склейка.

---

[21] Примечания: 21

«Маленький вампир» — популярная серия детских фэнтезийных книг немецкой писательницы Ангелы Зоммер-Боденбург.

Сочельник, пол усеян обрывками упаковочной бумаги, Йонас спит на диване, прижавшись к матери, у которой тоже явно слипаются глаза. У него широко раскрыт рот, и он тихо храпит. Папа накрывает их обоих одеялом и выключает гирлянды на рождественской елке.

Склейка.

Деревья, лес, Йонас собирает палки — очень длинные — и гордо тащит их за собой. Мама протягивает ему одну особенно красивую.

Склейка.

Он лежит в родительской постели, крепко сжимая любимую плюшевую игрушку — белого тюленя. Йонас растянулся поперек кровати, так что на ней почти не осталось места.

Склейка.

Все его дни рождения подряд: он задувает свечки-цифры на торте, всем достается по кусочку, затем — игра в горшок с сюрпризом[22], командный поиск сокровища по всему району и,

[22] Примечания: 22

«Горшок с сюрпризом» — традиционная детская немецкая игра, в которой участник с завязанными глазами и ложкой должен найти перевернутый горшок или кастрюлю с угощением или подарком.

наконец, пицца, крембо[23] и перепачканные в шоколаде рты.

Йонас вздрогнул. На долю секунды мама показалась ему Стеллой. Игра света, обман зрения. Он повернул голову и посмотрел на «Краба», притаившегося в темноте. С экрана донеслось мяуканье.

Склейка.

Морле, их толстая черная кошка, которая давным-давно умерла. Маленький Йонас неуклюже поднимает ее, она отталкивает его лапами, но он все равно тискает ее и целует. Мать осторожно освобождает бедное животное из его рук и вознаграждается за это царапиной на лице.

Далее следовали другие видеофрагменты, вихрь воспоминаний и чувств. Время от времени Йонас слышал, как от избытка эмоций у отца вырывается тихий стон; Буйвол все глубже утопал в хлипком туристическом стуле.

Йонас многое забыл, прежде всего — как выглядела его мать в молодости, как она одевалась, ее чудесный громкий смех, но также и свой

[23] Примечания: 23

Крембо — десерт, состоящий из круглого печенья, на котором горкой возвышается пышный белковый крем, покрытый тонким слоем шоколадной глазури.

собственный детский голос. Каким звонким он когда-то был. Или то, что уже тогда он ходил так же неуклюже, как отец, и точно так же морщил лоб. Он казался себе немного чужим, и все же благодаря этим моментам снова почувствовал тесную связь с самим собой.

Вдруг в кадре снова появилась мама в больничной палате. Она смотрела в камеру. На этот раз ее снимал не отец; ракурс выдавал, что она записывала себя на мобильный телефон, который поставила на раскладной столик.

— Спасибо за все, мой Йонас. Мне так повезло с тобой. Хотя твоя комната часто выглядела как разбойничье логово, а уложить тебя спать было настоящей мукой. Что уж говорить о том, чтобы заставить тебя почистить зубы! Надеюсь, теперь с этим нет проблем, а иначе ты бы давно их все потерял. Конечно, иногда я сердилась на тебя, но сейчас я благодарна даже за наши ссоры, ведь без них жизнь не была бы полной, они — часть нашей истории… Я бы так хотела снова на тебя рассердиться.

Она осеклась.

— Я знаю, что ты стал хорошим человеком, потому что ты всегда им был. Ты умеешь отличать хорошее от плохого и стараешься поступать

правильно, даже если это трудно. Кроме того, ты уже умеешь завязывать шнурки и более-менее прилично есть с помощью ножа и вилки.

Она засмеялась. Буйвол рядом с Йонасом тоже засмеялся, но в его смехе слышалась боль.

— Не считая того случая в Кёльне. Никогда не забуду лицо официанта и огурец на его… И за это тоже спасибо!

Улыбка исчезла с ее лица. Очевидно, все это отняло у нее слишком много сил. Дрожащей рукой она взяла листок с записями, лежавший на одеяле.

— Я желаю тебе прожить хорошую жизнь, здоровую и куда более долгую, чем у меня. И пусть в ней будет мало боли. Я желаю тебе хороших друзей, их не обязательно должно быть много, но позволь им заглянуть в твое сердце, хоть это всегда сопряжено с риском. Я желаю тебе оставаться любознательным и увлеченным, чтобы уметь испытывать радость и счастье. Иногда мир очень этому мешает, но именно в такие моменты это особенно важно. А еще я желаю тебе никогда не забывать, сколько гордости и счастья ты мне подарил. Мне и твоему отцу. Ты — его маленький Буйвол, а он всегда будет твоим большим. На его широких плечах мир сразу становится не таким

опасным. Это… утешение для меня.

Она опустила голову. Послышался всхлип, потом она шмыгнула носом.

— Я хотела бы тебе сказать еще столько всего! Но по глупости прочла свои записи и расплакалась, и теперь уже не могу… Да и разве хватит слов, чтобы выразить невыразимое?

Она зажмурилась и прокашлялась. Затем снова посмотрела в камеру.

— Силы на исходе… Пора заканчивать. Я люблю тебя, Йонас. Будь счастлив! Прими мои объятия и поцелуи! Твоя мама… твоя вечно любящая тебя мама.

Экран потемнел.

Йонас встал, наклонился к отцу и обнял его. Тот ответил на объятие. У него это даже хорошо получилось. Он долго-долго не отпускал сына.

Когда они наконец отстранились друг от друга, Йонас увидел, что у отца мокрое лицо.

В тот вечер Буйвол плакал. Он пролил много слез, которые копил годами. Йонас снова его обнял.

Им предстояло наверстать еще столько объятий.

Стелла стояла на самом краю веранды. Она

тоже плакала. Но ее никто не обнимал. Поэтому она сама обхватила себя руками.

От этого ей стало чуть теплее, но не менее одиноко.

Только под утро усталость наконец заставила Йонаса закрыть глаза, после того как голова и сердце не давали ему покоя несколько долгих часов.

Когда он встал, время завтрака уже давно прошло. Отец отправился прогуляться по пляжу. Шторм, который ждали вот уже несколько дней, так и не разразился, а навис над морем, словно волк, готовый к прыжку.

Йонас собрался и взял чемодан. Пора уходить.

Однако вчера вечером на пляже он понял, насколько важно прощаться. Даже если это больно.

Особенно когда это больно.

Жизнь состоит из открытых финалов, история никогда не заканчивается, можно лишь перейти к следующему абзацу или закрыть главу, чтобы начать новую на чистом листе бумаги.

Это важно.

Вот почему он в последний раз отстегнул замок красного тандема и поехал в сторону «Краба».

По дороге Йонас оставил пачку леденцов с шалфеем на автобусной остановке. Бентье они

пригодятся, так как становилось все холоднее. После этого он поехал дальше: слева — серо-голубое море и кремовый песок на пляже, справа — зелень, служащая для укрепления дамб. Он успел полюбить эти цвета.

Пока Йонас сидел в седле и крутил педали, он не чувствовал грусти, но, как только слез с велосипеда, она тут же обрушилась на него и придавила, словно на спину повесили рюкзак, набитый гравием. Каждый шаг ко входу в пляжный павильон давался с трудом.

Поскольку Стелла не открыла дверь, когда он постучал, Йонас проверил, не заперта ли она.

Дверь открылась без труда.

Сегодня листочки Стеллы показались ему перьями птицы в период линьки. Многие уже исчезли, но некоторые так и остались нетронутыми. Как жаль! То, что Йонас успел написать, находилось на флешке, которую он отдаст Стелле. Без выставления счета. Поскольку работа не была выполнена должным образом.

На обеденном столе еще стояли остатки ее завтрака. Масло размякло, недопитый кофе остыл, ломтики салями высохли по краям.

Под скрип деревянных половиц он пошел дальше.

И вдруг услышал. Сначала Йонас подумал, что это ветер, воющий вокруг дома.

Но это были всхлипывания. Из ванной.

Плеск воды выдавал, что Стелла сидела в ванне. Вот она открыла кран, чтобы добавить воды, но рыдания не прекратились.

Йонаса охватило острое желание утешить Стеллу, обнять ее. Но это было бы неуместно, если не сказать назойливо. Стелла будет шокирована. Йонасу не хотелось оставлять плачущего человека в одиночестве, но по-другому не получится.

Сегодня прощание не состоится. Йонас надеялся увидеть высокомерную Стеллу, которая прогонит его из дома. Такую, по которой он не проронил бы ни слезинки.

Но плачущей в ванне Стелле хотелось принести горячий чай.

Он положил флешку на кухонный стол и развернулся, чтобы уйти.

Только на выходе его взгляд упал на маленький телевизор с видеомагнитофоном. На экране застыло изображение — запись была поставлена на паузу. Цвета на кассете поблекли, картинка выглядела не такой четкой, как на современных устройствах, но лицо узнавалось безошибочно.

Улыбающийся мальчик в плавках и с разно-

цветным надувным матрасом под мышкой.

Ни Йонас, ни его отец не удивились бы, если бы это лицо появилось вчера вечером на экране-простыне.

На мгновение Йонас застыл так же, как мальчик на стоп-кадре.

Его улыбка казалась такой открытой, такой свободной, такой теплой, что Йонас тоже невольно улыбнулся.

«Хотелось бы мне с тобой познакомиться», — подумал он.

— Можешь ненадолго остановиться? — Йонас вышел из машины отца и сделал несколько шагов до автобусной остановки.

На левом сиденье из твердого пластика лежал сложенный белый листок, прижатый темным камешком.

Мой дорогой друг,

Вы очень заботливы, за что я Вам безмерно благодарна! Надеюсь, Вы с таким же вниманием относитесь и к себе. Странно, но чаще всего люди, заботящиеся о других, пренебрегают собой — и наоборот. Поэтому, пожалуйста, не забудьте и о леденцах для себя! А если Вам понадобится принимать лекарства, делайте это регулярно. Я знаю, о чем говорю. Но если Вы все-таки забудете, простите себя за это. Это тоже очень важно. Ведь прощение — тоже лекарство. Я всегда говорю (заранее простите старушку за эту забавную рифму): «Кто не прощает, тот многого себя лишает!»

Ваша Бентье

Йонас снова сложил записку и забрал ее вместе с камушком. Потом ласково погладил твердый пластик сиденья.

— До свидания, Бентье. Передавайте от меня привет своему Роберту!

— Ты там что-то потерял? — спросил отец, когда Йонас снова пристегнулся.

— Долгая история. Когда-нибудь расскажу.

— Поездка будет долгой, так что можешь сме-

ло начинать. — Он завел двигатель, знакомое гудение которого ассоциировалось у Йонаса с домом. — Но сначала подашь мне печенье?

— Мы же только что позавтракали.

— Верно, но, когда я запасаюсь провизией в долгую поездку, аппетит появляется сразу, в самом ее начале. Это закон.

Имке и Бритта вручили им на прощание домашнюю выпечку. Маяки, корабли, пальмы, песочные замки и рыбки — все с шоколадной или сахарной глазурью. Нашлось даже печенье в форме кита.

— Это должен съесть ты, — заявил отец, вытащив его из целлофанового пакета. — Восстановить баланс во Вселенной, так сказать. Вот, возьми.

Йонас улыбнулся. Насколько сладким оказалось печенье, настолько горьким было воспоминание о Нессе в животе у кита, которое оно вызвало. Нет, он все-таки не умел правильно прощаться. Иначе сейчас на телефон Нессы пришло бы голосовое сообщение. И даже это было бы далеко не лучшим способом попрощаться.

— Милое местечко, — сказал ему отец, когда снова смог говорить более-менее внятно, и свернул на проселочную дорогу, которая тянулась

по равнине практически идеальной прямой линией.

— Мне не с чем сравнивать, — ответил Йонас.

— Никаких гигантских гостиничных комплексов или фаст-фудов. Зато есть ларек — «Бабусина поварня» или как его там. И кормят там вкусно. Причем все домашнее!

— Мхм.

— Продавщица примерно твоего возраста. Милая девчушка, насколько я еще могу судить. Старалась изо всех сил хорошо меня обслужить, хотя мыслями явно блуждала где-то далеко. — Он переключился на более высокую передачу. — Я уж не стал ей говорить, что она пересолила картошку фри и забыла положить лук в бутерброд с макрелью. Все равно получилось вкусно!

Йонас ничего не ответил, и, возможно, по этой причине отец сменил тему.

— Пансион тоже отличный, не только из-за печенья. Настоящая семейная атмосфера! Обе сестры такие внимательные и заинтересованные.

— Это уж точно. — Йонас посмотрел в окно. Пейзаж казался неизменным, словно натянутым на большой барабан, который постоянно вращался, создавая впечатление, что движется вперед,

хотя на самом деле оставался на месте.

Они помолчали некоторое время, а затем отец включил радио на небольшой громкости — станцию с эстрадной музыкой.

— Ты будешь его пересматривать? — вдруг задал вопрос Йонас.

— Возможно.

— Не думал, что ты захочешь.

— Ну, в ближайшее время — нет. А если и посмотрю, то… в общем, мама сделала версию без вступления и заключения. Знаешь, у меня уже не такая толстая шкура, как раньше.

— Необычно для буйвола.

— Думаю, так бывает со всеми буйволами. Просто по ним не видно.

— Это тоже способ защититься.

— Что ты имеешь в виду?

— Не показывать свою уязвимость. Буйволы — умные животные.

— Так я об этом никогда не думал.

Йонас прочистил горло.

— Но еще, конечно, буйволы — очень неуклюжие животные, которые думают только о еде и ужасно воняют.

— Сказал молодой буйвол старому…

— Эй! — рассмеялся Йонас. — Не надо меня

оскорблять.

Андреас тоже рассмеялся.

— Сам напросился. Теперь в наказание расскажи уже мне историю с автобусной остановкой.

Так Йонас заговорил о Бентье, которая ждала своего Роберта, а потом сразу и о том, что произошло между ним и Стеллой. И чем все закончилось.

При этом Йонас не мог отделаться от чувства, будто он бросил ее в беде. А то, что он выглядел как Густаф, только усугубляло ситуацию.

Отец попытался его успокоить, но Йонасу показалось, что он делает это в первую очередь потому, что считает это своим родительским долгом.

Домой они приехали уже затемно. Когда Йонас вышел из машины, его охватила странная растерянность, и только потом он понял, что ему не хватает шума моря. Мир казался слишком тихим.

Только он вытащил чемодан из машины, как зазвонил мобильный. На дисплее высветилось: «Пансион “Прилив и отлив”».

— Алло?

— Герр Энгельбаум? Это Имке Розе.

— Я что-то у вас забыл?

— Нет-нет. Речь о моей кузине Анке, она только что звонила. Она работает в городской больнице. То есть на самом деле, конечно, речь не об Анке… Ах, что-то я совсем запуталась.

— Ничего не понимаю.

— Стелла Дор попала в больницу. Я подумала, что вам это может быть интересно. Мне…

— С ней все в порядке? — перебил ее Йонас.

— Точно не известно. Перезвонить вам, если появятся какие-то новости?

— Да, пожалуйста… в любое время суток!

— Тогда будем на связи. Надеюсь, вы благополучно добрались. Пока-пока!

Йонас повернулся к отцу, который как раз открывал входную дверь.

— Папа?

— Подожди, этот проклятый ключ опять не входит в замок. Сейчас разберусь.

— Ты можешь отвезти меня на вокзал?

27. Шторм

Ровно в 8:41 утра Йонас стоял в выкрашенном в бежевый цвет коридоре больницы Ордена святого Иоанна перед палатой № 72 и подбирал слова, как другие обычно подбирают одежду. В руке он держал букет, купленный в больничном киоске. Яркие цветы выглядели как насмешка в такой однообразной обстановке. Но поскольку в тот момент Йонас не знал, куда деть руки, держать в них что-то было весьма кстати.

Йонас еще раз глубоко вздохнул. Не для того он трясся всю ночь в поездах и сделал три пересадки, чтобы теперь неподвижно застыть в коридоре.

Он решительно толкнул дверь — она распахнулась с таким грохотом, какого он совсем не ожидал, — и переступил порог.

Стелла лежала одна в трехместной палате, причем прямо у окна. Не зря же она так долго и

громко брюзжала, угрожая всем подряд своими связями с местными политиками и меценатами клиники (с которыми на самом деле она никогда не встречалась) — и так было до тех пор, пока ей не поставили диагноз «разрыв аппендицита» и «ушиб грудной клетки».

Когда Йонас ввалился в палату, она тут же подняла на него глаза.

— Стелла, я… мне так жаль. — Он протянул ей цветы.

Она приподнялась на больничной койке и одарила его долгим взглядом.

— Я… — начала было она.

— Вы не обязаны ничего говорить, — заверил ее Йонас.

— Но я хочу! Дайте пожилой женщине вставить хоть слово!

— Простите.

— Хватит извиняться. Сейчас не ваша очередь. — Стелла провела руками по лицу, которое, казалось, еще больше побледнело и осунулось. — Это непостижимо и даже непростительно, но я действительно забыла лицо своего мальчика. — Стелла взглянула на Йонаса, как будто видела его впервые. — Ваша фотография в объявлении… Вы сразу вызвали у меня симпатию и какое-то

странное ощущение близости. Я совершенно не задумывалась о природе этих чувств. Мне просто показалось совершенно правильным нанять вас. Именно вам я решила доверить историю своей жизни. — На мгновение маска слетела с лица Стеллы, и на нем отразилась боль. — Я всегда хотела узнать, каким был бы мой мальчик, если бы вырос…

В палате воцарилась тишина.

— Мне не следовало обращаться к вашему бывшему мужу, — первым не выдержал Йонас.

— Ни слова больше! — отмахнулась Стелла. — Вы хотели как лучше. Откуда вам было знать, что Филипп — болтун, каких поискать. Выбросьте из головы.

— И то, что я сказал на парковке…

Стелла застонала.

— Сказали в порыве эмоций! И я тоже. Давайте считать, что этого не было. Просто вычеркнем этот момент. — Она сделала жест, будто вытирает доску и хлопнула в ладоши. — Вот, готово. А теперь идите сюда, садитесь ко мне. Хотите конфету? Жеральдо принес мне целую коробку. Хотя я такое не ем. Иначе как бы я сохранила такую фигуру?

— Э-э… Вот именно?

— Правильный ответ! Я начинаю верить в возможность ваших успехов с противоположным полом. Кстати, как дела у вашей Нессы?

Пододвинув стул, Йонас сел у изголовья кровати.

— Что с вами случилось? — вместо ответа спросил он.

— А, ничего. Всего лишь небольшой обморок в ванной. Наверное, переусердствовала с горячей водой. Когда я накинула халат, у меня вдруг потемнело перед глазами, и я… Меня нашел Пауль. Хотя, скорее, Хороший Мальчик. Он ворвался в ванную как бульдозер и… ну, прямо по лицу… Пауль не знал, что делать, и в отчаянии позвонил Жеральдо, а тот сразу вызвал скорую. Поэтому теперь Жеральдо считает, что спас мне жизнь, а Пауль тоже так думает про себя. Мужчины ужасно тщеславны! Но в отличие от нас, женщин, мнят себя совершенно неподвластными этому греху. Так что лучше даже не начинайте.

— Я и не собираюсь.

— Очень похвально! Однако тщеславие у юношей вашего возраста — это еще не главная проблема. В ваших жилах течет не кровь, а чистый тестостерон. Вы, ребята, думаете только об одном — и днем, и тем более ночью. Но это

проходит. Лет через тридцать постепенно сойдет на нет.

— Это… успокаивает.

— Что ж, тогда пойдемте отсюда. Нас ждет важная работа. — С этими словами Стелла откинула одеяло и спустила ноги с кровати.

Йонас не знал, как деликатно объяснить ей, что его карьера биографа окончена.

— Разве вам уже можно уходить?

— Что мне можно, а что нет, решаю по-прежнему я! Стелла Дор не позволит какому-то человеку в белом халате указывать ей, где она должна находиться.

— Но разве не полагается сначала выписаться? Иначе вас начнет разыскивать полиция.

Стелла возмущенно щелкнула языком.

— И то и дело белый слон мелькает! — Она кивнула на картину маслом, прислоненную в углу к стене. — Заберите это с собой, иначе Жеральдо обидится.

— Но это же не «Закат № 5».

— Нет, это № 1. Жеральдо их больше не пишет. Туристы говорят, что на этой версии слишком много солнца и так не бывает. Но он решил, что сейчас солнце мне необходимо. Он, конечно, хочет как лучше, но такого алебастрового оттенка

кожи, как у меня, не бывает у тех, кто постоянно подвергается воздействию этого кипящего светила.

Она провела рукой по волосам и несколькими движениями придала им чрезвычайно эффектную форму. Затем побросала всю одежду из шкафчика в потрескавшийся кожаный чемодан, накинула меховое пальто прямо поверх ночной рубашки и надела туфли на высоких каблуках.

— Могу я выйти на улицу в таком виде? И не смейте тянуть с ответом!

— В таком виде вы можете пойти куда угодно. Хоть на аудиенцию к Папе Римскому, хоть на Венский бал.

— Я еще сделаю из вас приличного мужа! А теперь вперед. Но только попробуйте выглядеть неуверенно или, тем более, виновато! Ведите себя совершенно естественно. Не привлекайте к себе внимания.

План провалился.

Стелла вышагивала впереди, как королева, и снисходительно приветствовала каждого, кого встречала на пути.

Йонас следовал за ней, как неуклюжий паж, держа в одной руке громоздкую картину, в другой — чемодан.

Все взгляды были устремлены на них.

Наверное, еще никто и никогда не сбегал из больницы так эффектно.

Свой чемодан Йонас забрал у стойки регистратуры на входе, где ему прежде с большой неохотой разрешили его оставить. «Я всего на минутку. Туда и обратно. Просто хочу попрощаться».

Когда же он вернулся с бодрой Стеллой в меховом пальто, сотрудница регистратуры встретила его убийственным взглядом.

— Свершилось чудо! — воскликнул он, расплывшись в улыбке.

На стоянке возле клиники Стелла долго не садилась в такси и молча ждала до тех пор, пока Йонас не сообразил, что должен открыть ей дверь. Болеть — это одно, но потерять лицо — совсем другое.

По дороге домой Стелла возмущалась тем, как кошмарно с ней обращались в больнице.

Ей приходилось постоянно ждать!

Еду подавали в пластиковой посуде!

А в ванной не было окна!

В защиту Стеллы следует отметить, что в последний раз она попадала в больницу добрых двадцать лет назад, и тогда ее окружали вниманием, как Грейс Келли и Одри Хепберн в одном

лице.

Она не дала таксисту чаевых, потому что, по ее мнению, он слишком резко входил в повороты, зная, что на заднем сиденье находится больная дама.

Тем не менее, когда Йонас попытался поддержать ее по дороге к «Крабу», она гордо отказалась от помощи.

— Все не настолько плохо!

У нее даже получилось пройти по песку.

Йонас, однако, предпочел бы немного поторопить Стеллу, потому что небо бурлило, как рагу, которое вот-вот выкипит.

Она протянула ему ключ, чтобы он открыл дверь, но для этого ему пришлось сначала положить все, что он держал в руках.

— Какой бардак! И никто из мужчин не догадался тут прибраться. Разумеется, они о таком не думают. Спасать жизни — это геройство, а вот мыть грязную посуду для них слишком низко. Хотя как раз такой подвиг произвел бы на меня впечатление. Пожалуйста, займитесь этим, Йонас. А я пока переоденусь, чтобы мы могли работать.

— Но я же не ваш…

— Я не могу ясно мыслить в ночной рубашке! В

ночной рубашке я могу только спать и заниматься любовью. И то, и другое с вами невозможно!

Так что Йонасу пришлось убрать со стола и помыть посуду, а еще вытереть стол, как учил отец. Хоть в этом он мог помочь, раз уж биограф из него не вышел.

— Решила накинуть что-нибудь простенькое, — заявила Стелла, выходя из спальни. На ней было облегающее фиолетовое платье из шелка с рукавами-фонариками, золотые серьги в форме крупных колец и роскошное жемчужное ожерелье. На ногах — золотистые лодочки. — Мне сразу стало лучше! Итак, давайте продолжим писать. Мне еще столько всего нужно рассказать!

— На самом деле я уже уехал.

— Что за чушь вы несете, Йонас? Вы же стоите передо мной, я вас вижу.

— В смысле, я уже был дома. Вы же меня уволили.

— Что ж, значит, я нанимаю вас снова. Проще простого. Вуаля, вы снова мой гострайтер! А теперь садитесь уже.

— Дело не только в увольнении. Я больше не хочу писать для вас. Потому что вы правы: я не умею. Даже не представляю, как это делается, никогда раньше этим не занимался. У меня нет

команды, которая бы мне помогала. Только я и дутая реклама. Одна сплошная ложь.

Стелла рассмеялась — сначала тихо, потом во весь голос.

— Чудесно! Просто чудесно! — Она поаплодировала Йонасу.

— Что вы имеете в виду?

— Вы актер, совсем как я. Все мы кем-то притворяемся, а потом волшебным образом становимся этим кем-то. Другими словами, вы — именно тот, кто мне нужен.

— Вы заслуживаете кого-то получше. А мне стоит потратить свое время на то, у чего есть будущее.

Стелла пододвинула стул к обеденному столу.

— Садитесь. Давайте для начала выпьем облепихового ликера. Он полезен для здоровья. И придает блеска глазам. Чем больше ликера, тем ярче блестят глаза. Без возражений. — И вот на столе уже стояла бутылка с двумя рюмками, которые тут же наполнили и, по приказу Стеллы, выпили до дна. — Почему же вы вернулись?

— Потому что хотел извиниться. Я думал, вы попали в больницу из-за меня.

— Из-за вас? Не стоит придавать своей фигуре слишком большое значение.

— Вы так разозлились. И не зря.

— Да, это правда. И давно не чувствовала себя такой живой! Праведный гнев — вот настоящий источник молодости. Как я уже говорила, я немного перегрелась в ванной. Ничего особенного, конец истории. Вы вернулись, а значит, во всем были свои плюсы. А теперь давайте работать.

— Моей фирмы больше не существует. С этого момента я помогаю отцу в ресторане.

— Нет.

— Как это — нет?

— Просто нет, и все. Вы останетесь здесь. Мы вместе это начали, значит, вместе доведем дело до конца. Это называется профессионализмом.

— Плохая идея.

— Еще ликера? У вас такой вид, будто вам нужно выпить еще одну рюмку. — Стелла посмотрела на Йонаса, склонив голову набок. — Или скорее целую бутылку.

— Нет, спасибо. Я пойду.

— Никуда вы не пойдете!

— Вы не сможете меня удержать. — Йонас встал.

— Я — нет, а вот погода — да. Вы вообще смотрели в окно?

Йонас открыл входную дверь… что стоило ему

немалых усилий — так сильно на нее давил ветер. На улице стемнело, почти как ночью, хотя было еще утро. По небу неслись темно-серые тучи, море хлестало волнами пляж, дождь лил чуть ли не горизонтально.

— Началась буря. Вам придется остаться. И мы воспользуемся этим временем, чтобы поработать. Если после шторма вы все еще будете хотеть уйти, то, ради бога, идите на все четыре стороны. А сейчас закройте дверь. — Пройдя мимо него, Стелла сама заперла дверь.

Йонас не знал, что делать. Ему совсем не нравилось, когда им командовали, будь то Стелла или погода.

Поэтому он просто застыл.

Стелла же села и начала ритмично постукивать ногтями по столешнице.

Но вдруг прекратила.

— А знаете что? Давайте отложим писанину и листочки на потом. Сейчас я открою последнюю бутылку розового шампанского и выпью пару бокалов, пока реальность не размягчится настолько, что часть меня решит, будто вы действительно Густаф. И тогда мы поговорим. Ведь это же настоящее счастье — иметь возможность поговорить с любимым человеком, которого уже

давно нет в живых. Что вы об этом думаете?

Эта женщина в самом деле умудрилась сказать нечто такое, из-за чего Йонас больше не мог сопротивляться. Он достал ноутбук.

— Ладно, мы поработаем. Но когда буря закончится, я уйду.

— Само собой.

— А что касается работы: я буду задавать жесткие вопросы, не щадя вас.

Она поманила его рукой, как боксер, уверенный, что отобьет любой удар.

— Давайте, не сдерживайтесь!

Йонас сел рядом со Стеллой и открыл документ, в котором недавно беспорядочно набросал перечень вопросов к ней. Собственно, он собирался задать их в конце работы над биографией, но теперь у него возникло непреодолимое желание засыпать ее ими всеми сразу. Чтобы хотя бы на время шторма почувствовать себя настоящим биографом.

— Что ж, приступим: вы встречались с бундесканцлером?

— Ужасно посредственный человек. И актерские способности у него никудышные.

— Правда, что вы просили его оставить автограф на вашей груди?

— Нет, на ягодице. — Стелле удалось сдержать смех всего на пару секунд. — Йонас, видели бы вы сейчас свое лицо! Уже ради одного этого момента стоило вас вернуть. А что касается автографа: это он хотел получить его от меня. На салфетке. Ужасная безвкусица. Но я все равно на ней расписалась. И добавила отпечаток губ. И слова «С любовью». Чтобы людям было о чем поговорить. Как видите, сработало. Сколько у вас еще вопросов?

Йонас пересчитал.

— Сто двенадцать.

— У меня куча свободного времени. До завтрашнего дня мы отсюда не выберемся.

На девятом вопросе отключилось электричество, и Йонасу пришлось печатать при свечах. Пока на шестнадцатом вопросе батарея ноутбука не разрядилась настолько, что он едва успел записать ответ Стеллы на следующий вопрос:

— Правда ли, что когда-то вы дали итальянской кинодиве…

— Да какая из нее кинодива?! Самая обыкновенная потаскушка.

— Правда ли, что вы дали ей пощечину?

— Это была самооборона.

— Я нигде не читал о том, что на вас напали.

— Она имела наглость утверждать, что у меня грудь как у курицы. И это при моей исключительно красивой и изящной груди! Конечно, я не могла не дать ей пощечину. Этого требовал этикет.

— Ну, раз вы так говорите… — Йонас высоко поднял брови.

— Разумеется, я так говорю! К тому же это был всего лишь легкий шлепок. С добрыми намерениями. Чтобы напомнить ей, что она позволила себе лишнее. У женщин с таким выменем, как у нее, это случается довольно часто. Я так ей и сказала. Вообще-то я повела себя с ней чуть ли не по-матерински. Так и запишите.

Экран ноутбука потемнел. Неизвестно, от усталости, стыда или ради приличия.

— В темноте некоторые вещи видны лучше, — подмигнула Йонасу Стелла и принесла постельное белье, чтобы он мог устроиться на диване. — Утром, пожалуйста, завтрак в постель. Яйца варите шесть с половиной минут.

Не успел Йонас ничего ответить, как она исчезла в своей комнате и сразу же сделала вид, будто храпит.

Йонас улыбнулся.

Стелла была, без сомнения, чрезвычайно

изворотливой женщиной, но она ему очень нравилась.

28. Как обстоят дела с правдой

В семье бурь нынешняя была всего лишь младшей внучкой. Но Йонасу, который никогда раньше не сталкивался с представителями этого буйного племени, она казалась предвестником конца света. Ночью он то и дело просыпался от страха, что ветер сорвет крышу с «Краба» или вообще опрокинет павильон. Не на слишком ли тонких сваях он стоит? И разве его не должны снести из-за угрозы обрушения? Вдруг в этом есть доля правды? И все же Йонас снова и снова проваливался в сон от усталости — и в конце концов Стелла сама принесла ему завтрак в постель и сообщила, что электричество снова работает.

Как только он смог более-менее двигать конечностями, затекшими от неудобного положения во время сна, Йонас подошел к входной двери и открыл ее. Пляж выглядел так, будто по нему

прошлись огромной соломенной метлой. Над побережьем дул приятный легкий ветерок.

— Боюсь, шторм еще не совсем закончился, — с улыбкой сказала Стелла, усаживаясь с чашкой кофе за обеденный стол. — Вам еще предстоит превратить мою жизнь в красивые фразы, достойные моей персоны.

Йонас обернулся.

— Это что, самоирония?

— Я искренне не понимаю, о чем вы.

— А это что, намек на улыбку?

— Пожалуйста, смотрите на экран своего ноутбука!

Около полудня они услышали со стороны пляжа странный гремящий звук, который не могла бы произвести даже самая свирепая буря.

Стелла выглянула наружу.

Всего в нескольких метрах от ее забора стоял желтый бульдозер. Быстрым шагом она направилась к лестнице.

— Немедленно остановитесь! Я все еще живу в «Крабе». Вы не имеете права этого делать!

Двигатель заглушили, и из бокового окна высунулась голова.

— Бургомистр предупреждал нас, что вы попытаетесь использовать этот трюк. В таком случае

мы вызовем полицию.

— Звоните кому хотите! Вы меня отсюда не вытащите! — Стелла громко захлопнула за собой дверь.

— Пишем дальше, — приказала она Йонасу.

— Но если сейчас приедет полиция… — попробовал возразить он.

— Я притворюсь, что у меня заразная болезнь, тогда эти трусы побоятся приблизиться. Я уже успешно имитировала и чуму, и коклюш!

— Тогда они вызовут скорую помощь, и вас увезут.

Снаружи раздался грохот.

Когда они выглянули, бульдозер снес забор и проехал по колышкам. Звук напоминал хруст ломающихся костей.

Затем машина двинулась к пристройке с бывшим складом.

— Я брошусь под это чудовище! — Стелла сняла пальто с вешалки. — Vive la révolution![24]

Йонас схватил ее за руку.

— Если спуститесь туда, вас немедленно увезет полиция. А потом бульдозер снесет «Краба». Ради меня он точно не остановится.

---

[24] Примечания: 24
«Да здравствует революция!» (фр.)

— Значит, настал момент навсегда покинуть эту сцену!

Бульдозер вырвал первый столб пристройки. Они почувствовали толчок.

— Давайте соберем самое необходимое, Йонас.

— Вы что, даже не начинали паковать вещи?

Стелла небрежно взмахнула рукой.

Бульдозер сбил второй столб, «Краб» содрогнулся.

Именно в этот момент на дюне появились люди. Назвать это демонстрацией — все равно что назвать трех сельдей косяком. Йонас узнал Пауля, хромающего из-за гипса на правой ноге, вместе с Хорошим Мальчиком, а также Жеральдо, как всегда, в узнаваемых розовых ковбойских сапогах. С ними шли сестры Розе, ворчливый продавец из лавки «У тети Эммы», а также три человека, которых он никогда раньше не видел.

И Несса.

Она держала в руках плакат. «Оставьте нашу Стеллу в покое!» — значилось на нем большими красными буквами. Судя по всему, она прикрепила к двум метлам белую скатерть в цветочек.

— Они пришли ради меня… — В голосе Стеллы вдруг не осталось ничего от ее прежней энергичности, с нее словно в один миг смылся весь грим.

Раздался грохот — третий столб. Пристройка рухнула, увлекая за собой стену гостиной и часть крыши. Три книжных стеллажа с множеством автобиографий упали на песок, разноцветные листочки подхватил ветер.

— Вы с ума сошли?! — заорал Йонас.

Голос Стеллы, напротив, было едва слышно.

— Мои воспоминания…

Протестующие промаршировали прямо к бульдозеру и выстроились перед ним. Жеральдо даже залез в ковш.

Мотор заглушили.

— Слезай оттуда! Сейчас же!

— Забудь об этом, Пер! — Имке помахала рукой водителю. — У тебя нет шансов, как тогда, в голландских салочках[25] на школьном дворе!

Несса передала Паулю плакат и отступила на несколько шагов, чтобы снять все на мобильный телефон.

— Это немедленно попадет в интернет! Давайте, ребята, все вместе: Стелла Дор должна остаться!

Йонас сбежал вниз, чтобы присоединиться к группе. При этом он прошел мимо Нессы.

— Можно мне присоединиться?

---

[25] Примечания: 25

В голландские салочки играют на велосипедах.

Девушка опустила телефон и повернулась к нему.

— Не думала, что ты вернешься.

— Я тоже.

Она отвела его в сторону.

— Но это хорошо. Очень-очень хорошо. Потому что я наконец-то могу тебе кое-что сказать. Послушай, мне действительно очень жаль, что я не рассказала тебе правду. Но я думала, что иначе ты ни за что не поедешь к Филиппу Дору и не узнаешь того, что тебя так интересует. Ведь важно выяснить, как все было на самом деле. Докопаться до корней.

— Правда — всегда лучший вариант.

Несса опустила глаза.

— Оглядываясь назад, я и сама это поняла.

Йонас потянул себя за мочку уха.

— Что было, то было. — Он посмотрел на их мини-демонстрацию. — Спасибо тебе за эту акцию. Мне казалось, что в поселке, за редким исключением, все хотят избавиться от эксцентричной Стеллы Дор.

— И я как раз знаю эти «исключения» в лицо. Кроме того, я выяснила, когда состоится выселение. На самом деле оно планировалось еще вчера, пока Стелла лежала в больнице, но из-за

непогоды им не удалось его провести. — Несса посмотрела на пожилую актрису, которая спустилась вниз и металась по пляжу, пытаясь спасти как можно больше своих листочков. — Нельзя так обращаться с такой женщиной, как она.

— Вообще-то, ни с кем нельзя.

— Да, верно. Нам всем следует лучше относиться друг к другу. — Несса посмотрела в глаза Йонаса. — А как мы теперь будем друг к другу относиться?

— Не знаю. Понятия не имею, смогу ли я простить твой обман. И смогу ли снова тебе доверять.

Завыли сирены, замигали проблесковые маячки, Несса вытерла глаза и достала мобильный.

— Надо это заснять…

Как выяснилось, полиция не любит, когда ее снимают.

Вдруг Имке позвонил бургомистр (с которым она когда-то украдкой целовалась на ярмарке между прилавком с сахарной ватой и автодромом) и объявил, что снос будет временно приостановлен. Совет общины еще раз обсудит будущее «Краба». Среди протестующих раздались ликующие возгласы, а Стелла в честь этого события угостила всех несколькими бутылками водки

из своего коктейльного запаса.

Йонас знал, что не может сейчас оставить Стеллу одну. Когда он сказал ей об этом, она улыбнулась и нежно погладила его по щеке.

Прежде чем продолжить работу над автобиографией, они затянули разрушенную часть павильона пленкой из строительного магазина и закрепили ее деревянными досками.

Тем не менее казалось, что в боку у «Краба» теперь зияла открытая рана.

Бульдозер они обмотали оградительной лентой и залили замки суперклеем. Несмотря на серьезность ситуации, оба чувствовали себя при этом как дети на игровой площадке.

Когда они снова остались вдвоем за обеденным столом и Йонас расспрашивал Стеллу о съемках чешского фильма-сказки «Золушка», у него в голове эхом звучала одна фраза.

Правда — всегда лучший вариант.

Тайком от Стеллы Йонас начал вставлять собственные комментарии в тех местах, которые хотел проверить.

Он запишет жизнь Стеллы ее собственными громкими словами.

Но также попробует отразить правду.

Никто никогда не говорил, что правда — это очень трудно. Йонасу ради нее пришлось звонить по телефону, писать электронные письма, совершить несколько личных визитов (которые из-за расписания общественного транспорта казались кругосветными путешествиями), а однажды даже отправить факс — и только в местной администрации еще работал необходимый аппарат.

Стелла никогда не жила на вилле в Нойвиттельсбахе. Только в большом доме в Нимфенбурге.

Она никогда не получала предложений из Голливуда, только одно из Канады.

Легендарный Марио Адорф не называл ее немецкой Одри Хепберн — он вообще никогда о ней не высказывался.

Стелла прожила вполне успешную жизнь, но в своих рассказах покрывала ее толстым слоем глянцевой краски, чтобы она выглядела безупречно. Если это и было вранье, то она столько раз повторяла его самой себе, что оно превратилось в ее собственную правду.

Иногда Йонас пытался поскрести этот слой, но поверхность давно затвердела.

Записки вытаскивались из автобиографий великих умов одна за другой, как и из банок с сахарным песком, стопок простыней и шкафчиков

в кладовке. Они исчезали, как листья с деревьев в осенние дни.

Пока в какой-то момент в «Крабе» не осталось всего одиннадцать листочков. Один день работы, не больше, и жизнь Стеллы будет рассказана.

Эта мысль так угнетала Йонаса, что по дороге в пансион он забыл купить что-нибудь для Бентье. Когда он добрался до «Прилива и отлива», бежать в маленький магазинчик было уже слишком поздно.

Прямо за столовой располагалась кухня, отделенная раздвижной дверью. Сквозь щель внизу пробивался свет, и Йонас коротко постучал, прежде чем ее отодвинуть. Крошечное помещение без окон от пола до потолка покрывала белая плитка. У раковины стояла Имке в фартуке и светло-голубых резиновых перчатках, перепачканных кроваво-красной жидкостью. Пахло рыбой.

— Герр Энгельбаум, что вы здесь делаете? Постояльцам нельзя заходить на кухню. — Она отложила свеклу для салата с сельдью.

— Простите. Я только хотел спросить, не найдется ли у вас для меня пакетика орехов?

— Зачем вам орехи? Какая-то особая диета? — Она с громким щелчком сняла перчатки и помыла руки.

— Я собирался передать их Бентье, которая всегда ждет автобус, потому что ее муж озвучивал объявления на остановках.

— Чудн*ая* история, правда?

— По-моему, прежде всего трогательная.

— Вы знали, что наш автобусный парк перезаписал все объявления через три года после смерти ее мужа? Они тогда полностью перешли на цифровую систему. А Бентье? Она этого не замечает. И каждый день снова приходит на остановку.

— Правда?

— Конечно. Ведь поначалу это, естественно, стало горячей темой для разговоров в поселке.

— Она, наверное, по-прежнему слышит своего мужа.

— Голоса звучат совсем по-разному.

— Разум — мощный инструмент, позволяющий искажать реальность. Вторая теория относительности Эйнштейна.

— Какая ерунда! Бентье знает, что это голос не ее мужа, но все равно туда ходит. Какой в этом смысл?

— А какой смысл ходить к могиле?

— Это совсем разные вещи. — Имке так энергично вытерла столешницу, будто это она ей

перечила.

— Так у вас есть орехи или нет?

Она бросила тряпку в раковину.

— Сначала поговорим о Нессе. Я устала молчать. Я считала вас порядочным человеком с ясным умом, но такое!..

— Что вы имеете в виду?

Имке поправила фартук, затем скрестила руки на груди.

— Я считаю, что вы совершенно неподобающим образом обошлись с бедной девочкой. Она этого не заслуживает.

— Честное слово, я не обязан это выслушивать. — Йонас развернулся, чтобы уйти.

— От того, что вы закрываете глаза на правду, она не изменится! Я же видела, что происходило между вами.

Йонас снова повернулся к Имке.

— Что она вам рассказала?

— Как будто Несса что-то расскажет! Она слишком скрытная. Но иногда слышишь что-то краем уха или замечаешь краем глаза и легко складываешь два и два. Вы бросили ее и уехали, не сказав ни слова.

— Звучит так, будто вы за мной следили.

— Что за наглость! Как будто я интересуюсь

жизнью других людей! И не меняйте тему. Вы плохо поступили с Нессой, и это после всего, через что ей пришлось пройти. Расскажи ему ты, Бритта, я слишком рассержена.

Йонас даже не заметил, что Бритта вошла на кухню и стояла прямо за его спиной. Он вздрогнул.

— Као-Лак, — сказала Бритта, — Вот. Теперь вы знаете.

— Као… что? — не понял Йонас.

— Цунами тогда смыло всю ее деревню. Несса была единственной выжившей.

— Вся ее семья погибла в той катастрофе, — добавила Имке. — Она осталась совсем одна, совсем маленькая, без дома! Ей ничего не известно о родителях, даже как они выглядели — не сохранилось ни одной фотографии.

— Все исчезло, как будто ее прошлое стерли.

У Йонаса словно пелена спала с глаз.

Несса хотела, чтобы Йонас узнал все о жизни Стеллы. Потому что она сама никогда не узнает, что произошло в ее прошлом.

Он достал мобильный и быстро что-то набрал.

— Неужели вашему поколению обязательно нужно все делать через телефон? — возмутилась Имке. — Неужели нельзя просто нормально пого-

ворить друг с другом, не уставившись в экран?

Йонас поднял глаза.

— Мне нужно идти. Вы наверняка и так знаете куда.

Днем туман окутывает мир волшебством, а ночью пробуждает призраков. Только фонари на набережной создавали маленькие островки света в серо-белой пустоте.

Йонас повыше застегнул молнию на куртке — казалось, стало еще холоднее, чем обычно.

Непримечательный дом семьи Нессы находился на окраине поселка и внешне никак не выдавал, что в нем живет такой особенный человек.

На мгновение Йонас задумался, не найти ли камушек и не бросить ли его в окно Нессы. Но с его меткостью он скорее попал бы в окно ее приемных родителей или разбил бы окно соседей.

Поэтому он написал сообщение.

Можешь спуститься? Я хочу поговорить.

Ответ пришел быстро.

Уже очень поздно…

Да, очень поздно для моих извинений! Поэтому они не могут больше ждать.

Не знаю.

Просто выслушай то, что я хочу сказать. А потом можешь влепить мне пощечину, погладить по голове, поцеловать (щеки, губы, нос — выбирай что угодно!) или столкнуть меня в море.

На этот раз ответ пришел не сразу.

А комбинации допускаются?

Удиви меня!

Подожди.

Йонас переминался с ноги на ногу и потирал руки, чтобы согреться. Когда Несса появилась в дверях, на ней было теплое пальто — хороший знак. Как она его поприветствует? Это улыбка на ее лице? Может, она сразу возьмет его под руку?

— Давай немного пройдемся, — сказала она и прошла мимо него.

Йонас быстро ее догнал.

— Несса, прости меня.

— Поясни, пожалуйста.

— За то, что ушел в тот вечер — просто так, не сказав ни слова.

— Продолжай.

— За то, что я уехал — просто так, не сказав ни слова.

— Продолжай.

— За то, что не выходил на связь. Это было чертовски глупо с моей стороны.

— Причина?

— Потому что я идиот?

— Хорошая причина. Правильная. Но это только половина правды.

— Ладно. Когда из сообщения на твоей голосовой почте я узнал, что ты мне солгала и подстроила ту историю с Филиппом Дором, я просто как…

Несса остановилась и приложила указательный палец к его губам.

— Теперь мы оба извинились.

— Между нами снова все в порядке?

Она убрала палец.

— Мой гнев и разочарование, моя обида постепенно утихают. Интересно, для этого есть какой-нибудь специальный термин? В смысле, для состояния обиды? «Степень обиженности»? «Процесс обижания»?

— «Повышенная обижаемость»? Или, например, «обижательность»?

— В любом случае я достаточно долго этим занималась. Это вредно для здоровья. Куда больше мне нравится, когда ты мне нравишься. — Она пошла дальше, ее шаги, казалось, стали легче.

— Да, точно. Мне тоже очень нравится, что ты мне нравишься.

— Слышишь?

— Что? Я ничего не слышу.

— Звук в тумане совсем другой. Как будто все завернуто в вату. Никакого эха или чего-то подобного.

— Как будто мы одни в мире.

— А туман подбирается все ближе. Нам все меньше и меньше видно, что нас окружает, мир сужается.

— Хорошо, что ты со мной. С бутылкой дешевого вина и пакетом чипсов было бы еще лучше, но ты — уже начало.

— Какой же ты все-таки дурак! — рассмеялась Несса.

Теперь уже Йонас остановился.

— Это Пауль? С Хорошим Мальчиком?

Несса проследила за его взглядом, затем потянула Йонаса за руку за собой.

— Я ничего не вижу, — сказала она. — И не слышу тоже.

— Странно.

— Наверное, туманные духи. Бу-у-у! — Она зловеще выпучила глаза.

— Конечно, и сейчас к нам заглянет Клабаутерман.

— Не произноси вслух имя корабельного духа! — Несса смогла оставаться серьезной лишь мгновение, а затем расхохоталась. — Вы, северяне, серьезно… — И Несса опустила глаза. — Как долго ты еще пробудешь у нас?

Йонас закинул руку за голову и потер шею.

— Завтра я закончу книгу. И отцу срочно нужна моя помощь в ресторане.

— Но я думала, ты хочешь заниматься писательством…

— Да, но это придется отложить. Семья важнее. И тот короткий отрезок времени, который нам отпущен с близкими.

Йонас прикусил нижнюю губу, осознав, кому он только что так небрежно это сказал.

Но Несса утвердительно кивнула.

— Ты совершенно прав. Время с ними не купишь ни за какие деньги мира. Остается только вспоминать. Но нужно внимательно следить за тем, чтобы воспоминания не причиняли только одну боль. Надо, чтобы они вызывали и смех.

— Прости…

— Не извиняйся. Моя семья — часть меня, очень важная часть. Все могут говорить о своих родных, и, по-моему, было бы несправедливо, если бы со мной дела обстояли иначе только потому, что я их потеряла. Это превратилось бы в двойное наказание. Когда-нибудь я узнаю о них все, что только можно узнать. Я больше никогда не смогу с ними воссоединиться, но стать чуть ближе к ним точно сумею.

Йонас подумал, что тоже хотел бы присутствовать при этом. На случай, если ей понадобится рука, на которую можно опереться.

— Стоп! — вырвала его из раздумий Несса.

— Что такое?

— Еще два шага, и ты ударишься головой.

Йонас осторожно шагнул вперед. Перед ним появилась «Бабусина поварня». Новый плакат с изображением поющей рыбы гласил: «Душе поможет морской воздух, а телу — бутерброд с рыбой!»

— Подожди минутку, я открою. — Несса разблокировала замок и включила свет.

— Ты что, специально привела меня сюда?

Вместо ответа Несса протянула ему руку и потянула за собой внутрь.

— С тех пор как я впервые тебя здесь увидела, мне хотелось поцеловаться с тобой за прилавком.

— В застоявшемся запахе фритюра и рыбы?

— Ужасно извращенная эротическая фантазия, да? Ну так что, рискнешь? Или у тебя другие планы?

— Нет. — Йонас покачал головой. — А главное, я даже представить себе не могу, чего бы сейчас хотел сильнее.

29. Мягкий песок

Когда на следующее утро Йонас вышел из пансиона, обрывки тумана, словно тонко растянутая сахарная вата, висели над морем и растворялись в лучах утреннего солнца. Когда он впервые побывал на побережье — ему тогда, наверное, было лет восемь, — Йонас думал, что вид на море бесконечен, что оно тянется, повторяя изгиб Земли. Позже он узнал, что эта «бесконечность» простиралась всего на пять километров. Дальше с пляжа море было не видно.

Йонас отстегнул свой тандем и сел на широкое сиденье.

Последняя поездка к Стелле, чтобы запечатлеть ее воспоминания, вызывала больше эмоций, чем все предыдущие. Йонас острее чувствовал прохладный ветерок на лице, море шумело громче, блики на воде сияли ярче, чем когда-либо, и

казалось, будто все цветовые фильтры усилились до предела.

Тем временем Стелла проверяла перед зеркалом, как на ней сидит ободок с розовым пером. Она всегда считала, что нужно одеваться чуть наряднее, чем того требует случай. А сегодня случай был особый. Последнее выступление в ее жизни, ее dernière[26], после которого — уход со сцены и аплодисменты.

Последний листочек.

Она приберегла его. Взяла разбег.

Он торчал из большого стеллажа, прямо посередине, словно клинок, вставленный туда и так и не извлеченный для исцеления.

После того как Стелла закончила прихорашиваться, она взялась за торт «Черный лес» и выставила его на своем лучшем фарфоре. Прощание должно быть таким же, как и приветствие, круг должен замкнуться. И даже если сейчас у «Краба» не хватало одной стены, его подлатали и зафиксировали, как сломанную кость.

Стелла то и дело переставляла столовые приборы, потому что все выглядело не так, как надо, хотя она прекрасно понимала, что истинная при-

---

[26] Примечания: 26
Здесь: «прощальный спектакль» (фр.).

чина заключалась в беспокойстве и беспорядке внутри нее самой, от которых она стремилась избавиться, двигая посуду туда-сюда.

В дверь постучали.

— Входите, молодой человек. Я одета.

Переступив порог, Йонас протянул ей яркий букет, смотревшийся гораздо дороже десяти евро — наверное, потому, что его купила Имке, которая немного доплатила.

— Ну что вы, это было совершенно не обязательно, — сказала Стелла, принимая цветы. — Хотя женщин вообще нужно каждый день купать в цветах. Это полезно для их кожи, настроения и либидо. Но не бойтесь, Йонас!

Она кокетливо подмигнула.

— Это в знак благодарности… за все.

— Нет, теперь придется сделать все по новой. Букет для дамы никогда не должен быть благодарностью, даже если на самом деле таковой является.

— А что же он тогда должен означать?

— Это всегда комплимент ее красоте, грации, элегантности. Так что будьте добры… — Она отдала букет обратно. — Давайте, вы справитесь.

Йонас снова протянул ей букет.

— Это вам, Стелла, красивые цветы для… кра-

сивой женщины?

— «Для еще более красивой женщины» звучало бы гораздо лучше, но и это вполне сносно. Вы заслужили чашку чая. Я специально купила его для вас. Можете пока все приготовить?

Йонас сел, деревянное сиденье стула сегодня казалось особенно жестким. На столе стоял «Черный лес» — тот самый торт, который был здесь в его первый визит. Йонас узнал его по разрезу. Стелла положила ему на тарелку большой кусок. Улыбаясь ей, Йонас отправил в рот первую вилку. Из-за заморозки торт был абсолютно безвкусным.

— Кстати, я нашел копировальный центр, куда сегодня вечером отправлю файл, и завтра они пришлют мне экземпляр курьером. В смысле, в переплете, поэтому я уже переснял картину для обложки. Я мог бы отправить вам книгу по почте, но хочу вручить ее лично. Ведь для меня это тоже нечто особенное. Конечно, пока что это будет только черновой вариант. После этого я сразу же внесу все ваши исправления и отправлю в печать таким тиражом, каким вы пожелаете.

— Мне нужно два экземпляра. — Стелла вернулась с двумя чашками чая — одной для Йонаса и одной для себя.

— Что, простите? — Он, должно быть, ослышался.

— Два экземпляра. Для Филиппа и Марлен. Нет, четыре. Один положим на могилу Густафа. А один поставим сюда, на полку. Я ведь уже давно освободила для него место. Даже если они скоро снесут «Краба». Один должен быть здесь!

— А как же все ваши поклонники?.. — И его карьера биографа. Без публикации не будет рекламы. Без рекламы не будет новых клиентов.

Йонас был шокирован. Впрочем, шок очень быстро прошел. Четыре экземпляра — это то, чего хотела Стелла. А значит, это именно то количество, которое необходимо. Йонас удивился самому себе. И вдруг понял, что это уже давно не работа, а дружеская услуга. А они не тиражируются.

Стелла приподняла слишком темные брови.

— Разве поклонникам интересна моя жизнь? У них есть мои фильмы. Это все, что я могла им дать. А моя жизнь принадлежит только мне. За мою биографию! — Она подняла чашку. — Вообще-то нам следовало бы чокнуться шампанским, но, во-первых, я пью его только после полудня, а во-вторых, я уже опустошила свою последнюю бутылку.

Они чокнулись чаем.

Йонас сделал глоток и тут же поставил чашку обратно.

— Там же алкоголь!

— Конечно! Ямайский ром. В конце концов, нужно же хоть немного отпраздновать. Налить вам еще?

— Нет, этого уже… вполне достаточно.

Стелла отставила свою чашку, чересчур громко стукнув ею по столу.

— Итак, момент настал.

— Последняя записка.

— Достаньте ее, Йонас. Вы это заслужили.

Он встал и подошел к самому большому из стеллажей, заполненному автобиографиями. Осторожно вытащил книгу, из-под которой выглядывала бумажная салфетка. На обложке был изображен океанский гигант с четырьмя трубами, а перед ним в воде дрейфовали айсберги.

«Титаник».

— Существует две автобиографии выживших в той катастрофе, — пояснила Стелла. — Одна — полковника Арчибальда Грейси, пассажира первого класса, а другая — Лоуренса Бизли из второго.

«Гибель “Титаника”». Так называлась книга

Бизли, которую Йонас поставил на место. Взяв бумажный платочек, он снова сел за свой ноутбук.

— Это первая записка, которую я написала. Пусть в ней и не было никакой необходимости.

— Почему?

— Потому что я никогда не забуду этот момент. Я скажу вам, что там написано, хотя не видела этих слов с тех пор, как вывела их тогда на бумаге: «Мягкий песок. Ветер. Руки Марлен. Отпустить».

Йонас разобрал поблекшие буквы и кивнул. Он протянул платочек Стелле, которая взяла его и осторожно разгладила.

Бумажный платок был невероятно легким, хотя слова на нем когда-то дались Стелле очень нелегко. Когда-то на него пролились слезы, но они давно высохли, влага много лет назад испарилась и улетела через окно к морю, чтобы пролиться над ним дождем.

Стелла поискала следы слез, но бумага казалась безупречной.

— Они оба собирали вещи все утро, а я пошла гулять, потому что не могла наблюдать, как они постепенно покидают меня. В то время мы жили в арендованной квартире, которую сняли для отдыха у моря. На похороны мы уезжали домой, но после этого мне потребовалось сразу же вер-

нуться сюда. Они поехали со мной, хотя явно не хотели. — Рассказывая, Стелла заламывала руки. — Когда я вернулась с прогулки, они уже ждали меня с упакованными чемоданами. Я не осилила попрощаться с ними в дверях, это казалось ужасно неправильным. Поэтому мы пошли на пляж, на тот участок, где…

Нет, она не хотела говорить об этом снова. Некоторые несчастья теряют устрашающую силу, если рассказывать о них достаточно часто, превращая в историю, которая кажется нереальной. Но с этим событием, разделившим жизнь на до и после, такого никогда не должно случиться.

— Там мы попрощались — как семья, вчетвером. Они уходили от меня по мягкому теплому песку. Дул легкий ветерок, почти нежный, как сейчас помню. — Она сделала еще глоток чая, ром немного помог.

Йонас тоже сделал глоток, но его горячий напиток успокоить не смог. Он пытался сосредоточиться на работе, не дать чувствам взять верх. Сегодня его последний рабочий день в качестве автора, а значит, необходимо сохранять профессионализм. По крайней мере, так он себя убеждал, хотя с трудом справлялся с эмоциями.

— Почему на платочке написано: «Руки Мар-

лен»?

— Малышка держала мою руку в своих… не хотела отпускать… тянула меня за собой, чтобы я пошла с ней к машине. Марлен рыдала и визжала: «Мама, мама, пожалуйста». Она не могла понять.

Люди с такой легкостью говорят, что у них разрывается сердце, но с того дня сердце Стеллы действительно разделилось на две части. Одна половина уехала с Марлен и Филиппом, другая осталась с Густафом у моря.

— Вы оттолкнули ее?

— Боже упаси! Нет, конечно! Филипп оттащил ее. Хотя она сопротивлялась. Не хотела уходить от мамы. Я мечтала, чтобы она осталась со мной, но это было невозможно. Это было бы хуже для нее.

— Но так ей тоже было плохо.

Стелла встала и подошла к полке, где оставалось пустое место для ее автобиографии.

— Нет, вовсе нет. Ей пришлось расти без матери. Но она была тем ребенком, о котором Филипп хотел заботиться Филипп. Ну а мне пришлось остаться с Густафом. Я знаю, о чем вы думаете… Можете даже не озвучивать. «Густаф мертв, а Марлен жива. Поэтому их нельзя сравнивать». Но тогда мое сердце чувствовало иначе.

Йонас не отрывал взгляда от экрана.

— Ваш муж сказал что-нибудь на прощание?

— Что он любит меня. И всегда будет любить.

— А вы?

— Что можно сказать, когда ты онемела от боли? В таком состоянии человеку не под силу произнести что-то столь прекрасное, столь жизнеутверждающее, как «Я тебя люблю». Ведь в тот миг он живет в мире, из которого высасывается вся любовь.

— То есть вы совсем ничего не сказали на прощание?

— «Всего хорошего», — вот что я сказала. А Филипп ответил: «Приезжай к нам сразу же, как только отпустишь. Мы ждем тебя!»

— И когда?..

Стелла скомкала платок.

— На этом записка заканчивается. Все уже сказано. — Она открыла окно и выбросила ее. — То есть… не совсем. — Стелла подошла к большому керамическому кувшину, на котором синей краской было написано «Соль», и вытащила оттуда снимок. — Филипп сфотографировал меня в тот день и чуть позже прислал мне это.

Она протянула снимок Йонасу. К фотокарточке прилипло несколько крупинок соли, но даже

если бы она вся была в ней, Йонас все равно сразу бы узнал эту сцену.

Стелла, смотрящая на море. Только молодая.

В летнем оранжевом платье до колен с открытой спиной.

Точно как на картине Жеральдо. Но без «Заката № 5». Вместо него над морем расстилались бесформенные серые облака.

Если прищуриться, Стелла немного напоминала спасательный круг в пасмурный день.

Йонас перевернул фотографию и обнаружил слова Филиппа: «До встречи!»

Рядом было нарисовано сердце — намного крупнее, чем буквы.

— Об этом мы не будем писать в моей книге, — произнесла Стелла. — Это останется здесь, у моря.

30. Незабываемое

Когда он ехал обратно, Бентье снова сидела на автобусной остановке. Впервые за много дней. Йонас уже начал беспокоиться.

Он поставил свой красный тандем рядом и опустился на соседнее сиденье.

— Я скучал по вам.

Бентье улыбнулась.

— Ах, Йонас, неужели по мне снова кто-то скучает! Приятно знать. Хотя на самом деле это приносит только страдания. Давайте лучше скажем: «Как хорошо, что вы обо мне вспоминали». Воспоминания — это иногда радость, а иногда страдание.

— В случае с вами — только радость.

— Ну вот, вы заставили меня покраснеть. Давно со мной такого не случалось. — Она наклонилась к нему. — Я сейчас заметила одну вещь: вы не

просто вспоминали.

— Нет?

— Вы вспоминали и что-то делали. Вы приходили ко мне, потому что вспоминали. — Бентье лукаво улыбнулась. — Ваши воспоминания… ожили. Простите старушку за странный юмор. Он состарился вместе со мной.

Бентье от души посмеялась над собственной шуткой.

— Почему вы так долго сюда не приходили? — спросил Йонас. — Я беспокоился.

— Старость. Как и детство, она приносит с собой много болезней. И как в детстве, организм недостаточно силен, чтобы им всем сопротивляться.

— Но вы же не ветрянкой заболели, правда? — подмигнул ей Йонас.

— Нет, не ветрянкой. Хотя мне понравилось ею болеть, потому что тогда мне давали столько мороженого, сколько я хотела. А я хотела много! Особенно торт-мороженое с шоколадным, ванильным и клубничным вкусом.

Йонас опустил глаза и грустно проговорил:

— Сегодня у меня нет для вас орехов.

Бентье взяла его за руку.

— Дело же не в орехах. Дело в том, что вы обо мне думали. Это гораздо более ценный подарок,

чем орехи. Хотя они были очень вкусные.

— Я уезжаю домой.

— Как и все мы рано или поздно. Я рада и благодарна, что мы провели вместе несколько приятных мгновений. Хотелось бы, чтобы их было больше. Но это только доказывает, что мне повезло встретить вас здесь. Желаю вам всего наилучшего в жизни. Соберите много прекрасных воспоминаний, которые согреют вас в старости.

— Бентье, голос вашего мужа в автобусе… — Йонас замолчал. Нет, он не скажет ей. — А впрочем, неважно. Мне, к сожалению, пора.

Бентье крепко сжала его ладонь.

— На прощание я хочу раскрыть вам секрет. На самом деле в автобусах уже звучит не голос моего мужа. Его заменили много лет назад. Но знаете, что? Я до сих пор слышу своего Роберта. — Бентье взглянула на тонкие золотые часы на запястье. — Он как раз скоро приедет.

Она села ровнее. Йонас наклонился к Бентье и обнял ее так крепко, что ей потом пришлось поправить волосы.

— Надо же, какой вы эмоциональный! Ни в коем случае не теряйте это качество! По крайней мере, в нужные моменты. Спасибо за все, Йонас.

— Это я должен поблагодарить вас.

— Позвольте дать вам последний совет — это ведь одно из немногих преимуществ возраста, не так ли? От пожилых дам ожидают, что они чему-то научились в жизни и передадут свою мудрость дальше. К сожалению, сама я получила этот совет, когда было уже слишком поздно: проживайте каждый день так, как будто он последний. Тогда ваша жизнь станет незабываемой.

Эти слова упали в сердце Йонаса, как в большое тихое озеро, и разошлись широкими кругами. Он чувствовал, что им понадобится много времени, чтобы коснуться дна. Но не сомневался, что однажды они его обязательно достигнут.

Йонас благодарно кивнул Бентье.

— Пожалуйста, передайте от меня привет своему мужу, когда встретитесь с ним.

Бентье мягко улыбнулась.

— Скоро я снова его увижу. И мы больше никогда не расстанемся. Уже недолго осталось.

Но она сказала это так тихо, что Йонас не расслышал ее слова, заглушенные морским бризом.

Вечером, в двадцать минут одиннадцатого, сидя в своей комнате, Йонас поставил последнюю точку в рукописи. Готово. Вскоре после этого два файла помчались по цифровой магистрали, чтобы в другом месте превратиться в напечатанный

на бумаге текст. В одном из них рассказывалось о том, что Филипп поведал о прощании у моря. О том, как Стелла накричала на него на глазах у маленькой Марлен: как он может уйти, оставив ее одну с этой болью, неужели он не скучает по своему сыну, неужели не скорбит? Во время недавнего телефонного разговора с Филиппом по его голосу было понятно, что он испытывает невероятное облегчение от того, что это последний вопрос о Стелле, который Йонас задаст ему. Йонас не мог судить, насколько правдивы воспоминания Филиппа. Он знал лишь, что две версии отличаются друг от друга. А если бы он спросил Марлен, то, вероятно, появилась бы еще и третья.

Возможно, ни одна из них не была на сто процентов достоверна. У Йонаса сложилось впечатление, что при каждом воспоминании события немного изменяются, примерно как ботинок слегка растягивается, пока не садится точно по ноге.

Чуть позже, выключая свет, Йонас все еще сомневался, какой экземпляр отдать Стелле.

31. Прожить полноценную книгу

На следующий день Йонас с раннего утра сидел на складном стуле перед пансионом в ожидании курьера. Несса составляла ему компанию. Осеннее утреннее солнце ласково поглаживало их лица, словно теплая рука заботливой матери.

— Настоящая пытка, — сказал Йонас уже в третий раз.

— Стелла должна узнать правду. Разве не ты недавно пафосно заявлял мне, что правда — всегда лучший вариант?

— Но я же предоставляю услугу. Стелла платит мне не за правду, а за то, чтобы я описал ее жизнь такой, какой она хочет ее запомнить.

— Но, кроме этого, ты еще и ее друг.

— Разве один друг должен лишать второго всех иллюзий? Разве мне не полагается оберегать ее от боли как раз потому, что я ее друг?

— Сначала, конечно, будет больно, но потом придет ясность, осознание.

— Не уверен, что за болью всегда следует ясность. Стелла сразу поймет, что большую часть информации я получил от людей, чьи воспоминания отличаются от ее.

— А тебе не кажется, что она и так давно знает, что другие видят ее историю иначе? Разве не в этом весь смысл ее книги? Убедить мужа и дочь, что их версии неверны?

— Она разорвет меня на куски! А если сообразит как, то разнесет меня в пух и прах еще и в интернете на сайтах с отзывами. Тогда с моей карьерой биографа будет покончено раз и навсегда.

— В таком случае зачем ты вообще написал вторую версию?

— Мне показалось неправильным ее не рассказать.

— Даже если ее никто не прочитает?

— Я ее прочитал.

— Йонас Энгельбаум, я тебе не верю. Ты пытаешься обмануть самого себя. На самом деле ты хочешь отдать ей ту, другую версию.

Он нервно потеребил воротник.

— Решу, когда увижу Стеллу. Положусь на интуицию.

Наконец у пансиона остановилась машина курьерской службы, и вскоре Йонас держал в руках обе книги. Одну в красном переплете, другую — в синем.

— Мне очень нравится картина, — произнесла Несса. — Но что это за название? «В свете прожекторов. Жизнь Стеллы Дор». Не-е-е. «Одна жизнь — это слишком мало», «Что я еще хотела сказать», «Искусство бежать вниз по склону» — вот хорошие названия.

— Ты что, порылась в отделе автобиографий в книжном магазине?

Несса ухмыльнулась.

— Пойдем. Ты же все еще хочешь идти?

Да, сегодня он хотел пройти этот путь пешком. Совершенно сознательно. И очень медленно. Прощание, часть вторая.

Несса взяла его за руку.

Йонас не сказал ей, но он не без причины шел последний отрезок пути по мокрому песку у кромки воды, внимательно наблюдая за тем, как разбиваются волны.

Он позволил морю принять решение за него.

Если вода коснется его ног, Стелла получит свою собственную историю. Если же прохладные волны до него не дотронутся, он отдаст ей другую

версию.

Вода его коснулась.

Йонас решил, что нужно три прикосновения. Потому что один раз не считается.

Волны перекатывались одна за другой, и темная вода с шумом устремилась к берегу.

Когда они подошли, Стелла сидела на бульдозере. Босиком, в длинном белом платье, к которому надела золотые украшения с бриллиантами.

— И часто она так делает? — полюбопытствовала Несса, пока они приближались к ней со стороны прибоя.

— Не исключено. Но лично я такое вижу впервые.

— Похоже на произведение искусства, на перформанс.

— Вся жизнь Стеллы — это один большой перформанс. Даже в те моменты, когда она — единственная зрительница.

Они подошли к бульдозеру.

Только когда Йонас прочистил горло, Стелла их заметила.

— Ох, я думала, наконец-то приехала пресса, чтобы сфотографировать мой протест, а это вы. Вы что, держитесь за руки? Юная любовь, чудесно! Главное — не сдерживайтесь! Вы молоды

всего лишь раз — и ваши тела тоже.

Йонас не ответил, но искренне надеялся, что Стелла быстро сменит тему. Ведь сегодня ему еще предстояло попрощаться с Нессой.

Это будет тяжелее всего.

— Ну же, дайте мне книгу, дайте мне мою жизнь во всем ее великолепии!

Йонас замялся. Какое решение правильное?

— Что такое? У вас рука затекла? Дайте же мне книгу! В конце концов, я хорошо за нее плачу. Мне не терпится ее прочитать. Наконец-то кто-то написал обо мне правду! — Она ему подмигнула.

Йонасу пришлось залезть на бампер, чтобы передать Стелле том в красном переплете.

— Вот, ваша биография.

Она взвесила книгу в руках.

— Не такая тяжелая, как я предполагала.

— Тонкая бумага.

— Такое ощущение, будто я недостаточно жила.

— Вы же еще живы. Через пару лет я к вам загляну, и мы напишем второй том.

— Ах, Йонас! Вы знаете, что это ложь, и я тоже это знаю. Того, что еще ждет меня впереди, хватит максимум на одну страницу. Причем отнюдь не самую увлекательную. Хотите получить деньги

сразу? Оплата же производится при сдаче, верно? Правда, я сейчас не могу спуститься, вот-вот придет фотограф.

— Просто оформите переводом.

Стелла внимательно посмотрела Йонасу в глаза. Никогда еще он не видел в ее взгляде такой нежности.

— Значит, теперь это правда прощание?

— Да, я уезжаю, а правки мы потом обсудим по телефону.

Она наклонилась к Йонасу, взяла его лицо в ладони и поцеловала.

— Я буду очень по вам скучать, Йонас. — Стелла прочистила горло. — Я ведь на самом деле к вам привыкла.

— Я тоже буду по вам скучать. И никогда не забуду.

— О, я очень на это надеюсь! — рассмеялась Стелла. — А что это у вас в руке? Подарок на прощание? Надеюсь, не конфеты!

— Это… мой собственный экземпляр.

— Хотите, я его вам подпишу?

— Очень любезно с вашей стороны, но нет. — Йонас слез с бульдозера. — Лучше уже готовую, исправленную версию.

— Как пожелаете. — Стелла снова приняла позу

русалки на скале. — Я совсем не умею прощаться. Ни в кино, ни в реальной жизни. Мне чужд мелодраматизм.

Йонас невольно улыбнулся. Но уголки его рта почти сразу опустились.

— Мне тоже. — Он поднял руку на прощание. — Спасибо за все.

Голос все-таки его подвел.

— Ну, вот вы и скатились в мелодраматичность! Всего доброго, Йонас. Поцелуйте свою милую подругу, это облегчит боль расставания. А теперь кыш отсюда, кыш! Мне ведь нужно читать! — Ее голос тоже на мгновение дрогнул, поэтому она сделала вид, что закашлялась.

Когда они отошли на несколько шагов, Несса наклонилась к Йонасу.

— Какую версию ты ей отдал?

Они прошли мимо мусорного контейнера возле «Краба», и Йонас бросил в него синий экземпляр.

— Ту, которая ей нужна.

Когда фотограф наконец ушел, Стелла открыла историю своей жизни.

Стелла Дор родилась в солнечное воскресенье.

Она читала, пока ветер не усилился и не начал все яростнее пытаться вырвать книгу из ее рук. По дороге к «Крабу» Стелла продолжала читать

и наслаждалась тем, что воссоздала свою жизнь в переплете. От этого она чувствовала внутри покалывание, будто в душе лопались пузырьки розового шампанского. К тому же в ретроспективе все казалось настолько непреложным, настолько логичным, как будто иначе и быть не могло, как будто с ее рождением упала первая костяшка домино, повлекшая за собой все остальные.

Даже в «Крабе» она ни на секунду не выпустила книгу из рук и села с ней за обеденный стол. Стелла слышала, как у нее урчит в животе, и чувствовала, что у нее пересохло во рту, однако продолжала читать, потому что ей нравилась ее жизнь.

Затем последовало описание того дня, который разделил ее жизнь на две половины, словно внезапно разверзшаяся пропасть. Стелла сварила себе кофе и начала пить его настолько горячим, что обожгла язык, но все равно сделала еще один глоток, пока не почувствовала боль и на нёбе.

Она очень быстро прочла этот отрывок, практически не дыша, пока не добралась до конца. Стелла много рассказывала Йонасу о похоронах, о том, что на них подавали бутерброды и пирог с посыпкой, о том, что она все организовала сама и специально надела новое черное платье, которое

с тех пор висело в шкафу. Она подробно описала надгробный камень с выгравированным на нем большим солнцем, ведь Густаф был ее солнышком. Стелла поделилась с Йонасом и тем, как складывала все вещи из комнаты сына в коробки, которые стояли друг на друге и отличались от других коробок с безобидным содержимым лишь написанным на них именем.

Его смерть была лишь мгновением. А то, что пришлось делать после нее, длилось гораздо дольше. Ведь смерть всегда несет с собой много дел.

При описании прощания с Филиппом Стелла уже не могла усидеть на стуле. Она читала, расхаживая по комнате кругами, как беспокойная планета.

После этого осталось не так много текста. Всего несколько страниц и почти ни одного события, о котором стоило бы вспомнить.

Как неравномерно годы ее жизни наполнены заслуживающими упоминания моментами. Воспоминаний о поздних событиях было значительно меньше. Казалось, ее последние годы были заполнены одной пустотой, которую незачем отражать в книге.

И вот она дочитала свою историю до конца.

Слишком быстро.

У нее было так много листочков с воспоминаниями, но все равно казалось, что столько моментов упущено, столько всего осталось недосказанным.

Но то, что написано, было написано правильно.

Поэтому Стелла с благодарностью закрыла книгу и прижала ее к груди. Она сидела так до тех пор, пока не успокоилось сердцебиение.

Дело сделано.

Она встала, медленно, словно в торжественной процессии, подошла к своим книгам и поставила собственную автобиографию на свободное место в центре стеллажа.

А потом наступила пустота. Стелла заполнила ее облепиховым ликером, налив себе полный стакан, хотя ликер так не пьют. И еще одним, потому что первый слишком быстро исчез во рту. И большой порцией щедро подперченных макарон с растопленным маслом, солью и крупно натертым пармезаном. После этого Стелла заполнила свою внутреннюю пустоту работой: прибралась и даже выровняла книги, которые десятилетиями стояли как попало. И наконец она вынесла мусор. Сначала то, что собиралось в черный контейнер, потом — в желтый, и наконец — она ходила за каждым пакетом по отдельности — в синий.

Она сразу бросилась Стелле в глаза — синяя книга лежала наверху, среди скомканной бумаги, словно в гнезде. Почему Йонас выбросил сюда свой экземпляр? С ним что-то не так?

Она достала его, раскрыла и прочитала первое предложение.

Стелла Дор родилась в дождливый понедельник.

Эти слова заполнили пустоту у Стеллы внутри, как горячий деготь. Больше ни на что не обращая внимания, она выронила бумажный мусор и продолжила читать, судорожно вцепившись в книгу, как человек, который не может выпустить из рук врачебное заключение о своем заболевании, каждая строчка в котором содержит приговор о жизни и смерти. От «Краба» до мусорных баков дотягивалось очень мало света, но Стелла лихорадочно читала дальше.

Вдруг ее посетила неожиданная мысль. Чтобы это написать, Йонас, должно быть, поговорил о ней со многими другими людьми. К тому же он точно знал, что она всегда заглядывает в мусорный бак, прежде чем что-то туда бросить, потому что много лет назад однажды случайно выбросила еще неоплаченный счет за электричество.

Когда ноги налились тяжестью, Стелла села

на лестницу «Краба». А потом, по мере того как уставали глаза, пересаживалась все выше, по одной ступеньке за раз, ближе к свету.

После долгих часов чтения Стелла не прижала синюю книгу к сердцу.

Она положила ее рядом с собой на старые деревянные половицы.

Эта версия ее жизни изобиловала острыми краями, глубокими дырами, ранами, струпьями и шрамами.

Любой человек волен скрыться под маской, но рано или поздно она начинает натирать. Если и после этого продолжать ее носить, велик шанс, что снять ее станет невозможно и ты сам забудешь, как на самом деле выглядишь под ней.

Снимать маску, конечно, больно, но в тоже время это дарит свободу.

В словах других людей Стелла обнаружила понимание, а иногда даже любовь. Никаких упреков, никаких обвинений. Только несчастье во всей его суровости.

Она посмотрела в сторону поселка, туда, где в ночи виднелся бледный свет.

Туда, где находился Йонас.

Тот, кто поступил по-своему, наперекор ее воле.

32. Пощечина

Йонас спал беспокойно. Время от времени ему казалось, что кто-то зовет его по имени. Но ветер умел обманывать слух, ему нельзя доверять.

Пансион еще спал, когда Йонас тихо спустился по лестнице и вышел на прохладный утренний воздух. Прогулка по пустынному пляжу пойдет ему на пользу, прежде чем он сначала проведет день с Нессой, а потом вернется к отцу.

Но на входной двери висела прикрепленная скотчем записка, которая перечеркнула все его планы.

Йонас должен немедленно прийти ко мне!

Подпись не требовалась — таким изящным почерком не писал никто, кроме Стеллы.

Значит, она нашла синюю книгу.

Йонас убеждал себя, что нельзя быть уверенным, заглянет ли Стелла в мусорный бак. То есть

он доверился воле судьбы.

Но все же он знал, каковы шансы, что это случится. И знал, что ему придется отвечать за последствия. Не существует оправданий, которые Стелла приняла бы.

То есть карьера биографа ему не светит.

На самом деле он понимал это с тех пор, как начал писать вторую версию ее автобиографии. Книги ведь пишут не для того, чтобы их никто не читал.

Йонас выбрал путь по набережной, надеясь, что медленный ритм волн его успокоит. Однако это не помогло, и он ускорил шаг. И в конце концов перешел на бег, чтобы поскорее покончить с этим.

Когда он, запыхавшись, добрался до пляжа у «Краба», солнце уже взошло.

Стелла Дор танцевала на золотистом песке.

Из дребезжащих уличных колонок «Краба», когда-то установленных для развлечения гостей на террасе, доносилась громкая музыка. Йонас узнал голос Дорис Дэй, потому что его мать любила по воскресеньям смотреть фильмы с ее участием, сидя в пижаме, укутанная в одеяло, с фруктовым чаем и шоколадным печеньем под рукой.

Que sera, sera,

Whatever will be, will be.
The future's not ours to see.
Que sera, sera,
What will be, will be[27].

Стелла танцевала не одна, а сразу с двумя партнерами. Одним из них был Пауль, который, несмотря на загипсованную ногу, на удивление элегантно кружил по пляжу, другим — Хороший Мальчик, который, радостно виляя хвостом, прыгал вокруг них. В нескольких шагах от танцующих за мольбертом сидел Жеральдо и рисовал это зрелище. Розовые ковбойские сапоги притопывали по песку в такт музыке.

И вдруг Йонас вспомнил, как танцевала мама, когда по радио играла подходящая песня. Она танцевала, пока готовила или полола сорняки и даже откладывала ради этого книгу. Йонасу запомнились какие-то странные песни из восьмидесятых и девяностых, под которые она вечно пыталась уговорить его потанцевать вместе с ней: «Потанцуй со мной макарену! Давай, Йонас, станцуем Cotton Eye Joe!» Но он никогда не поддавался на ее уговоры.

---

[27] Примечания: 27

Строчки из песни Дорис Дэй «Que Sera, Sera»: «Что будет, то и будет. / Что бы ни произошло, / Нам будущее видеть не дано. / Что будет, то и будет, / Что будет, то и будет».

Сейчас он очень об этом жалел, и сожаление сдавливало сердце холодными пальцами.

Когда Стелла во время широкого поворота заметила Йонаса, она коротко помахала ему рукой, но продолжила танцевать. Лишь когда песня закончилась, она подошла к нему с раскрасневшимися щеками.

— Я по-прежнему в отличной форме!

Она изобразила пируэт, а Пауль и его золотистый ретривер продолжили танцевать, хотя музыка уже не играла.

— Вообще-то я хотела как следует отчитать вас, Йонас. Может, даже дать пощечину. — Стелла в шутку замахнулась — Во второй версии моей жизни написано столько глупостей!

— Все, что там написано, мне…

— Тс-с! Женщинам всегда нужно давать договорить!

Йонас покорно кивнул.

— Не все, что там написано, неправда. Поэтому я передумала. Это роскошь, правом на которую мы все обладаем, но слишком редко им пользуемся. Читая вторую версию, я как будто открыла глаза после долгого сна, и они сразу заболели от ослепляющих лучей солнца. Но к свету привыкаешь, со временем начинаешь различать

очертания и снова ясно воспринимать мир.

— Я… на это и надеялся.

— Я прекрасно это понимаю. К тому же я успела немного вас узнать. — Она смахнула прядь волос со лба Йонаса. — В любом случае, я сегодня же поеду к мужу и дочери. Вещи уже собраны.

Стелла положила в чемодан и роман, который Йонас подарил ей в честь их знакомства. Она решила, что пришло время дать шанс кое-чему новому. В том числе роману с таким отвратительным названием, как «Старик и море».

— Вы подарите им свою книгу?

— Нет.

— Значит, подарите обе?

— Тоже нет.

— Вы просто хотите поговорить?

— Пожалуйста, перестаньте так неудачно гадать. Я еду к ним, чтобы вместе с ними записать нашу историю. Мы создадим нечто новое, общую книгу.

— Вам нужна моя помощь?

— Нет, мы справимся сами.

— О, конечно. Я тоже так думаю.

— Для вас же у меня есть другое задание!

— Но я ведь уже написал историю вашей жизни.

— Есть же и другие.

— Пауля? Жеральдо?

Стелла покачала головой.

— Ваша собственная! И история вашей матери. У меня сложилось впечатление, что вам есть о чем рассказать. Да не смотрите вы на меня так! Не желаю слышать возражений! Заплачу по той же ставке. На этом тема закрыта.

Рядом вдруг появился Пауль и вопросительно посмотрел на нее.

— Жеральдо говорит, что ты уезжаешь?

— Да, и Жеральдо будет за рулем. Он хочет узнать, как выглядят рассветы в деревне.

— А я что буду делать?

— Ты, естественно, поедешь с нами. Как мы и договаривались.

— А я даже не знал. Куда же мы поедем?

— Ты едешь со мной. Этого достаточно?

— Ну ладно. Тогда я поеду. Стелла?

— Да?

— Там, куда мы поедем, мы тоже будем танцевать?

— Каждый день.

— Тогда отправляемся немедленно!

— Мне еще нужно кое-что сделать. Скажи, пожалуйста, Жеральдо, чтобы он еще раз поставил

песню Дорис Дэй.

— Кто такая Дорис Дэй?

— Просто передай ему мои слова. Жеральдо — это тот мужчина у мольберта.

— Да знаю я! — Пауль ушел, и Хороший Мальчик побежал следом.

Стелла снова повернулась к Йонасу.

— Пора мне о нем позаботиться. Он достаточно долго заботился обо мне. — Она вдруг что-то вложила в его руку. — Это ключи от «Краба». Можете жить здесь, сколько захотите. А если когда-нибудь решите вернуться домой, просто оставьте их в замке.

— Но как только муниципалитет узнает, что в «Крабе» больше никто не живет…

— Пусть сносят этот старый сарай! Он напоминает старую раковину улитки. Пора мне вырастить новую. К тому же все, что мне нужно, у меня с собой. Я с давних пор путешествую налегке. По крайней мере, это касается моего чемодана.

Дорис Дэй снова запела, и Стелла взяла Йонаса за руку.

— Пойдемте, потанцуйте с очаровательной пожилой дамой. Подарите мне этот танец.

— Я вообще не умею…

Стелла обхватила его за талию и повела.

— Танцевать может каждый, Йонас. Нужна только подходящая партнерша. Запомните это на всю жизнь, может, пригодиться.

Затем Стелла начала танцевать, и Йонас, хоть и не умел, танцевал вместе с ней.

Чуть позже, когда почти все вещи уже лежали в машине, Стелла еще раз вернулась к «Крабу». Осторожно вытащила через окно картину Жеральдо, завернула ее в шерстяной плед, чтобы не повредить, и уложила в багажник универсала.

— Я чрезвычайно рад, что вы забираете с собой «Закат № 5», — сказал Жеральдо, когда Стелла села рядом с ним. На заднем сиденье Хороший Мальчик прижался к Паулю и лизнул его в лицо.

— Ничего подобного, — откликнулась Стелла.

— Но…

— Закат или восход — это определяет зритель, смотрящий на картину, не так ли?

— Вообще-то… на самом деле это решает художник.

— Ты ошибаешься.

— Почему?

— Кто на картине стоит на пляже в потрясающем платье и смотрит на солнце?

— Ну, вы…

— Именно. Так кто же лучше меня знает, куда движется солнце? И я говорю: это утро чудесного дня.

Жеральдо кивнул и завел машину, чем заслужил радостный лай Хорошего Мальчика.

— Знаете, что я сейчас понял? — спросил художник.

— Что никогда не сможешь победить в споре кинодиву? — улыбнулась Стелла.

— Нет, хотя это, конечно, тоже правда. Но я говорю о том, что действительно впервые нарисовал восход солнца. Поэтому даю картине название… Нет, произнесите это, пожалуйста, вы, Стелла. Это же ваша картина.

Она улыбнулась.

— «Восход № 5»!

33. Только для Пауля

Стая. Каждую ночь ему снилась стая. Большая счастливая стая. В ней спокойно жила и суетливая такса, и даже один из чудаковатых терьеров — множество разноцветных собак.

Во сне они резвились все вместе. А засыпали, прижавшись друг к другу.

Проблема возникала в тот момент, когда он просыпался.

Потому что тогда он снова оказывался совсем один.

Из-за этого ему больше не хотелось просыпаться.

Когда кто-то приходил в приют, золотистый ретривер даже не шевелился. Никто не заберет его, чтобы он стал частью их стаи. И дело не только в том, что он уже давно не молодой пес.

Он просто лежал, свернувшись калачиком в

углу своей клетки, уткнувшись мордой в потрепанное махровое полотенце в цветочек. И все равно не мог не слышать, как открывается решетка вольера какой-нибудь другой собаки и как ее выводят, а она радостно лает.

Щенком он чуть ли не сходил с ума, когда кто-то приходил. Он прыгал возле решетки, лаял, кружился на месте — едва не лопался от радостного предвкушения. Обычно проходило совсем немного времени, прежде чем кто-нибудь обязательно брал его на руки.

Как та девочка с вьющимися волосами, которой исполнилось всего пять лет, с липкими от сахарной ваты ручками — она ела ее на ярмарке в честь своего дня рождения. Он плакал от радости, когда она прижала его к себе, и лизал ей лицо, радостно виляя хвостом.

Она была счастлива, он был счастлив. Они нашли друг друга.

Осталось только пройти короткий осмотр у ветеринара, который мучил его своими жесткими, холодными пальцами. Но после этого его не пустили к девочке, а снова заперли в металлической клетке. Теперь на ней висела желтая табличка, сообщавшая всем заинтересовавшимся, что он хронически болен и должен ежедневно

принимать лекарство.

Он, конечно, ничего об этом не знал и продолжал прыгать от радости при приближении любого человека, ведь тот наверняка пришел за ним!

Но его решетку больше никогда не открывали. Когда дети с широко раскрытыми глазами показывали на него, родители быстро их уводили.

И однажды он перестал прыгать.

Через год одна из сотрудниц приюта бросила ему в вольер старую игрушку — пластиковую бульдожку, которая и на вкус была пластиковой, даже если жевать ее достаточно долго, не обращая внимания на писк. Больше ему все равно нечем было заняться.

Он быстро прогрыз бульдожку и с тех пор больше не получал игрушек. Осталось только махровое полотенце, которое и стало его домом.

И вот он снова услышал шаги. Он еще плотнее свернулся калачиком, повернувшись к людям спиной.

Шаги одного их них он знал — это новый смотритель, другой ступал медленно и тяжело.

— А там тоже кто-то есть?

— Он всегда прячется в дальнем углу, уже довольно пожилой.

— Прямо как я. — Мужчина, его голос и смех, звучали дружелюбно.

— Он здесь уже целую вечность, его никто не берет. Все проходят мимо. Ему каждый день нужны лекарства.

— Прямо как мне. И меня тоже все обходят стороной. — Мужчина подошел ближе. — Мы отлично подходим друг другу!

Затем клетку открыли.

Так он и его потрепанное махровое полотенце оказались у Пауля.

Они стали всего лишь маленькой стайкой, включающей только их двоих, но оба могли полагаться друг на друга. Он охранял Пауля по дороге на работу, однажды даже защитил его от шипящего лебедя! В сторожке послушно лежал позади него на полотенце и следил, чтобы внутрь не проникли посторонние. А дома на диване он дарил Паулю много тепла.

У Пауля он выучил много слов. «Гулять» было одним из его любимых. Наряду с «завтрак» и «лакомство». «Крупнозернистая ливерная колбаса» звучало просто великолепно. «Купаться» он, напротив, не любил вовсе. А на слове «расчесываться» предпочитал поскорее спрятаться.

Но все это не шло ни в какое сравнение с на-

бором слов, которые приносили ему столько радости, что казалось, будто весь мир состоит из счастья.

Сначала слово было всего одно: «Бродяга». Оно быстро превратилось в «Бродяжка» или «Бродяжище». Иногда к ним присоединялись другие слова: «Старый Бродяга», «Большой Бродяга». Вскоре появились «Толстяк» и «Вонючка». Еще Пауль любил их комбинировать. «Толстый Бродяга». «Бродячий Вонючка». «Толстый Вонючка-Бродяга».

Эти слова произносились и криком, и шепотом и звучали особенно приятно во время поглаживаний по голове.

А потом совершенно неожиданно исчезло слово, которое Пауль говорил ему чаще всего. Их самое старое общее слово.

Его заменило «Хороший Мальчик».

Он не знал истинного значения слов, но понимал, что Пауль хотел ими сказать. Слышал это по тону его голоса, который доставлял ему такое же удовольствие, как и поглаживания. Скрытое в них послание было очень простым: «Я тебя люблю».

У Хорошего Мальчика тоже был лай, предназначенный только для Пауля. И означавший то

же самое. «Я тебя люблю». Когда его охватывал особенно сильный прилив чувств к своему человеку, он добавлял «Больше, чем любую косточку» или даже «Больше, чем грязную лужу с косточками на дне».

Но когда Пауль не выбрался из ямы в песке, Хороший Мальчик не понял, чего от него хотел Пауль. Он произносил новые слова. Очень громким и хриплым голосом.

Хороший Мальчик решил привести человека, который его поймет. Поэтому он побежал по пляжу, чтобы кого-нибудь найти. На горизонте он увидел небольшую стаю людей. Один из них, с длинной шерстью, привязал к животу крошечного человечка.

Но когда Хороший Мальчик подбежал к ним, они попятились. Он пролаял все слова, которые знал. Как хорошие — «кушать» и «гулять», — так и плохие. Даже провыл слово «ветеринар». Он пролаял и «Я тебя люблю», чтобы люди поняли: речь идет о Пауле. Но они прогнали его, а один и вовсе накричал на него и пнул.

Тогда Хороший Мальчик вспомнил единственного человека, который его поймет. Единственное существо, кроме него самого, которому Пауль говорил «Я тебя люблю».

Он выражал это одним коротким словом, которое звучало совсем иначе, нежели все те, что Пауль использовал для него, но означало то же самое. У него был особый звук, похожий на блеск моря на рассвете.

Это слово «Стелла».

Они втроем образовали стаю.

А когда стая вместе, возможно все.

34. В «Крабе»

День спустя Йонас сидел у окна в «Крабе» и смотрел на улицу. Строительная пленка, натянутая вместо исчезнувшей стены, громко шуршала и трещала, хотя он и укрепил ее дополнительными рейками.

Перед ним стоял раскрытый ноутбук, кончики его пальцев лежали на клавишах — неподвижно.

Имке и Бритта не расстроились, когда он выселился, совсем наоборот. Они даже совершенно бескорыстно вызвались каждый день приносить ему еду. А еще взяли на себя уборку «Краба», не выставляя за это счет, что подчеркнули во время сегодняшнего визита, тщательно осматривая все вокруг.

Йонас положил на плетеный пластиковый стул самую удобную подушку и сунул под ноутбук

стопку старых виниловых пластинок, чтобы приподнять его на нужную высоту. Вид на море заряжал энергией, не отвлекая его слишком сильно.

И тем не менее.

Ни одного предложения.

Ни на следующий день. Ни через день.

Пора признать, что Йонас не мог ухватить свою собственную историю, как спрятанный конец нитки в клубке шерсти.

В «Крабе» хранилось много записок Стеллы, но ни одной его.

Когда Несса пришла к нему в павильон после смены в «Бабусиной поварне», вид у нее был напряженный. После очень долгого приветственного поцелуя она поставила чайник.

— Я хочу с тобой кое-что обсудить, — наконец произнесла она. — То есть я должна с тобой кое-что обсудить.

— Звучит нехорошо.

— Хочешь чай? — Чайник засвистел, и она налила горячую воду в две чашки с чайными пакетиками.

— Нет, лучше сразу выкладывай.

Несса села рядом с ним.

— В общем… я тут подумала… И прежде чем

ты спросишь: у меня правда это хорошо получается. — Она взяла его за руку. — Йонас, тебе не удастся писать здесь, потому что для этого тебе нужно быть дома. И если ты уедешь обратно, я поеду с тобой. То есть если ты этого хочешь. Потому что я хочу… Я хочу и дальше быть с тобой, и у меня сейчас как раз есть на это время. Подожди, не отвечай пока! Я еще не закончила. Я могла бы помогать в ресторане твоего отца, мы бы поделили твои смены. Тогда у тебя будет достаточно времени для писательства, а у меня — для учебы. И у нас обоих будет достаточно времени, чтобы понять, что между нами. Ну, что скажешь?

Несса очень старалась, чтобы в ее словах не проскальзывала тревога.

Воздух замер, потому что прозвучал один из тех вопросов, ответ на который мог изменить движение молекул.

Йонас улыбнулся.

— Ты просто потрясающая, ты в курсе?

— Можешь говорить это чаще. Это значит «да»?

— Конечно, это «да». И «спасибо». И «поцелуй меня, черт возьми»!

Они поцеловались, черт возьми.

Этот поцелуй отличался от всех предыдущих.

Словно они губами заключили молчаливый договор.

— Давай уедем завтра утром. Ты совершенно права, в «Крабе» была написана история Стеллы, но моя собственная разворачивается где-то в другом месте.

— В…ките? — ухмыльнулась Несса.

Йонас рассмеялся.

— Там хватит места для двоих! И еще для водорослей и гирос-суши.

— Идеально. Собираемся?

— Собираемся!

В чемодан Йонаса отправилось несколько автобиографий, банка из-под соленых огурцов, заполненная ужасно срочными письмами из муниципалитета, а также тарелка из кофейного сервиза, на которой Стелла подавала ему «Черный лес» в первый и в последний день (два кусочка до сих пор лежали в морозилке).

— Я скажу Имке и Бритте, что они могут забрать все, что захотят. — Йонас достал мобильный телефон. — Для своего маленького музея Стеллы Дор.

— Так ты одним махом осчастливишь сразу двух женщин. Хорошо, что ты это умеешь…

У Костаса в «Дионисе» они купили бифтеки[28] и картошку фри с густым майонезом, а потом съели все это, сидя по-турецки на террасе «Краба».

На улице к тому времени так похолодало, что им пришлось тесно прижаться друг к другу.

Они молча смотрели на пляж, где не хватало резвящегося золотистого ретривера.

На следующее утро, прежде чем уехать вместе с Нессой, Йонас еще раз посмотрел в окно, рама которого выглядела как рама от картины.

Море казалось совершенно спокойным, а ночь сменялась первыми лучами нового дня.

Йонас улыбнулся.

Это был «Рассвет № 5».

---

[28] Примечания: 28

Традиционные греческие рубленые бифштексы или котлеты из мясного фарша, приправленные ароматными травами и специями.

35. Двери открываются

— Мне нужно тебе кое-что сказать, Йонас. Присядь рядом.

— Андре подарили новый футбольный мяч, мама! Из настоящей кожи.

— Это ненадолго. Но очень важно.

— Я что-то натворил?

— Нет, иди, садись. Поближе ко мне. Давай немножко пообнимаемся.

— Я люблю обниматься.

— Я тоже. Больше всего на свете.

— А еще мороженое. И «Лего», особенно новые наборы, я их все попросил на день рождения! И смотреть телевизор! Мультфильмы.

— А я больше всего люблю обниматься.

— Ну, ты ведь мама.

— Послушай, Йонас…

— Да?

— Врач нашла что-то… то есть… Мама заболела.

— Ладно.

— Очень сильно.

— Но завтра ты же снова поправишься, да? И тогда мы поедем в кино.

— Нет, завтра я не поправлюсь. Но мы все равно можем поехать в кино.

— Это хорошо.

— Да, хорошо. Но… я не знаю, когда я поправлюсь. Никто этого не знает.

— Никто?

— Да, никто.

— Ты совсем не выглядишь больной. Ты выглядишь как всегда.

— Я болею внутри.

— А-а-а… Значит, этого совсем не видно.

— Пока нет. Но когда-нибудь мне придется лечь в больницу, и там врачи будут делать все, чтобы я выздоровела.

— Ладно. Можно мне теперь пойти к Андре?

— Ты можешь мне кое-что пообещать?

— Я потом сделаю уроки, обещаю. Но пока не стемнело, можно мне поиграть в футбол?

— Ты будешь потом меня вспоминать?

— Что ты имеешь в виду?

— Глупый вопрос… забудь его.

— Что значит «вспоминать»? Это же получается автоматически. По-другому не бывает.

— Когда станешь старше, все изменится. Тогда будет казаться… будто ты находишься в большом доме с множеством этажей и огромным количеством дверей. Некоторые из них тебя пугают, потому что ты знаешь, что за ними совсем темно, другие открываешь снова и снова, потому что за ними праздник. А о некоторых со временем забываешь. Поэтому нужно время от времени открывать их и смотреть, что за ними скрывается. Но иногда ты забываешь, даже как это делается, и думаешь, что они закрыты навсегда. А потом слышишь музыку или чувствуешь запах…

— Пук?

Она засмеялась.

— Да, пук может помочь.

— Это хорошо, тогда папа точно всегда будет хорошо все помнить.

Она засмеялась громче.

— В этом он чемпион мира. — Но потом она снова замолчала. — Так или иначе, после этого удается снова открыть дверь и вспомнить. Тогда нужно оглядеться, спросить себя, что там еще осталось. В таких случаях вспоминать — это по-

чти как работа, но оно того стоит.

— Ты говоришь какие-то странные вещи, мама.

— Правда?

— Точно. Можно мне уже пойти к Андре? Это тот же мяч, что был на чемпионате мира!

— Такой же.

— Что?

— Неважно. Потом узнаешь.

— Что я узнаю?

— Все. Надеюсь, все, что важно. — Она крепко прижала его к себе. — Не забывай меня, мой маленький Коржик.

— Я не могу тебя забыть, ты же моя мама. А я твой Йонас.

— И всегда им будешь!

Он встал.

— Я пойду играть в футбол, но потом можешь еще раз объяснить мне про это вспоминание. Если хочешь.

— Нет, все в порядке.

— А может, есть какой-нибудь фильм на эту тему? Как передача с мышкой? Там ведь тоже всегда все объясняют. Фильм — это здорово. Чтобы запомнить.

— Фильм, чтобы запомнить…

— Я забью гол для тебя, мама, обещаю! Люблю тебя, мама!

— Я тебя тоже. Очень сильно.

— Ты что, плачешь, мама?

— От радости, потому что ты сейчас забьешь для меня гол.

— Может, я даже два забью. Обязательно забью для тебя два! Сегодня суперский день!

— Подойдешь ко мне еще раз на минутку?

— Ну ма-ам!

— Всего на минуточку, обещаю. А потом можешь забить столько голов, сколько захочешь.

— Ладно!

Она еще раз его обняла.

— За этой дверью ты найдешь долгие объятия. И уверенность в том, что всегда поступал правильно. Даже если что-то шло не так. Хорошо?

— Ты такая странная. Но я все равно тебя очень люблю.

— Это главное. Любить, даже если что-то кажется странным.

— Пока, мама. Мне пора бежать!

— Будь счастлив, Йонас. — Она видела, как он пробежал по улице мимо окна и пнул камень. — Пожалуйста, будь счастлив.

Эпилог

Несколько дней назад Стелла открыла дверцу выкрашенного в цвет морской волны «Вольво-универсала» Жеральдо и попросила его, Пауля и Хорошего Мальчика остаться в машине. Она хотела сначала поздороваться.

Это приветствие так долго ждало, когда его наконец произнесут. Но слова не похожи на вино — они не становятся лучше с годами. Слова, которые долго не произносятся, слипаются, пока голосовые связки в конце концов не теряют способность их выговаривать.

Стелла тихо закрыла дверь пассажирского сиденья — не хотела объявлять о своем приходе резким звуком. Она аккуратно достала картину из багажника и прошла мимо главного дома во внутренний двор, точно так же, как Йонас и Несса несколькими днями ранее. Туфли она

сняла еще в машине; гравий впивался в ступни, привыкшие только к мелкому песку.

Был полдень, поэтому никто не работал, все собрались в столовой. Стелла устроилась на скамейке, с которой было видно все, что происходило внутри, и поставила картину рядом с собой.

Один молодой человек заметил ее и исчез в главном доме, а через некоторое время во дворе появился мужчина, которого она узнала, хотя теперь его лицо покрывали многочисленные морщины. Он был все тем же и в то же время другим. Однако в нем еще оставались черты мужчины, которого она когда-то так любила. Мужчины, который поддерживал ее в мире, лишенном всякой опоры.

Филипп остановился, словно вдруг прирос к земле.

— Вот мы и снова встретились, — сказала Стелла и кивком головы указала на картину.

— Добро пожаловать, — нерешительно ответил Филипп. Голос выдавал, что эти слова десятки лет ждали своего часа.

— Это заняло немало времени. Но рано или поздно приходится отказаться от надежды на лучшее прошлое.

— Всему нужно время. Чему-то больше, чему-то

меньше.

— Верно.

Они смотрели друг на друга и молчали.

Стелла и Филипп давно отвыкли разговаривать друг с другом, все слова казались неуклюжими.

Стелла хотела вставить фразу про белого слона, как всегда, когда ей было трудно о чем-то говорить.

Но не в этот раз.

В этот раз она не станет уходить от темы. Внезапно рядом с Филиппом появилась Марлен.

— Ты?! — По ее лицу текли слезы, руки сжимались в кулаки.

— Марлен, дорогая. Ты… Как же я рада снова тебя видеть! Я по тебе соскучилась.

— Зачем ты приехала? — процедила Марлен сквозь стиснутые зубы.

— Чтобы поговорить. — Стелла покачала головой. — Чтобы выслушать.

— Это хорошо, — сказал Филипп, не дав Марлен выпалить гневный ответ. — Нам есть о чем поговорить и есть что выслушать. Если хочешь, можешь пообедать с нами. У нас фасоль…

— …с грушами и беконом?

— Нет. — Он с удивлением, но и с едва заметной улыбкой нахмурил брови. — В салате с помидо-

рами. И свежеиспеченный хлеб. Легкий обед.

— Легкий обед… звучит неплохо.

— То есть все вот так просто? — поразилась Марлен. — После стольких лет? Мило пообедаем вместе, как счастливая семья? Все простим и забудем? Хотя ты бросила нас! Совсем не заботилась обо мне! О маленькой девочке, которая так отчаянно нуждалась в матери! — Голос Марлен с каждым словом становился громче. — Как у тебя хватило наглости сюда заявиться? Как ты смеешь смотреть нам в глаза? Я бы с удовольствием выгнала тебя со двора, но не стану этого делать. Потому что так меня воспитал отец. А матери, которая научила бы чему-то подобному, у меня никогда не было.

С этими словами Марлен развернулась и ушла.

Стелла сдержала порыв броситься за ней. Потребуется время, и оставалось надеяться, что им его хватит. И удача ей тоже не помешала бы. Добиться прощения силой не получится, можно только надеяться, что однажды оно придет. Так бывает со всем, что по-настоящему ценно в этом мире.

— Я действительно могу остаться, Филипп? Ты уверен?

— Всегда был уверен.

— Я привезла с собой друзей. С ними легко ужиться. И только один из них лает.

— Здесь всем рады. Но они должны помогать. За исключением того, который лает, он пусть даст себя погладить.

Краем глаза Стелла заметила, что Марлен наблюдает за ними из столовой, наполовину спрятавшись за занавеской.

— И еще мне нужно найти хорошее место для картины.

— Восход солнца для нас троих. Это мне нравится.

— Для нас четверых, — поправила его Стелла. — Нас всегда будет четверо.

Филипп кивнул, затем сел рядом со Стеллой на скамейку. Сделав глубокий вдох, Стелла робко взяла его за руку. Филипп не отдернул ее. Вместо этого он нежно провел большим пальцем по тыльной стороне ладони Стеллы.

Не все было хорошо, но и не все было плохо. Для начала этого более чем достаточно.

Можно начинать писать новую книгу.

Послесловие

Некоторые истории рождаются из короткой газетной заметки.

Так произошло и с этой.

Уже много лет подряд Маргарет Макколлум каждый день приходит на лондонскую станцию метро «Эмбанкмент», потому что это последняя станция, где еще можно услышать голос ее покойного мужа, произносящего: «Mind the gap»[29].

Ее история тронула меня. И застряла в моей памяти.

Приступая к работе над «Запискам из дома на песке», я вдруг вспомнил о ней — что очень кстати для романа о воспоминаниях. Я пересмотрел свои прежние планы и создал место для такой женщины, как Маргарет Макколлум. И, как и ее реальный прототип, моя героиня тоже регулярно приходит на одно и то же место.

Когда пишешь роман о воспоминаниях, невозможно не вспоминать о себе самом. Внимательно наблюдать за собственными воспоминаниями и

---

[29] Примечания: 29

«Осторожно, зазор» (*англ.*) — общепринятая фраза в лондонском метро, предупреждающая о промежутке между поездом и платформой.

подвергать их сомнению.

Это стало для меня неожиданным подарком.

В том числе, или, может быть, именно потому, что не каждое воспоминание заставляло меня улыбаться.

Банальная истина: человек не остров[30].

Тем не менее мне кажется, что творческих людей воспринимают именно так.

А ведь ни одна из моих книг не написана сама по себе. Я семьянин, и без моих близких, без моих любимых людей все эти строки не появились бы на свет. Я благодарю свою любимую жену Ванессу, наших чудесных детей Фредерика и Шарлотту (которые уже давно выросли, но, как и все мы, всегда останутся детьми — что иногда кажется бременем, но на самом деле это огромная привилегия), своих кошек Гарри и Салли, которые по-прежнему считают себя собаками. За исключением тех случаев, когда бесстыдно позволяют себе проявлять иррациональность настоящих кошек. Спасибо моим родителям и брату, с которыми меня связывает так много всего и для которых я навсегда останусь прежде всего сыном и братом.

---

[30] Примечания: 30

Отсылка к цитате английского поэта Джона Донна.

За время работы над «Записками из дома на песке» я вспомнил о множестве моментов вместе с вами.

Эти воспоминания, этот роман стали реальностью благодаря издательству Piper, в котором целых пятнадцать лет назад я обрел свой писательский дом. Несмотря на свои масштабы, оно сумело сохранить человеческое тепло и не только создать пространство для творчества, но и вдохновить своих авторов на то, чтобы этим пространством пользоваться. В первую очередь это заслуга его великолепной, отзывчивой сотрудницы Фелицитас фон Ловенберг, которая вдохнула в издательство такой дух. Немалую роль сыграла и руководительница отдела популярной художественной литературы, неподражаемая доктор Андреа Мюллер — самый трудолюбивый человек из всех, кого я знаю. Спасибо за твою неустанную работу, дорогая Андреа! Она поистине неповторима.

Также я хочу поблагодарить Изабель Топпе, которая вместе с Андреа бережно отредактировала эту историю.

Писать подобные строки в приложении к роману, который выходит в издательстве Piper, может показаться просчитанным шагом. Но мне важно

выразить свою благодарность. Для меня это глубинная потребность, ведь создается впечатление, что благодарить стало как-то немодно, вместо этого теперь принято жаловаться. Хотя и тому, и другому есть свое время и место.

Отдельное спасибо моему агентству, чудесному озорному «ветру Северного моря» Наде Коссак и ее команде. С ними меня тоже связывает множество воспоминаний, как прекрасных, так и грустных.

В нашу стремительную эпоху людям часто не хватает времени на воспоминания. Сегодняшний день и день завтрашний требуют слишком много нашего внимания. И хотя не стоит жить вчерашним днем, именно в нем можно найти много ответов. Ведь чтобы понять, кто мы есть, необходимо осознать, как мы такими стали.

Я желаю вам воспоминаний. И чтобы в самых тяжелых из них рядом был человек, который возьмет вас за руку и согреет своим теплом.

МИФ Проза

Вся проза на одной странице: mif.to/prose

Подписывайтесь на полезные книжные письма со скидками и подарками: mif.to/proza-letter

#mifproza
#mifproza

Над книгой работали

Руководитель редакционной группы *Анна Сиваева*
Шеф-редактор *Виталина Гущина*
Ответственный редактор *Дарья Облинова*
Литературный редактор *Надежда Сергеева*
Креативный директор *Яна Паламарчук*
Арт-директор *Александра Смирнова*
Иллюстрация на обложке, оформление блока *Анастасия Нагирная*
Корректор *Дарья Ращупкина*

ООО «МИФ»
mann-ivanov-ferber.ru

Электронная версия книги — ООО «Вебкнига», 2026